

	Название статьи	Страницы	Цит.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ			
☐	НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ МИФ О «МИНИМАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ» Драшкович В., Драшкович М.	7-15	2
☐	СОЦИАЛЬНАЯ СТАВКА ДИСКОНТИРОВАНИЯ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ОЦЕНКА, МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ Коссова Т.В., Шелунцова М.А.	16-27	5
☐	КАРТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ И ДЕФОРМАЦИИ ДЛИННОВОЛНОВОГО МЕХАНИЗМА Румянцева С.Ю.	27-45	3
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА			
☐	ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ: МИРОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД Осокина Н.В., Макарейкина М.Р.	46-59	3
☐	ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА БИЗНЕСА И ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ Алексеева И.В., Клейнер Г.Б., Садыков Н.Н.	59-74	2
☐	ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РАЗМЕЩЕНИЕ ФИРМ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СИБИРИ) Торбенко А.М.	75-85	0
☐	СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ НАКОПЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ Титов В.Н.	86-99	2
☐	ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ Буздалов И.Н.	99-116	1
☐	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ПЛАТЕЖЕЙ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Ховавко И.Ю.	117-126	1
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ			
☐	IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ Юрченко К.П.	127-129	0
☐	НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ Некипелов А.Д., Татаркин А.И., Попов Е.В.	130-136	0
КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ, СЕМИНАРЫ, КОНКУРСЫ			
☐	ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС	137-138	0
☐	XIV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА»	138-140	0
☐	ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»	141-142	0
ЮБИЛЕИ			
☐	АКАДЕМИКУ ОЛЕГУ ТИМОФЕЕВИЧУ БОГОМОЛОВУ - 85 ЛЕТ!	143-144	0

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ МИФ
О «МИНИМАЛЬНОМ
ГОСУДАРСТВЕ»

В. Драшкович, М. Драшкович

В работе показано, что действенность института гражданского общества как средства защиты людей от произвола властей не является универсальной. Она ограничена групповыми интересами различных национальных, корпоративных и неформальных «элит», богатство и возможности которых позволяют им игнорировать и ущемлять интересы граждан. Неконтролируемые, наделенные силой и мощью, центры злоупотребляют институтом государственного регулирования и, как это ни парадоксально и иронично, проповедают и реализуют рейдерскую идеологию неолиберализма в качестве вульгаризованного институционального монизма. Через неолиберализм в переходных странах воспроизводится господство политики над экономикой. В работе обосновывается гипотеза о том, что неолиберальный миф о «мини-государстве» был ширмой для продвижения и реализации своекорыстных интересов привилегированных лиц, к выбору которых и редуцировался выбор подавляющего большинства людей, что в итоге привело к отказу от обещанных (пропагандированных) экономических свобод, конкуренции, частной собственности и предпринимательства.

Ключевые слова: институты, минимальное государство, неолиберализм.

ВВЕДЕНИЕ

Институциональные преобразования в большинстве переходных стран демонстрируют пренебрежительное отношение к таким

© Драшкович В., Драшкович М., 2012 г.

феноменам, как контроль, плюрализм, конкуренция, и благосклонное отношение к усиленному насаждению институционального монизма (неолиберализма). Отдельные экономические институты с их границами, преимуществами и недостатками не оспариваются, они просто замалчиваются и на практике не применяются. В этом и заключается весь «секрет» догматического диктата; все остальное – *клокотризм*¹.

Тотальное недоверие к экономическому институту государственного регулирования не является ни логичным, ни продуктивным. Оно не соответствует углубляющейся в XXI в. информационной, производственной, финансовой и цивилизационной интеграции. Контролируемое и взаимодействующее функционирование экономических институтов является требованием времени, которому нет альтернативы. Но лишённые тени сомнений неолибералы (квазиреформаторы) продолжают и дальше отстаивать свою несостоятельную и губительную экономическую политику. По иронии судьбы, они находятся в правительстве и близких к нему структурах. Это затрудняет осуществление реальных институциональных преобразований.

Неолибералы больше всего преуспевают в игре с привилегированными правилами поведения, включая оказание монополистического давления. И это полная противоположность институциональному поведению. Не довольно ли разрушительных последствий применения не оправдавшей себя неолиберальной модели «экономической целесообразности», которая принесла много вреда в большинстве постсоциалистических стран: опустошенная экономика, грабительская при-

ватизация², обнищание, апатия и расслоение населения, безработица, спад производства, воспроизводство кризиса, экономика завуалированной собственности³, криминализация экономики и общества, дефицит верховенства закона и т.д.? Не достаточно ли признания (с опозданием на три десятилетия) родоначальника Вашингтонского консенсуса Дж. Уильямсона об ограниченности неолиберальных рецептов? Это означает, что основная причина и барьеры на пути институционализации лежат в сфере политической системы (номенклатурных структур власти и их лоббистских связей).

1. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ

Государство постсоциалистического переходного периода рассматривается как общественное благо, которое следует разрушить и свести к минимуму (так называемому мини-государству). Это считается условием быстрого обогащения и долгосрочной защиты приобретенного нерыночным способом богатства. За данной фразой скрывается радикальный экономический неолиберализм. Отсюда не удивительно, что эффективность института государственного регулирования во многих постсоциалистических государствах весьма незначительна, поскольку политическая конкуренция в условиях перехода, как это широко внушается, не регулируется избирательным правом, просто имеет место конкуренция политиков друг с другом ради получения частной ренты (Earle et al., 1996,

¹ Клокотризм – неавангардистское движение в югославской культуре 1970–1980-х гг., существовало на базе синтеза ситуаций (= ситуаций + акций), молниеносных хэппенингов, перформанса. Здесь: организованная деятельность по ситуационному воздействию на людей с целью «затуманивания» мозгов. (Здесь и далее – примеч. пер.)

² Смысл грабительской приватизации хорошо передается метким, но не принятым в академической среде русским неологизмом «прихватизация».

³ В оригинале – «ятацкая» экономика – от серб. jatak – хранитель краденных вещей. Ее смысл в том, что реальные собственники скрываются под личиной номинальных, фиктивных, завуалированных, одним словом, псевдособственников.

р. 232). Постсоциалистические страны в этом смысле не являются исключением.

Ни один здравомыслящий человек, преисполненный благих намерений, не станет отрицать необходимости и неизбежности переориентации экономики на рыночные рельсы, но с этим связано множество проблем, если не сказать больше. Что же касается практики, то она продемонстрировала пагубность тотального доминирования одного-единственного института над другими экономическими институтами. Институциональная инфраструктура приводит к положительному синергетическому эффекту только тогда, когда она является комплексной. Без дополняющих друг друга экономических институтов невозможна успешная и рациональная координация социально-экономического развития. Нарушение институциональной взаимодополняемости, конфронтация между институтами и благоприятствование только одному из них – все это препятствует развитию и ведет к дезорганизации социально-экономического порядка. Государство – не только творец и гарант прав собственности, которыми обмениваются на рынке, но оно должно быть и контролером регулярности и закономерности данного процесса. Без этого не может быть гарантий – важнейшего элемента прав собственности. Институциональная взаимодополняемость подразумевает также правильную и законную функциональную ориентацию экономических институтов.

Накопление капитала, экономия на масштабах и другие экономические показатели *«не являются источниками экономического роста, они сами и есть рост»* (North, Thomas, 1973, р. 2). Отсутствие этих и других позитивных экономических показателей на протяжении более чем десятилетнего периода преобразований по неолиберальным экономическим рецептам – не достаточно ли одного этого для уразумения экономической несостоятельности и социальной ущербности этих рецептов? Разве не ясно было изначально, что отсутствие качественных (не говоря уж о развитых) институциональных структур, служащих источником долгосрочного эконо-

мического роста и развития, было необходимым условием грабительского «перехода»? Политико-экономические структуры управления отвечают за развитие экономической институционализации (Williamson, 2000, р. 605), но поскольку никогда – за воспроизводство неуспеха, то ничто их не обязывает подвергнуть критическому анализу неолиберальные рецепты. Зачем анализировать, когда они и так послужили идеальной основой для квазиинституционализации, прежде всего – в области социально-патологического перераспределения прав собственности. О легитимности только говорят и пишут, но в институциональном разрезе не изучают. Возникает порочный круг зависимости, в котором, как сорняк, распространяется коррупция на всех уровнях общества, мешающая развитию полнокровных рыночных институтов и механизмов конкуренции. Они практически не существуют, кроме как в риторике экономических квази-неолибералов.

В институционально-экономическом смысле, коль скоро обсуждается вопрос оптимальных границ государственного вмешательства в экономику, ясно, что необходимо определить и границы эффективности рынков. Границы вмешательства государства можно определить элементарной потребностью в нормальном, гибком и рациональном функционировании институтов смешанной экономики. Идеальных моделей нет, как нет и моделей, в равной мере пригодных для любых обстоятельств, в любое время и в любом месте. Консенсуса в отношении моделей среди представителей различных экономических школ нет. Но что касается модели «минимального государства», то в отношении нее среди так называемых либертарианцев (термин Л. Рида) имеется единодушное согласие. Разумеется, возникает множество вопросов. Устранены ли ограничения в этих моделях? Можно ли государственное принуждение заменить принуждением привилегированных лиц и групп (в основном за счет партийной монополии)? Распространяется ли экономическая свобода на всех – или только на узкую группу «из-

бренных)? Не могут ли неограниченные экономические свободы ущемить чьи-то права? Что такое экономическая свобода для меньшинства без развития общества и эволюции человечества? Не вступают ли практические проявления либертарианства в конфликт со своими собственными принципами? Не перевернуло ли либертарианство с ног на голову идею Канта о необходимости относиться к человеку как к цели, а не как к средству⁴?

Как показывает практика, парадоксы К. Поппера не могут быть решены без наличия эффективных и развитых институтов. Безграничные экономические «свободы» индивидов и использование ими нерыночных способов приобретения богатства возможны только в институциональном вакууме. Ограничительного и защитного характера воздействия на общество под силу осуществить только государству. Парадоксы Поппера указывают на необходимость создания «минимального государства», но не доказывают существования у такого государства определенных границ. Современная реализация идеи «минимального государства» на практике может привести к новым формам тоталитаризма и экономического редукционизма. Но и без такой реализации трудно отделаться от впечатления, что в некоторых постсоциалистических странах с переходной экономикой процветают определенные формы тоталитаризма меньшинства, разбогатевшего благодаря монополистическим принципам нерыночных привилегий и монистическим институциональным резонам псевдорынка, который регулируется не в соответствии с рыночными принципами, а как раз, напротив, – путем рыночных ограничений.

В этом заключался главный и непреодолимый парадокс переходного развития и причины воспроизводства постсоциалистиче-

ского кризиса. Объяснять терминологию не будем, поскольку достаточно уже написано об использовании и злоупотреблении термином «либерализм».

В постсоциалистический переходный период требовалось провести множество реформ – особенно в части экономических институтов, экономической и социальной политики. Во всех этих сегментах необходимо было осуществить государственное регулирование и контроль, но до сих пор этого не произошло. Все или почти все вышло из-под контроля. Для подтверждения основной гипотезы настоящей статьи детального анализа не требуется – достаточно лишь указать на катастрофические результаты переходного процесса в некоторых странах.

Вместо бесплодной риторики о необходимости внедрения эффективного экономического института государственного регулирования обратимся к таблице, которая содержит целевые и инструментальные параметры развития (цели и условия его осуществления). Она вполне убедительно свидетельствует в пользу необходимости активной роли государства в период экономической модернизации, не говоря уж о тяжелых периодах подъема экономики после затяжных экономических кризисов (см. таблицу). Сравнение целевых и инструментальных параметров позволяет сделать несколько заключений. Среди них – по значимости – выделим два:

первое – необходимость одновременно осуществления реструктуризации и модернизации экономики на нескольких параллельных уровнях;

второе – выборочное использование различных параметров в различных реформенных периодах, начиная от объемов и эффективности использования активных ресурсов и кончая инновациями для стимулирования экономического развития.

Приведенные параметры могут послужить своеобразным зеркалом развития. В нем можно найти ответ на вопрос, какова степень адекватности рецептов экономического развития и как они согласуются с приведенными

⁴ См. вторую формулировку категорического императива Канта: «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 270).

параметрами. Это даст возможность оценить их обоснованность в нынешнем переходном периоде, а также строить долгосрочные стратегии экономического развития.

Как известно, институты, эффективно действующие в одних странах, оказываются не так эффективны, как в других. Объясняется это несоответствием, плохой подгонкой (*bad fit*) институтов к конкретным локальным условиям и особенностям (Berkowitz et al., 2003, p. 165–195). Практика переходного периода убедительно показала, что макроэкономические и иные неолиберальные экономические рецепты, по сути, непригодны к условиям нерелевантной постсоциалистической микроэкономической среды, которая характеризуется слабостью предпринимательства и частного сектора, институциональным вакуумом и господством монополистических структур.

Примечательно, что дискуссионные и, возможно, пагубные неолиберальные рецепты ни разу не применялись в странах их происхождения! До чего же довела вульгаризация приведенных теоретических рецептов, демонстрирует печальный опыт многих стран.

Институт государственного регулирования понадобился бы для успешного реше-

ния стандартных проблем внешних эффектов, о чем и свидетельствует практика развитых стран. Его деградацией в переходном постсоциалистическом периоде объясняется как нельзя лучше чрезвычайно большое число внешних эффектов, негативное воздействие которых на экономическую систему привело к ее деструкции. Но в развитых странах существует еще один важный, можно сказать дополнительный фактор решения проблемы негативных экстерналий. Речь идет о социальной корпоративной ответственности – средства контроля над внешними эффектами на основе защиты интересов заинтересованных лиц (*стейкхолдеров*), а не ориентации бизнеса на прямой коммерческий интерес и потребности рынка (Vaaron, 2001, p. 7–9). Можно ли говорить о присутствии – и если да, то в какой мере, – такого фактора в странах с переходной экономикой?

2. ИЛЛЮЗИЯ «МИНИ-ГОСУДАРСТВА»

Нет сомнений, что экономический институт государственного регулирования, по-

Таблица
Целевые и инструментальные параметры переходной экономики

Целевые параметры	Инструментальные параметры
<ul style="list-style-type: none"> • Сильное и эффективное государство, участвующее в создании и поддержке комфортной институциональной среды. • Устойчивое развитие диверсифицированной и конкурентоспособной экономики. • Институциональная среда, способствующая реализации предпринимательской инициативы. • Общественно-политическая система, уважающая интересы граждан, выборность и сменяемость высших органов власти и наличие активных взаимосвязей между гражданами и властью. • Наличие неформальных институтов, отражающих специфику национальной культуры и обеспечивающих терпимость граждан к другим культурам. • Разумная открытость экономики и общества 	<ul style="list-style-type: none"> • Качественные институциональные рамки. • Развитая производственная инфраструктура. • Высокая макроэкономическая стабильность. • Эффективное здравоохранение и образование. • Эффективный рынок товаров. • Эффективный рынок труда. • Высокоразвитый финансовый рынок. • Готовность экономики к использованию самых современных технологий. • Значительные размеры рынка, на котором действуют отечественные фирмы. • Высокоразвитые формы взаимодействия бизнеса в обозначенных экономических границах. • Эффективная национальная инновационная система

Источники: The Global Competitiveness Report 2008–2009. World Economic Forum, 2008. P. 3–7.

литически структурированный и детерминированный, в переходном периоде оказался инструментом в руках отдельных (избранных, привилегированных) пользователей и что таким примитивным образом он сыграл свою покровительственно-распределительную роль в виде неолиберальной стратегии. В контексте этого следует отметить настойчиво насаждаемую и активно пропагандируемую идею о так называемом мини-государстве.

Вместо того чтобы прокомментировать, проанализировать и охарактеризовать жизнеспособность этой идеи, зададимся элементарным методологическим вопросом – в каком смысле государство должно быть «мини»? В экономическом (что означало бы отказ от многих макроэкономических инструментов), правовом (принижение верховенства закона), социальном (сокращение социального равенства), политическом (сворачивание демократии и т.д.) или в смысле ограничения государственного суверенитета под натиском глобализации?

Нам, конечно, знакомо теоретическое понятие «минимального государства», призванного обеспечить стабильную нормативно-правовую базу, чтобы люди могли делать свою работу без чрезмерного политического вмешательства. Это понятие восходит к традиции либерализма Локка, в которой развивается идея общества, состоящая из отделенных от государства индивидов. В какой мере уместны такие идеалистические концепции применительно к всевозможным порочным проявлениям оппортунистического поведения людей (преследующих свои интересы с помощью коварства), действия которых расходятся с общими интересами и не согласуются с принципом Парето? Вряд ли кто может испытывать серьезные сомнения в отношении либерально-демократической традиции с ее демократическим государством в качестве институционального механизма, формулирующего частные и общие интересы общества. Последующая, однако, после крушения социализма практика слабо вписывается в эту модель. Когда либералы твердят о том, что го-

сударство не имеет более высоких целей, чем благосостояние людей, к чему это относится – ко всем лицам или только к избранным?

Не стоит забывать вопрос, поставленный некогда Дж.С. Миллем, о том, «как соотносятся индивидуальная независимость и общественный контроль» (Mill, 1988, s. 45 (Милль, 1993, с. 11)), а также мысль об оправданности «минимизации» государства только одним случаем, – когда оно «ограничено узкими функциями защиты от насилия, воровства, мошенничества, нарушения условий контракта и т.д.», верно схваченную Р. Нозиком (Čakardić, 2006, s. 856). Постсоциалистическую практику следует рассматривать через призму этих идей, а также ответов на два вопроса: 1) было ли государство переходного периода инструментом в руках отдельных пользователей (привилегированных, избранных) и 2) выполняло ли оно покровительственно-перераспределительные функции, скрытые под ширмой неолиберальной стратегии?

Напомним, что либеральная и марксистская экономические теории в действительности представляют собой специфические версии абстрактной системы Рикардо: по Марксу, государство должно исчезнуть, нечто подобное встречаем и у неолибералов, согласно которым государство следует свести к минимуму. Но история показывает, что в условиях серьезного кризиса мир отказывается от теоретических экономических рецептов и прибегает к государственному вмешательству в экономику. Таким образом, *государство сохраняется!*⁵ И поскольку в тотальном недоверии к государству, как отмечалось ранее, нет ни логики, ни здравого смысла (по крайней мере, в условиях кризиса), а также коннотации с глобальными тенденциями развития, то ничего иного не остается, как искать выход в контролируемом и взаимодействующем

⁵ В оригинале: *država se održava!* – государство сохраняется, держится и, несмотря на потуги его уничтожить, выживает и продолжает жить (неточным и тусклым подобием сербского может служить русское: *держава держится!*).

щем функционировании различных экономических институтов.

По мнению Л. Турроу, существует необходимость в корректирующих функциях института государственного регулирования, выступающих в роли институциональных факторов, дополняющих механизм рыночного регулирования. Причины неэффективного функционирования свободного неконтролируемого рынка (Mesarić, 2006, s. 627) приводятся ниже:

- ценовая эластичность многих товаров низкая (снижение или повышение цены слабо сказывается на изменении спроса, что ведет к снижению действенности рыночных механизмов саморегулирования);

- модель ценовой конкуренции строится из предположения относительно однородности всех товаров, что не соответствует действительности;

- большинство экономических агентов принимают решения в условиях неполноты информации (знаний) относительно соответствующих фактов, а зачастую и большой неопределенности в отношении будущего;

- что является рациональным и эффективным в краткосрочной перспективе, может оказаться нерациональным и неудачным в долгосрочном периоде;

- решения и поступки людей (выбор, ранжирование, предпочтения и пр.) часто мотивированы их личными навыками, привычками, предпочтениям и предрассудками, человек – в такой же степени эмоциональное, как и разумное существо, и его экономические решения не всегда рациональны.

Теоретический подход к государственному регулированию предполагает обращение к нему во всех случаях неэффективного функционирования механизма рыночного регулирования, угрожающего экономическому росту и устойчивому экономическому развитию. Поскольку в большинстве постсоциалистических стран, едва насчитывающих два десятилетия, такого вмешательства в экономическую политику не было, трудно ее, на первый взгляд назвать кризисной. Но практика

свидетельствует об обратном. Вот некоторые факты: обострение экономических проблем, разрушение социальных объектов и их передача узкому кругу лиц (*для незаконного использования в собственных целях*), резкое социальное расслоение и обнищание населения, высокая безработица и фиктивная занятость, процветание черного и серого рынков, появление многочисленных экономических диспропорций и острого дефицита, эрозия экономической структуры, партийные и частные монополии на экономическое развитие, криминализация экономики и общества, переклест общественно-патологических явлений. Все это в социально-трансформационном, формационном и цивилизационном плане привело к возврату исторической точки к состоянию рекомбинантного и мутантного порядка, в котором экономическая политика напоминает балаган с марионеточными партиями и лицами, служащими, по-видимому, только для сохранения власти и наращивания активов. Это – состояние полного пренебрежения к ключевым изменениям (инновациям) и, очевидно, к институциональным решениям. А что бы доводило их до экономических институтов – государственного регулирования, рыночного регулирования и собственности, если не экономическая политика? Не трудно сделать логический вывод, почему этого не произошло (Dražković, Drašković, 2009, s. 613).

Наконец, мы являемся свидетелями того, что несмотря на то, что многие волны глобализации разрушили барьеры узких национальных рынков и способствовали созданию международных монополий, выжили (и расширились за счет новых сегментов) и национальные рынки, и отечественные монополии, нуждающиеся в регулировании (ограничениях), – феномен макроэкономической политики, ориентированный на удовлетворение общих интересов и не отрицаемый даже самыми либеральными экономистами-теоретиками. Пока, по крайней мере, будут сохраняться оазисы экономического суверенитета отдельных государств, будет нужен и институт государственного регулирования. Обсуждение

границ и желательных форм регулирования выходит за рамки настоящей статьи, хотя дискуссий на эту тему было множество. Значение же имеет только то, что определяющей должна стать политика, а не теоретизирование экономистов.

Несмотря на все притчи про индивидуализм и ослабление экономической роли государства, практика развитых стран Запада свидетельствует о значительном усилении его роли в повышении конкурентоспособности отечественных предприятий на внешнем рынке, развитии инфраструктуры, науки, средств связи, сбора информации, модернизации и адаптации системы налогообложения и т.д. Несмотря на сокращение некоторых государственных функций, связанных с социальной защитой населения, управлением внешней торговлей и воздействием на национальную конъюнктуру, участие бюджета в ВВП остается неизменным, если не усиливается. Растет число экологических, санитарных и других технических норм и стандартов, которые государство включает в рамки своей структурной политики. Ужесточаются ограничения на иммиграцию рабочей силы. Исходя из сказанного более уместно говорить о реформе института государственного регулирования, чем о его дерегулировании.

Многие глобальные компании обязаны своим существованием большим общественным субсидиям и другим правительственным мерам, растет шквал протекционизма, государственное вмешательство на местном рынке становится все более экстремальными, привычнее перенос убытков отдельных компаний на общество, при этом «не менее двадцати компаний из списка Fortune 100 не выжили бы, не будь они спасены своими правительствами, обобществившими их убытки» (Chomsky, 1999, s. 45).

Газета «Уолл-стрит джорнал» отмечает, что «в мае 2009 г. США ввели новые тарифы на импорт стальных труб из Китая, а в июне Китай ввел новые барьеры на пути экспорта кислоты для производства полиэфирных полиэстеров. Набирает ли обороты новый виток

протекционизма, и может ли это превратиться в глобальную торговую войну? Кроме того, – говорится в той же газете, – антидемпинговые и другие защитные меры в 2009 г. выросли на 31% по сравнению с предыдущим годом, в котором заинтересованность промышленности в новых ограничениях на импорт была удовлетворена, и они были увеличены на 34% по сравнению с 2007 г. Все выглядит так, словно протекционизм является одним из крупнейших противников глобализации, в реальности же имеет место стратегическое взаимодействие ТНК и правительства. Это означает, что многие компании, которые называют себя “частными”, находятся в сильной зависимости от протекционизма и субсидий государства» (Davis, 1997, p. 12). Государственное регулирование находится под прессом императивов финансирования гонки вооружений, решения экологических проблем, обеспечения международной конкурентоспособности и реструктуризации организационно-управленческих рычагов экономики и стимулирования творчества (Drucker, 1999, p. 17).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация неолиберальных монистических институциональных рекомендаций в стране их происхождения и на глобальном уровне выявила их пагубность и деструктивность. Псевдореформы не только не заполнили образовавшийся после краха социализма внушительный институциональный вакуум, но и привели к его расширению и превращению в квазиинституционализацию.

Неолиберальные экономические мифы ориентированы на доминирующие интересы. Они суть изощренные, цинично состряпанные и антигуманные формы мошенничества и манипулирования людьми, проведенные под фальшивым лозунгом разрешения противоречий индивидуального и коллективного. Это привело к минимальному государству с

максимальным обогащением (не рыночным, а льготным) горстки субъектов. Поэтому они отождествляют вульгарно институциональный плюрализм с коллективизмом.

Диалектика экономического развития доказала необходимость ресурсно-распределительного, организационного, инновационного, мотивационного, институционального и информационного комбинирования и плюралистического сочетания всех экономических и иных институтов. В интересах социально-экономического развития необходимо срочно преодолеть все догматические и квазиинституциональные формы монизма (включая неолиберализм), имеющие тоталитарный и регрессивный характер. Применение институционального плюрализма является единственно разумной альтернативой в процессе разработки ориентированной на развитие экономической политики в транзитивных странах.

Литература

- Baron D.* Private Politics Corporate Social Responsibility and Integrated Strategy // *Journal of Economics and Management Strategy*. 2001. № 1. P. 7–45.
- Berkowitz D. et al.* Economic Development, Legality and the Transplant Effect // *European Economic Review*. 2003. № 1. Vol. 47. P. 165–195.
- Chomsky N.* Profit iznad ljudi: neoliberalizam i globalni poredak. Novi Sad: Svetovi, 1999 (*Хомский Н.* Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002).
- Čakardić A.* Globalna neoliberalna demokracija u «minimalnoj» državi // *Filozofska istraživanja*, 2006. Br. 104. God. 26. Sv. 4. S. 849–860.
- Davis B.* In Effect, ITC's Steep Tariffs on Japan Protect U. S. Markers of Super-computers // *Wall Street Journal*. 1997. 29 Sept.
- Drašković V., Drašković M.* Anti-krizna ekonomska politika i inovaciono-institucionalni model privrednog rasta // *Ekonomija/Economics*. 2009. Br. 2. God. 16. Zagreb. S. 611–626.
- Drucker P.F.* Management Challenges for the 21st Century. N.Y.: Harper Business, 1999.
- Earle J.S. et al.* Ownership Structures, Patterns of Control, and Enterprise Behavior in Russia // *Simon Commander Q. Fan and Mark Schaffer (eds.). Enterprise Restructuring and Economic Policy in Russia*. Washington: The World Bank, 1996. P. 205–252.
- Mesarić M.* Dugoročna neodrživost tržišnog fundamentalizma i neoliberalnog kapitalizma // *Ekonomski pregled*. 2006. № 9–10. Zagreb.
- Mill J.S.* О slobodi. Beograd: Filip Višnjić, 1988 (*Милль Дж.* О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // *Наука и жизнь*. 1993. № 11. С. 10–15).
- North D., Thomas R.* The Rise of Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- The Global Competitiveness Report 2008–2009. World Economic Forum, 2008.
- Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. XXXVIII. № 3.

Перевод с сербского: Б.А. Ерзкян

Рукопись поступила в редакцию 27.02.2012 г.

СОЦИАЛЬНАЯ СТАВКА ДИСКОНТИРОВАНИЯ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ОЦЕНКА, МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ¹

Т.В. Коссова, М.А. Шелунцова

В статье обосновывается необходимость применения социальной ставки дисконтирования в процессе оценки инвестиционных проектов общественного сектора. Рассмотрены методы оценки социальной ставки дисконтирования, разработанные в мире к настоящему времени, изложена методология и приведены соответствующие расчеты для России по методу социальной ставки межвременных предпочтений. Обоснована целесообразность определения социальной ставки не только для страны в целом, но и для отдельных регионов, представлены расчеты для всех регионов России и дано объяснение выявленных межрегиональных различий.

Ключевые слова: оценка эффективности государственных инвестиций, инвестиционные проекты общественного сектора, социальная ставка дисконтирования, социальная ставка межвременных предпочтений, межрегиональные различия.

1. ОПИСАНИЕ ЗАДАЧ, ДЛЯ РЕШЕНИЯ КОТОРЫХ НУЖНА СОЦИАЛЬНАЯ СТАВКА

Реализация социальной политики в стране предполагает осуществление госу-

© Коссова Т.В., Шелунцова М.А., 2012 г.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Влияние мер государственной политики на формирование здорового образа жизни», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

дарственных инвестиций, направленных на решение социально значимых задач. В условиях ограничения бюджетных ресурсов неизбежно возникает проблема выбора проектов, подлежащих финансированию, из множества запросов на инвестиции, представленных на рассмотрение принимающим решение лицам. При этом необходимым условием обеспечения эффективности бюджетных расходов является наличие в распоряжении лиц, принимающих решение, критерия оценки, позволяющего производить объективное сопоставление конкурирующих инвестиций между собой и их ранжирование по данному критерию с последующим выбором наилучшего варианта. При осуществлении инвестиций в частном секторе общепризнанным критерием оценки является чистая текущая стоимость проекта.

Применение данного критерия для оценки проектов общественного сектора подразумевает определение получаемых социальных выгод в денежном выражении и издержек, а также соотнесение их во времени с бюджетными издержками. Однако общественные выгоды от реализации проекта нередко являются нематериальными и напрямую денежной оценке не поддаются (например, снижение заболеваемости населения, улучшение экологической обстановки и т.п.). Основной объем требуемых инвестиций, как правило, приходится на начальный этап реализации проекта, в то время как предполагаемые социальные эффекты появляются только через некоторый период времени.

В качестве инструмента, позволяющего сравнивать полученные обществом выгоды и понесенные издержки, рыночная ставка дисконтирования неприменима, поскольку рынок товаров и услуг зачастую отсутствует или провалы рынка приводят к тому, что рыночные цены не отражают предельных выгод и издержек для общества. Вместе с тем деятельность государства особенно важна именно в тех сферах, где рынок оказывается несостоятельным.

В методиках, применяемых в регионах России для оценки проектов общественного

сектора, рекомендации для временного сопоставления издержек и выгод не предлагаются. Несмотря на то что во многих регионах нашей страны проводится оценка эффективности государственных программ и проектов, на практике соответствующие потоки не дисконтируются, что приводит к завышению чистой текущей стоимости оцениваемых проектов. Такой подход может повлечь за собой принятие заведомо нежизнеспособных инвестиционных решений. Таким образом, нужна обоснованная ставка дисконтирования, при помощи которой можно было бы сопоставлять выгоды с издержками на проекты общественного сектора.

В мировой научной литературе такая ставка получила название социальной (общественной) ставки дисконтирования. В условиях ограниченных ресурсов у общественного сектора социальная ставка позволяет отсекалть неэффективные проекты, а также сравнивать конкурирующие проекты, различающиеся распределением эффектов во времени. С позиции оценки эффективности расходования средств в общественном секторе экономики применение социальной ставки позволит улучшить качество анализа проектов и повысить обоснованность принимаемых решений. Поэтому оценка социальной ставки дисконтирования для проектов общественного сектора в России представляется актуальной задачей.

2. ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ СТАВКИ

В настоящее время экономисты сходятся во мнении: дисконтирование в общественном секторе экономики необходимо проводить по положительной ставке. Однако по ряду вопросов, связанных с оценкой социальной ставки, до сих пор ведутся научные споры. В частности, в существующих научных работах излагаются разные позиции относительно того, должна ли социальная ставка оставаться по-

стоянной с расширением горизонта планирования проектов. Одни экономисты (С. Харвей, М. Вайцман и др.) считают, что необходимо использовать уменьшающуюся с течением времени социальную ставку. Другие, напротив, предлагают применять постоянную ставку дисконтирования (Д. Пирс, Е. Кула и др.), значение которой определяется при помощи вычисления среднего арифметического за продолжительный промежуток времени всех входящих в расчет ставки статистических показателей.

Большинство авторов предлагают использовать единую ставку для всех реализуемых в стране проектов общественного сектора – Е. Кула, Д. Эванс, У. Лопез, С. Азар и др. В то же время встречаются исследования, авторы которых (С. Прайс, С. Нэйр и др.) описывают возможность применения при оценке проектов общественного сектора различных ставок дисконтирования для различных выгодополучателей.

В целом выделяют два метода оценки социальной ставки дисконтирования. Первый – метод оценки социальной ставки межвременных предпочтений (*social rate of time preferences, SRTF*) – основан на выявлении предпочтений общества в плане потребления. Социальная ставка межвременных предпочтений показывает готовность общества отказаться от потребления в настоящий момент времени ради реализации проекта и получения выгод от его результатов в будущем. Исследованию и развитию данного метода посвящены работы Ф. Рамсея, В. Баумоля, Н. Стерна, М. Спакмена и многих других авторов.

Второй метод – метод оценки социальной альтернативной стоимости капитала (*social opportunity cost of capital, SOC*) – позволяет учесть альтернативную возможность использования ресурсов в частном секторе: социальная ставка рассматривается как альтернативная доходность для индивидов как инвесторов (Kohtama, 2006). Это «норма отдачи от наилучшей альтернативы со схожим риском, от которой пришлось отказаться для реализации конкретного проекта» (*Externalities of Energy,*

1998). Исследование применения метода *SOC* проводилось в работах С. Марглина, Д. Пирса, Л. Янга, Л. Лью и других авторов.

Метод социальной альтернативной стоимости капитала следует применять при оценке инвестирования, которая может решаться как в государственном, так и частном секторе. В данном случае норма отдачи общественных инвестиций должна превышать или быть равной норме отдачи частных инвестиций, чтобы не происходило необоснованного занижения ставки дисконтирования и соответственно поощрения чрезмерного вмешательства государства в экономику.

В условиях совершенного рынка капитала значения социальной ставки, полученные в результате применения методов *SRTP* и *SOC*, должны совпадать. Однако на практике этого не происходит; и среди исследователей нет единого мнения о том, какой метод следует применять. Проблема выбора между двумя вышеназванными методами определяется наличием у каждого из них достоинств и недостатков (табл. 1).

Проведя систематизацию теоретических методов оценки социальной ставки дисконтирования, можно сделать заключение, что метод социальной ставки дисконтирования межвременных предпочтений должен выступать в качестве основного метода оценки, поскольку в существующих источниках определена формула расчета *SRTP*. Для вычисления данной ставки достаточно доступной статистической информации Федеральной службы государ-

ственной статистики. Метод социальной альтернативной стоимости капитала является дополнительным методом, который позволяет корректно вычислить значение социальной ставки дисконтирования при наличии конкурирующих проектов в частном секторе. Таким образом, за основу метода оценки социальной ставки дисконтирования для России следует выбирать метод социальной ставки межвременных предпочтений.

3. МЕТОДОЛОГИЯ РАСЧЕТА *SRTP* И ОЦЕНКА ДАННОЙ СТАВКИ ДЛЯ РОССИИ

Формула расчета социальной ставки межвременных предпочтений определяется при помощи решения задачи максимизации общественной функции полезности, получаемой от потребления в различные периоды времени. При этом мы принимаем утилитаристский подход, согласно которому общественное благосостояние (общественная полезность) представляет собой сумму благосостояний (сумму полезностей) отдельных членов общества.

Основываясь на зарубежные исследования (Пирс Д., Ульф Д. «Оценка социальной ставки дисконтирования для Великобритании» (Pearce, Ulph, 1995); Стерн Н. «Предельная оценка дохода» (Stern, 1977); Бодвей Р. «Эко-

Таблица 1

Сравнение методов оценки социальной ставки дисконтирования

Метод	Достоинства	Недостатки
Социальная ставка межвременных предпочтений	Учет межвременных предпочтений общества в плане потребления	Не определены способы расчета входящих в <i>SRTP</i> параметров
	Возможность рассчитать ставку, исходя из доступной статистической информации	Неполнота информационной базы не позволяет делать долгосрочный прогноз параметров <i>SRTP</i>
Социальная альтернативная стоимость капитала	Учет возможности альтернативного использования ресурсов в частном секторе	Отсутствует общепринятая формула <i>SOC</i> , а также не определены статистические показатели, необходимые для расчета

номическая оценка проектов» (Boadway, 2000, р. 45)), в качестве общественной функции полезности следует выбирать функцию с постоянной эластичностью следующего вида:

$$U(C_t) = \frac{1}{1-\mu} \cdot C_t^{1-\mu}, \quad (1)$$

где $U(C_t)$ – общественная функция полезности от потребления; C_t – потребление в момент времени t ; μ – параметр функции общественной полезности (отражает межвременную эластичность замещения).

Задача максимизации полезности при ограничении, связанном с потреблением (отражает выбор индивида: потреблять сегодня или завтра), для двух периодов имеет вид:

$$\begin{cases} U(C_1) + \frac{U(C_2)}{1+\rho} \rightarrow \max(C_1, C_2), \\ C_1 + \frac{C_2}{1+SRTP} = 1, \end{cases}$$

где C_1, C_2 – потребление в различные периоды времени; $U(C_t)$ – общественная функция полезности от потребления; ρ – ставка межвременных предпочтений; $SRTP$ – социальная ставка межвременных предпочтений.

Равенство единице суммы дисконтированных потоков потребления обусловлено предположением об отсутствии сбережений: весь доступный объем потребления распределяется между двумя периодами.

Результатом решения системы является выражение для определения социальной ставки межвременных предпочтений:

$$SRTP = (1+g)^\mu (1+\rho) - 1, \quad (2)$$

где ρ – ставка межвременных предпочтений; g – темп прироста потребления на душу населения; μ – параметр общественной функции полезности от потребления.

Во многих научных работах для оценки социальной ставки межвременных предпочтений приводится формула, являющаяся линейной аппроксимацией формулы (2) с ана-

логичной интерпретацией параметров (Evans, Kula, 2011):

$$\begin{aligned} 1 + SRTP &= (1+g)^\mu (1+\rho), \\ \ln(SRTP + 1) &= \ln((1+g)^\mu (1+\rho)), \\ \ln(SRTP + 1) &= \mu \ln(1+g) + \ln(1+\rho), \\ SRTP &= \mu \cdot g + \rho. \end{aligned} \quad (3)$$

Таким образом, социальная ставка межвременных предпочтений является аддитивной и состоит из компоненты (ρ), отражающей межвременные предпочтения населения, и компоненты ($\mu \cdot g$), показывающей прирост общественной полезности, получаемой от потребления.

Рассмотрим параметры, входящие в $SRTP$, более подробно. Ставка межвременных предпочтений (ρ) представляет собой сумму чистой ставки межвременных предпочтений, обозначаемой (δ), и параметра, отражающего риск для жизни (L) (Percoso, 2008):

$$\rho = \delta + L. \quad (4)$$

При помощи чистой ставки межвременных предпочтений (δ) можно отразить предпочтения потребления для общества сегодня или завтра. Однако, принимая утилитаристский подход, мы приравниваем данную ставку к нулю, т.е. не делаем предпочтения, выраженного в потреблении, ни одному из поколений.

При оценке риска для жизни за основу взят риск неполучения обществом доходов от проекта в будущем. Данный риск определяется вероятностью того, что среднестатистический член общества не доживет до момента появления выгод от реализации проекта. Существующие исследования («Социальная ставка дисконтирования для Великобритании» (Pearce, Ulph, 1995), «Социальные ставки дисконтирования для шести главных стран» (Evans, Sezer, 2004), «Социальная ставка дисконтирования для Италии» (Percoso, 2008) и др.) рекомендуют оценивать данный параметр при помощи общего коэффициента смертности для страны в целом.

Параметр (g) – темп прироста потребления на душу населения отражает возможность общества больше потреблять в будущем в связи с внедрением инноваций, техническим прогрессом и пр. (Pearce, Ulph, 1995). При оценке данного параметра рекомендуется рассматривать как можно более длинные ряды статистических данных с целью избежать завышенных или заниженных значений параметра (Kula, 2004).

Параметр (μ) функции общественной полезности может быть определен при помощи оценки эластичности предельной полезности потребления (обозначим ее буквой e), поскольку эластичность (e) представляет собой параметр (μ), взятый с обратным знаком. Исходя из выбранного вида функции полезности предельная полезность потребления определяется выражением

$$\frac{\partial U}{\partial C} = \frac{1}{1-\mu} \cdot (1-\mu) \cdot C^{1-\mu-1} = C^{-\mu}.$$

Тогда эластичность предельной полезности потребления равна

$$elasticity = -\mu \cdot C^{-\mu-1} \cdot \frac{C}{C^{-\mu}} = -\mu.$$

В ходе обзора научных источников по проблеме оценки социальной ставки межвременных предпочтений было выявлено, что наиболее распространенным способом оценки эластичности (e) является способ Н. Стерна и М. Скотта, основанный на наблюдениях за индивидуальными стратегиями сбережений населения. Согласно данному способу оценки эластичности предельной полезности потребления (e) используются статистические показатели дохода.

Формула оценки (e) в случае, если за основу принят утилитаристский подход, имеет вид (Pearce, Ulph, 1995):

$$e = \frac{r}{\frac{S}{Y}(r-y) + y}, \quad (5)$$

где r – альтернативная стоимость капитала; S/Y – средняя норма сбережений населения; y – ожидаемый темп прироста доходов населения.

Применение других известных способов оценки эластичности (e) при определении социальной ставки межвременных предпочтений оказывается невозможно при неполной информационной базе. В качестве примера приведем способ, описанный в статье «Социальная ставка процента для Индии» (Kula, 2004). Оценка эластичности может производиться при помощи составления аддитивной функции полезности, включающей продовольственные и непродовольственные товары (исследуется зависимость расходов на потребительские товары на душу населения от доходов на душу населения и отношения цен на продовольственные и непродовольственные товары). Необходимо построить множественную регрессионную модель, линейную по параметрам, на временных данных с предварительной проверкой стационарности временных рядов всех входящих в модель переменных. Использование в расчетах коротких рядов статистических данных будет приводить к некорректным результирующим оценкам параметров данной модели с широкими границами доверительных интервалов.

Определив методологию расчета социальной ставки межвременных предпочтений, обратимся к оценке данной ставки для России. При этом мы принимаем следующие предпосылки:

- в расчетах используется доступная статистическая информация Федеральной службы государственной статистики за период с 2000 по 2009 г., все параметры оцениваются в реальном выражении;
- параметр (g) рассчитывается как средний темп прироста фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения в сопоставимых ценах;
- параметр (L) оценивается как среднее значение общего коэффициента смертности за указанный период;

• при оценке эластичности (e) для определения параметра (μ) общественной функции полезности за основу взят способ Стерна–Скотта (формула (5)).

Для оценки доли сбережений (S/Y) в доходах населения используется статистическая информация о структуре потребительских доходов (определяется среднее значение показателя). Ожидаемый темп прироста доходов населения (y) вычисляется как среднее значение «реальных денежных доходов в процентах к предыдущему году». Для расчета альтернативной стоимости капитала (r) использована информация Банка России о средневзвешенной ставке процента по депозитам физических лиц в кредитных организациях без депозитов «до востребования» (депозиты «до востребования», по сути, не являются инвестициями). Показатель индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года) применяется для расчета альтернативной стоимости капитала в реальном выражении.

Результаты оценки эластичности предельной полезности потребления (e) приведены в табл. 2.

$$e = \frac{-0,017 - 0}{0,162 \cdot (-0,017 - 0,1038) + 0,1038} = -0,2.$$

Тогда значение параметра (μ) функции общественной полезности, получаемой от потребления, равно:

$$\mu \text{ (для России)} = -e = -(-0,2) = 0,2.$$

Далее определим значение социальной ставки межвременных предпочтений для России по формуле (2) (табл. 3):

$$SRTP_{\text{Россия}} = (1 + 0,095)^{0,2} \cdot (1 + 0,014) - 1 = 3,3\%.$$

Социальная ставка межвременных предпочтений для России принимает значение 3,3% в реальном выражении – данная ставка может применяться для оценки проектов общественного сектора только с кратким и среднесрочным горизонтом планирования ввиду неполноты информационной базы. На среднесрочном временном интервале рассчитанное значение остается постоянным.

Полученное для России значение $SRTP$ сопоставимо с оценками, представленными различными авторами для других стран. По оценкам Д. Эванса (Evans, Sezer, 2005), для большинства стран Европы социальная ставка межвременных предпочтений лежит в интервале от 2 до 4%. В исследовании У. Лопеза «Социальная ставка дисконтирования: оценки для девяти латиноамериканских стран» представлены рассчитанные автором значения $SRTP$ для стран Латинской Америки: от 1 до 5% (Lopez, 2008). В работе С. Азара (Azar, 2009) социальная ставка межвременных предпочтений для США определена на уровне 3,7% в реальном выражении.

Таблица 2

Оценка эластичности предельной полезности потребления (e) согласно способу Стерна–Скотта для России

Оценка эластичности (e)	Значение
Альтернативная стоимость капитала, r	-0,017
Средняя норма сбережений, S/Y	0,162
Ожидаемый темп прироста доходов населения, y	0,1038
Эластичность предельной полезности потребления, (e)	-0,2

Таблица 3

Оценка социальной ставки межвременных предпочтений ($SRTP$) для России

Параметр	Значение
Ставка межвременных предпочтений (ρ)	0,014
Параметр (μ) функции общественной полезности от потребления	0,2
Темп прироста потребления на душу населения, g	0,095
$SRTP$	3,3%

4. ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ СТАВКИ МЕЖВРЕМЕННЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ДЛЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Важно отметить, что если проект общественного сектора финансируется из бюджета региона и реализуется на его территории, то возникает вопрос о корректности применения для его оценки социальной ставки дисконтирования, рассчитанной для страны в целом. Выгоды, обусловленные проведением такого проекта, в значительно большей степени достаются жителям того региона, где проект осуществляется, чем населению всей страны. Ввиду значительной дифференциации регионов по важным статистическим показателям, включаемым в расчет социальной ставки межвременных предпочтений (это информация об уровне доходов населения, темпе прироста потребления на душу населения и др.), решение применять ставку для страны в целом при оценке региональных проектов общественного сектора не будет оптимальным. Разные значения статистических показателей при оценке *SRTP* для регионов России говорят о разных межвременных предпочтениях населения регионов. Поэтому в данном исследовании для оценки проектов, финансируемых из бюджета региона, предлагается рассчитывать социальную ставку межвременных предпочтений по статистическим показателям конкретного региона, т.е. сужая масштаб используемых статистических показателей до регионального уровня.

При оценке *SRTP* для отдельных регионов мы полностью придерживаемся принятых ранее предпосылок. Все параметры оцениваются в реальном выражении как средние значения соответствующих статистических показателей по ряду данных Федеральной службы государственной статистики с 2000 по 2009 г. Особо необходимо отметить, что значение альтернативной стоимости капитала (r – средневзвешенная ставка процента по депозитам физических лиц в кредитных организациях без депозитов «до востребования»)

в реальном выражении было определено для страны в целом, и по регионам это значение не изменяется.

В настоящем исследовании по формуле (2) рассчитаны значения социальной ставки межвременных предпочтений в реальном выражении для России в целом и всех ее регионов, за исключением Чеченской Республики (ввиду нехватки статистической информации). В результате получен разброс значений от 2,5% для Москвы до 5,8% для Магаданской области (см. приложение). Проанализируем факторы, которые обуславливают указанные различия.

Как было выявлено ранее, значение социальной ставки межвременных предпочтений определяют межвременные предпочтения населения (ρ), измеряемые при помощи общего коэффициента смертности (L), и прирост общественной полезности от потребления ($\mu \cdot g$). Рассмотрим зависимость *SRTP* от указанных параметров, основываясь на проведенных для регионов расчетах.

Как видно на рис. 1, чем выше риск не дожить до получения выгод от реализации проекта (чем выше неопределенность будущего для жителей конкретного региона), тем выше социальная ставка межвременных предпочтений. Заметим, что левая часть графика отличается выраженным разбросом значений *SRTP* относительно линии тренда. Причина, по-видимому, заключается в том, что при от-

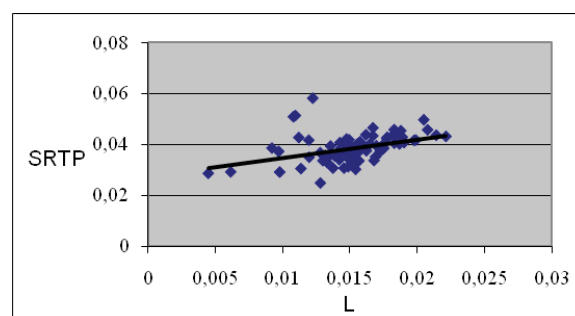

Рис. 1. Зависимость социальной ставки межвременных предпочтений для регионов России от межвременных предпочтений населения ($\rho = L$)

носителем низком уровне риска для жизни более значимыми оказываются другие определяющие *SRTP* факторы, которые и приводят к возникновению разброса.

Согласно данным на рис. 2, чем выше ожидаемый прирост общественной полезности от потребления в регионе, тем сложнее населению отказаться от потребления в настоящий момент времени ради реализации проекта в перспективе. Обращает на себя внимание тот факт, что разброс точек на рис. 2 меньше, чем на рис. 1. Следовательно, межрегиональные различия значений *SRTP* в большей степени объясняются приростом общественной полезности, а не уровнем риска для жизни.

В свою очередь, компонента $(\mu \cdot g)$ включает оценки эластичности предельной полезности потребления (показатели, необходимые для ее расчета, приведены в формуле (5)) и темпа прироста потребления на душу населения. В ходе анализа вклада всех составляющих прироста общественной полезности $(\mu \cdot g)$ в значение *SRTP* было выявлено, что фактором, оказывающим наиболее существенное влияние на значение социальной ставки межвременных предпочтений в России, является темп прироста реальных денежных доходов населения (y).

Как видно на рис. 3, зависимость *SRTP* от темпа прироста реальных денежных до-

ходов населения (y) обратная: чем быстрее растут доходы населения региона, тем менее чувствительно население региона к отказу от потребления (ниже эластичность (e) по модулю) и тем в конечном итоге ниже *SRTP*.

Обратимся к более детальному анализу получившихся региональных различий в оценках социальной ставки межвременных предпочтений. Согласно проведенным расчетам для абсолютного большинства регионов значение *SRTP* попадает в промежуток от 3 до 4,6%, при этом есть несколько регионов, социальная ставка для которых принимает значение ниже 3 и выше 5%.

Рассмотрим регионы с наиболее низкой социальной ставкой межвременных предпочтений – это Москва, республики Ингушетия, Дагестан и Кабардино-Балкария. Различия в оценках параметров *SRTP* для данных регионов представлены в табл. 4.

Как видно из таблицы, самая низкая оценка социальной ставки межвременных предпочтений среди всех регионов России была получена для г. Москвы, где значения темпа прироста потребления (g) и, как следствие, прироста общественной полезности от потребления ($\mu \cdot g$) также являются самыми низкими в стране. Данный результат обусловлен высокими абсолютными значениями показателей потребления и реальных денеж-

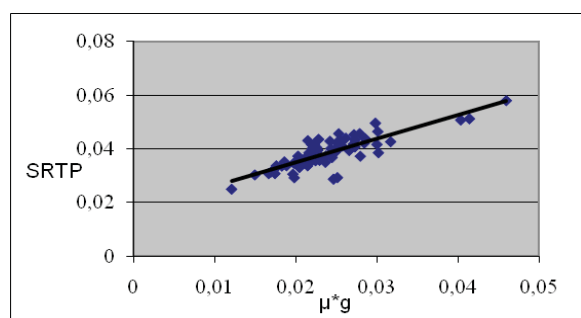

Рис. 2. Зависимость социальной ставки межвременных предпочтений для регионов России от прироста общественной полезности ($\mu \cdot g$) в регионах

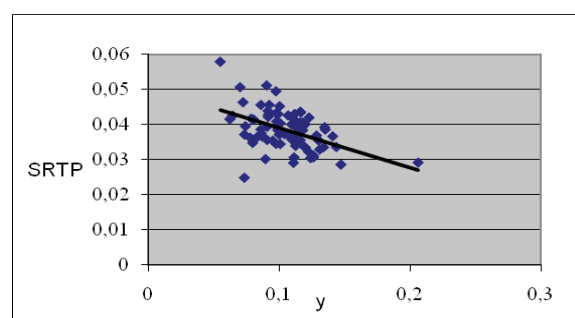

Рис. 3. Зависимость социальной ставки межвременных предпочтений для регионов России от темпа прироста реальных денежных доходов населения (y) в регионах

Таблица 4

Оценки параметров, входящих в *SRTP*, для регионов с наиболее низким значением ставки

	Уровень риска для жизни (<i>L</i>)	Прирост общественной полезности от потребления ($\mu \cdot g$)	Параметр (μ)	Темп прироста потребления на душу населения (<i>g</i>)	<i>SRTP</i>
г. Москва	0,0128	0,0121	0,257	0,047	0,025
Республика Ингушетия	0,0045	0,0237	0,32	0,077	0,028
Республика Дагестан	0,006	0,0251	0,11	0,225	0,029
Кабардино-Балкарская Республика	0,01	0,0198	0,22	0,089	0,029
Россия	0,014	0,019	0,2	0,095	0,033

ных доходов на душу населения, при которых каждая дополнительная единица потребления приносит меньшую полезность, чем при более низких абсолютных значениях данного показателя.

Для остальных регионов, представленных в табл. 4, прирост общественной полезности от потребления сопоставим со значением, полученным для страны в целом, а значение *SRTP* менее 3% объясняется низким уровнем коэффициента смертности, характерным для северокавказских республик. Данное обстоятельство обусловлено в первую очередь особенностями возрастной структуры населения, которое в указанных республиках является более молодым, чем в остальных регионах страны. Также следует отметить, что наиболее низкие значения данного показателя, зафиксированные в республиках Ингушетия и Дагестан, могут отражать погрешности статистического учета смертей, в том числе вследствие неучтенной миграции части населения.

В целом невысокая социальная ставка межвременных предпочтений свидетельствует о том, что здесь население больше, чем в остальных регионах, склонно к отказу от потребления в настоящий момент времени ради потребления в будущем. Это стимулирует принятие более долгосрочных проектов общественного сектора.

Рассмотрим регионы, для которых получены наиболее высокие значения со-

циальной ставки межвременных предпочтений, – это Чукотский автономный округ, Республика Калмыкия, а также Магаданская область (табл. 5).

Как видно из данных табл. 5, высокая социальная ставка межвременных предпочтений для данных регионов обусловлена сравнительно более высокими (по модулю) значениями эластичности предельной полезности потребления (μ) и, как следствие, – ожидаемого прироста общественной полезности потребления ($\mu \cdot g$). Значение последнего параметра в рассматриваемых регионах более чем в два раза превышает среднероссийский уровень, что приводит к смещению межвременных предпочтений населения в сторону выбора проектов с более коротким горизонтом планирования и более быстрой отдачей от инвестирования.

5. ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ

В результате анализа и систематизации существующих методов оценки социальной ставки дисконтирования выявлено, что в качестве основного метода оценки социальной ставки в проектах общественного сектора в России следует использовать метод оценки

Таблица 5

Оценки параметров, входящих в *SRTP*, для регионов с наиболее высоким значением ставки

Регионы	Уровень риска для жизни (L)	Прирост общественной полезности от потребления ($\mu \cdot g$)	Параметр (μ)	Темп прироста потребления на душу населения (g)	<i>SRTP</i>
Чукотский автономный округ	0,011	0,0403	0,51	0,078	0,051
Республика Калмыкия	0,011	0,0413	0,35	0,118	0,051
Магаданская область	0,012	0,0459	0,62	0,074	0,058
Россия	0,014	0,019	0,2	0,095	0,033

социальной ставки межвременных предпочтений. Вместе с тем ввиду наличия существенных региональных различий в значениях параметров, входящих в *SRTP*, целесообразно производить оценку социальной ставки в разрезе регионов. Региональную ставку следует применять для оценки проекта общественного сектора в том случае, когда он финансируется из бюджета региона и выгоды от его осуществления доступны жителям только данного региона. В случае оценки проекта, финансирующегося из федерального бюджета и реализующегося сразу в нескольких регионах России, необходимо применять социальную ставку межвременных предпочтений, рассчитанную для страны в целом.

Определенный в настоящем исследовании способ расчета параметров *SRTP* позволяет вычислить социальную ставку не только для России, но и для всех ее регионов, что объясняется доступностью необходимых статистических показателей. Неполнота информационной базы обуславливает на данном этапе возможность оценки социальной ставки дисконтирования для России только на кратко- и среднесрочный периоды, при этом вычисленное значение социальной ставки остается постоянным на выбранном временном интервале.

Дальнейшее развитие методологии оценки социальной ставки дисконтирования, на наш взгляд, можно реализовать в части разработки метода оценки социальной альтернативной стоимости капитала, а также в исследовании возможности оценки долгосрочной социальной ставки дисконтирования для России.

Литература

- Azar S.A.* Measuring the US Social Discount Rate // *Applied Financial Economics Letters*. 2007. № 3. P. 63–66.
- Azar S.A.* A Social Discount Rate for the US // *International Research Journal of Finance and Economics*. 2009. Issue 25.
- Baumol W.* On the Social of Discount // *American Economic Review*. 1968. Vol. 58. September. P. 788–802.
- Boadway R.* The Economic Evaluation of Projects. Kingston: Queen's University, 2000.
- Evans D., Kula E.* Social Discount Rates and Welfare Weights for Public Investment Decisions under Budgetary Restrictions: The Case of Cyprus // *Fiscal Studies*. 2011. Vol. 32. № 1. P. 73–107.
- Evans D., Sezer H.* Social Discount Rates for Six Major Countries // *Applied Economics Letters*. 2004. № 11. P. 557–560.
- Evans D., Sezer H.* Social Discount Rates for Member Countries of the European Union // *Journal of Economic Studies*. 2005. Vol. 32. № 1. P. 47–59.
- Externalities of Energy. Vol. 7. Methodology Update. Brussels: European Commission, 1998. P. 78–79.
- Harvey C.M.* The Reasonableness of Non-Constant Discounting // *Journal of Public Economics*. 1994. № 53. P. 31–51.
- Kohyama H.* Selecting Discount Rates for Budgetary Purposes. Federal Budget Policy Seminar // Harvard Law School. Briefing Paper. 2006. № 29.
- Kula E.* Estimation of a Social Rate of Interest for India // *Journal of Agricultural Economics*. 2004. Vol. 55. № 1. P. 91–99.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ЗНАЧЕНИЕ *SRTP* ДЛЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Значение <i>SRTP</i> , %	Регион России
2,5	г. Москва
2,8	Республика Ингушетия
2,9	Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика
3,0	Карачаево-Черкесская Республика; Самарская область
3,1	Новосибирская область; Ставропольский и Краснодарский край
3,2	Белгородская область
3,3	Республика Башкортостан
3,4	Московская и Калининградская области; Республика Татарстан; г. Санкт-Петербург; Приморский край
3,5	Алтайский край; Ростовская и Липецкая области; республики Коми и Северная Осетия – Алания
3,6	Удмуртская и Чувашская Республики; Республики Адыгея и Бурятия; Омская, Ульяновская, Томская и Волгоградская области; Красноярский край; Еврейская автономная область
3,7	Амурская, Свердловская, Кировская и Астраханская области; республики Марий Эл и Саха (Якутия); Пермский край
3,8	Саратовская и Калужская области
3,9	Хабаровский и Забайкальский края; Тюменская, Вологодская, Орловская и Челябинская области; Республика Алтай
4,0	Иркутская, Пензенская, Ленинградская, Архангельская и Нижегородская области
4,1	Рязанская и Оренбургская области; Республика Мордовия
4,2	Смоленская, Мурманская, Ивановская, Сахалинская и Воронежская области; республики Хакасия и Тыва
4,3	Камчатский край; Брянская, Костромская, Псковская, Тамбовская и Кемеровская области
4,4	Тверская, Курганская и Курская области
4,5	Владимирская область
4,6	Новгородская и Ярославская области; Республика Карелия
5,0	Тульская область
5,1	Чукотский автономный округ; Республика Калмыкия
5,8	Магаданская область

Liu L. A Marginal Cost of Funds Approach to Multi-Period Public Project Evaluation: Implications for the Social Discount Rate // *Journal of Public Economics*. 2003. № 87. P. 1707–1718.

Lopez H. The Social Discount Rate: Estimates for nine Latin American Countries. The World Bank. Policy Research Working Paper. 2008. № 4639.

Marglin S. The Opportunity Cost of Public Investment // *Quarterly Journal of Economics*. 1963. Vol. 77.

Pearce D.W., Ulph. D. A Social Discount Rate for the United Kingdom / CSERGE Working Paper 95-

01. Centre for Social and Economic Research on the Global Environment. Norwich: University of East Anglia, 1995.

Pearce D., Groom B., Hepburn C., Koundouri P. Valuing the Future: Recent Advances in Social Discounting // *World Econ.* 2003. Vol. 4 (2). P. 121–141.

Percoco M. A Social Discount Rate for Italy // *Applied Economics Letters*. 2008. № 15. P. 73–77.

Price C., Nair C. Social Discounting and the Distribution of Project Benefits // *Journal of Development Studies*, 1985. № 21. P. 525–532.

-
- Ramsey F.P.* A Mathematical Theory of Saving // *Economic Journal*. 1928. № 38. P. 546.
- Spackman M.* Discount Rates and Rates of Return in the Public Sector: Economic Issues // *Government Economic Service Working Paper*. 1991. № 112 (Treasury Working Paper № 58).
- Stern N.* The Marginal Valuation of Income // *M. Artis and A. Nobay (eds.) Studies in Modern Economic Analysis*. Oxford: Basil Blackwell, 1977.
- Weitzman M.L.* Just Keep on Discounting // *Portney P., Weyant J. (Eds.) Discounting and Intergenerational Equity*. Washington: Resources for the Future, 1999. P. 23–30.
- Weitzman M.L.* Why the Far Distant Future Should Be Discounted as Its Lowest Possible Rate // *Journal of Environmental Economics and Management*. 1998. № 36. P. 201–208.
- Young L.* Determining the Discount Rate for Government Projects. New Zealand Treasury Working Paper, 2002. 02/21 (http://www.econ.queensu.ca/pub/faculty/flatters/courses/rwb_ben-cost_rev.pdf).
- Сайт Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).
- Сайт Банка России (www.cbr.ru).

Рукопись поступила в редакцию 06.02.2012 г.

КАРТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ И ДЕФОРМАЦИИ ДЛИННОВОЛНОВОГО МЕХАНИЗМА

С.Ю. Румянцева

В рамках дискуссии о проблемах природы длинных волн в экономике, открытой академиком С.Ю. Глазьевым, обсуждаются вопросы соотношения технологических укладов и длинных волн в реализации механизма экономического развития. Приведены результаты исследований современных искажений длинноволнового механизма и анализа длинных волн как элемента многоциклической конъюнктуры. Для прояснения авторской позиции о необходимости изучения качественной и количественной составляющих длинноволнового процесса вводится понятие конъюнктурной карты.

Ключевые слова: длинные волны, технологический уклад, экономическая конъюнктура, экономические циклы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исходя из концепции депрессии как триггера для кластера базисных инноваций (Mensch, 1979) практический смысл теории длинных волн (ТДВ) состоит в том, чтобы искать в мировой экономической динамике периоды депрессии, в течение которых позиции лидеров ослабляются и возникают шансы для догоняющих стран реализовать стратегии опережения.

Сегодня интерес к ТДВ подстегивается мировым экономическим кризисом, о чем справедливо указывается в статье С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2012), приглашающей к дис-

© Румянцева С.Ю., 2012 г.

-
- Ramsey F.P.* A Mathematical Theory of Saving // *Economic Journal*. 1928. № 38. P. 546.
- Spackman M.* Discount Rates and Rates of Return in the Public Sector: Economic Issues // *Government Economic Service Working Paper*. 1991. № 112 (Treasury Working Paper № 58).
- Stern N.* The Marginal Valuation of Income // *M. Artis and A. Nobay (eds.) Studies in Modern Economic Analysis*. Oxford: Basil Blackwell, 1977.
- Weitzman M.L.* Just Keep on Discounting // *Portney P., Weyant J. (Eds.) Discounting and Intergenerational Equity*. Washington: Resources for the Future, 1999. P. 23–30.
- Weitzman M.L.* Why the Far Distant Future Should Be Discounted as Its Lowest Possible Rate // *Journal of Environmental Economics and Management*. 1998. № 36. P. 201–208.
- Young L.* Determining the Discount Rate for Government Projects. New Zealand Treasury Working Paper, 2002. 02/21 (http://www.econ.queensu.ca/pub/faculty/flatters/courses/rwb_ben-cost_rev.pdf).
- Сайт Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).
- Сайт Банка России (www.cbr.ru).

Рукопись поступила в редакцию 06.02.2012 г.

КАРТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ И ДЕФОРМАЦИИ ДЛИННОВОЛНОВОГО МЕХАНИЗМА

С.Ю. Румянцева

В рамках дискуссии о проблемах природы длинных волн в экономике, открытой академиком С.Ю. Глазьевым, обсуждаются вопросы соотношения технологических укладов и длинных волн в реализации механизма экономического развития. Приведены результаты исследований современных искажений длинноволнового механизма и анализа длинных волн как элемента многоциклической конъюнктуры. Для прояснения авторской позиции о необходимости изучения качественной и количественной составляющих длинноволнового процесса вводится понятие конъюнктурной карты.

Ключевые слова: длинные волны, технологический уклад, экономическая конъюнктура, экономические циклы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исходя из концепции депрессии как триггера для кластера базисных инноваций (Mensch, 1979) практический смысл теории длинных волн (ТДВ) состоит в том, чтобы искать в мировой экономической динамике периоды депрессии, в течение которых позиции лидеров ослабевают и возникают шансы для догоняющих стран реализовать стратегии опережения.

Сегодня интерес к ТДВ подстегивается мировым экономическим кризисом, о чем справедливо указывается в статье С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2012), приглашающей к дис-

© Румянцева С.Ю., 2012 г.

куссии о природе длинных волн (ДВ) и закономерностях смены технологических укладов (ТУ). Фактически этот интерес вызван еще и тем, что кризис 2008–2009 гг. по глубине своих проявлений имел сходство с экономическим кризисом 1930-х гг. и поэтому обычно ассоциируется с длинноволновой депрессией.

В вышеуказанной статье С.Ю. Глазьев сформулировал ряд вопросов, представляющих не до конца исследованное поле для научных изысканий по проблеме ДВ и формирующейся теории долгосрочного экономического развития. В частности, это вопрос об определении взаимосвязи конъюнктурной и технологической составляющих ДВ, выявлении соотношения фаз жизненного цикла ТУ и фаз соответствующей ДВ.

На попытку прояснения этой проблемы и нацелена данная статья. Ведь в постиндустриальной, по преимуществу финансовой экономике стройный механизм взаимоотношения факторов и причин длинных волн может подвергнуться существенным искажениям. Их надо учитывать при попытках разработать практические рекомендации, основанные на ТДВ.

В рамках данного исследования рассматриваются существующие в современном длинноволновом механизме искажения, которым подвергся механизм длинного цикла, поскольку они позволяют уточнить соотношение между ДВ и ТУ в текущий период. Затем на основе концепции многофакторных длинных волн, а также концепции экономической конъюнктуры, понимаемой как взаимосвязь циклов разной продолжительности, делается попытка диагностировать современную конъюнктурную карту. Представляется, что введение понятия конъюнктурной карты, т.е. совокупности фаз различных циклических процессов, присутствующих в экономике одновременно, позволяет прояснить цели принятого нами ранее исследования (Акаев, Румянцева и др., 2011), подвергнутого критике в указанной выше работе С.Ю. Глазьева. Понятие конъюнктурной карты было предложено автором данной статьи. На эмпирическом

уровне конъюнктурные карты для ряда стран были рассчитаны В.Н. Соколовым при подготовке упомянутой выше книги. Расчет подобной конъюнктурной карты крайне полезен для «навигации», т.е. выработки экономической политики, нацеленной на инновационное обновление экономики с учетом депрессий различных видов экономических циклов, в фазы которых вступает экономика на разных этапах своего развития. Ведь спусковым механизмом для кластера инноваций может стать не только депрессия длинных волн.

1. ТЭП, ТУ И ИСКАЖЕНИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В указанной выше статье С.Ю. Глазьев критикует высказанную нами гипотезу о том, что в рамках IV ДВ могли одновременно иметь место два – IV и V ТУ. Эта гипотеза была опубликована в работах (Румянцева, 2001; Румянцева, 2003; Акаев, Румянцева и др., 2011) и основана на многофакторном подходе к длинным волнам, идущем от теории Кондратьева. В последнее время возникновение ДВ связывалось с техническими и финансовыми факторами, соотношением отраслевых условий воспроизводства и циклов разной продолжительности (Кондратьев, 2002а). Основой данной гипотезы послужило предположение о том, что в условиях постиндустриального развития стройность многофакторного механизма длинных волн может быть нарушена. Природа искажений ДВ состоит в том, что движение ускоряющихся инновационно-технологических факторов ДВ может оторваться от других элементов длинноволновой динамики.

В исторической ретроспективе факт того, что в основе ДВ лежит смена технологий и каждая ДВ связана с определенной технологической парадигмой, был обозначен в концепции технологических парадигм Дж.

Доси (Dosi, 1982). В дальнейшем К. Перес дала более широкое определение взаимосвязи ДВ и динамики смены технологической, социальной и институциональной сфер экономики – в концепции технико-экономических парадигм (ТЭП) (Perez, 1983). В российской экономической мысли длинные волны связываются с понятием ТУ – как единых производственных комплексов – теории, предложенной в 1986 г. Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым (Львов, Глазьев, 1986). Понятие ТУ как комплекса сопряженных технико-экономических совокупностей, объединенных цепочками межотраслевых связей, окончательно сформулировал в 1990 г. С.Ю. Глазьев (Глазьев, 1990). Понимаемый подобным образом ТУ (как производственный комплекс) включает сектора производства и цепочки технологических связей между ними. Функционирование ТУ обеспечивает система каузальных взаимосвязей между сектором технологий, финансов и энергетики.

При этом, как отмечает С.Ю. Глазьев, «на поверхности экономических явлений этот период (смены ТУ – *С.Р.*) предстает в форме длинных волн экономической конъюнктуры» (Глазьев, 2009). Но в соответствии с многофакторным подходом представляется, что экономическая конъюнктура формируется не только на поверхности технологических трендов, но и в глубине экономической материи, т.е. и финансовый, и ресурсный, и информационный факторы длинных волн имеют свою внутреннюю логику каузальных взаимосвязей и могут формировать длинные волны. Возможен и отрыв внутренней логики этих волн от технико-технологической составляющей, поскольку, как показывают эмпирические данные, приводимые далее в статье, длина волны в нетехнологических индикаторах остается близкой к 1955–1960 гг., тогда как волны смены технологий ускоряются.

Разработанный С.Ю. Глазьевым категориальный аппарат исследования ТУ дает четкие ориентиры для выявления моментов времени, в течение которых один ТУ заменяется другим, и времени, в течение которого заро-

дается новый ТУ в стадии его эмбрионального развития. Этот аппарат – при владении достаточными эмпирическими базами, отражающими развитие технологий и совершение новых открытий в науке и технике, – позволяет прогнозировать технико-экономическое развитие. Более того, используя аппарат теории ТУ, можно формировать определенные критерии управления экономической системой, чтобы как помочь вызреванию нового ТУ в эмбриональной фазе его развития, так и дать возможность доминирующему ТУ передать экономике всю полноту заложенного в нем технологического потенциала.

Если придерживаться тезиса о тождестве длинной волны и ТУ, исследователи получают в руки мощный инструментарий управления экономикой. Однако такая взаимосвязь между теорией и практикой возможна лишь в том случае, если мы признаем понятия ДВ и ТУ тождественными, в чем есть сомнения практического порядка.

Под воздействием процессов постиндустриализации, глобализации и разрастания финансового сектора экономики в мире произошли такие изменения, которые вполне способны нарушить стройный механизм движения длинной волны. Так, производственный механизм смены ТУ вполне мог оторваться от ряда конъюнктурных элементов, формирующих длинную волну. Эти новые процессы в экономической динамике остаются неизученными и требуют пристального внимания. Одной из причин подобных процессов является эволюция финансового сектора.

Роль внутренней каузальной природы финансовой сферы в динамике циклов никогда не была недооцененной. Еще Адам Смит, описывая обычный промышленный цикл, опирался на его финансово-кредитное объяснение, указывая на разросшуюся в фазе роста десятилетнего цикла практику трассировки векселей, не обеспеченных ничем, кроме честного слова (Смит, 1993, с. 340). В истории исследований циклов на протяжении столетий финансовым факторам отводилось едва ли не ведущее значение. В том числе и Н.Д. Кондратьев

показал, что невозможно выйти из долгосрочной депрессии длинных волн, если до этого в финансовой сфере не скопилось достаточного количества финансового капитала – той массы свободных кредитных ресурсов, которые обеспечивают низкую ставку процента, столь необходимую для начала длинного цикла.

При этом следует подчеркнуть, что самой жестокой фазой длинной волны в течение всего периода развития индустриального капитализма была фаза спада, характеризующаяся дефляцией, от которой выигрывали только те экономические агенты, которые получают стабильный денежный доход. В отношении остальных действовало «проклятие дефляции», макроэкономически выражавшееся в том, что (по выражению И. Фишера) чем больше должник отдает, тем больше он должен (Fisher, 1933, p. 344). Это явление определял процесс обесценения товарной массы по отношению к деньгам по мере их концентрации в финансовом секторе, что и вело к катастрофическому росту любых денежных задолженностей. Это «проклятие» преодолевалось тем, что в периоды разрушительных дефляций, во время длинноволновой депрессии, резко снижались барьеры на вход в новую отрасль за счет ослабления позиций лидеров и удешевления ряда ресурсов. Ослабление подобных входных барьеров в фазе депрессии подробно описано в работе (Дементьев, 2009).

Однако в XX в. переродилась сама природа денег, сделав их по преимуществу кредитными (Пашкус, 1990). В циклическом аспекте это привело к тому, что вместо дефляции в понижательной фазе ДВ продолжилась достаточно высокая инфляция, хотя темп ее прироста затухал. Это и вызвало искажения механизма цикличности в экономике, в первую очередь информационного плана, иными словами: изменилась система мотивационных координат бизнеса в процессе принятия практических решений.

Указанные искажения требуют более пристального внимания к проблеме формирования финансовых пузырей как фазы в разворачивании механизма ДВ. Факт, что перед

началом нового большого цикла в экономике происходит схлопывание финансового пузыря, получил подробное освещение в работах С.Ю. Глазьева и К. Перес (Глазьев, 2009, с. 30; Перес, 2011, с. 107), а также в исследовании следующего за логикой Перес М. Хироока (Hirooka, 2006). Финансовый пузырь возникает одновременно в фазе роста (Перес) и фазе спада (Глазьев) нового и старого типа воспроизводственного механизма экономического развития (в момент пересечения старой и новой логистической кривой развития). Важно отметить в этой связи, что К. Перес и следующий за ней М. Хироока, также вычленяющий фазу финансового пузыря в начале траектории экономического развития, не описывают специфических свойств финансовых пузырей последнего времени, сопряженных со становлением финансовой экономики и глобализма.

Тем не менее в современных условиях, для которых характерна перманентная инфляция, экономика финансового пузыря также приобретает перманентный характер. Современные финансовые пузыри имеют серьезное качественное отличие от пузырей, приводивших к рождению новых ДВ индустриальной эпохи, когда можно было реально говорить о тождестве ТУ и ДВ. Развитие институтов кредитного рынка, вызвавшее к жизни множество низколиквидных квазиденежных средств и производных ценных бумаг, способствует тому, что инвесторы все в большей мере склонны порождать новые денежные суррогаты при условии распределенных рисков в экономике, чем идти на прямой риск инновационного инвестирования. Поэтому лопнувший в 2008 г. пузырь не просто вызрел в фазе перехода от одного типа воспроизводственного процесса к другому (ТЭП или ТУ – при всех их различиях), а сформировался на протяжении всей ниспадающей фазы IV длинной волны. Связанный с реальным сектором косвенно – через рынок IT-технологий в 2001 г. и рынок недвижимости в 2007 г., – этот пузырь мог лопнуть в любое время. И о такой возможности предупреждали экономисты – сторонники теории финансовой хрупкости еще с начала

1980-х гг. (Robert, Tagart, 1984, 1985), именно с того периода, когда начали проявляться искажения финансово-кредитной природы длинной волны, выразившиеся в развитии широко распространенной сети финансовых посредников, взаимно хеджирующих риски и порождающих долгосрочную финансовую нестабильность.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением Б.А. Ерзнкяна о том, что «рост финансового сектора обусловлен не только волновой природой экономического развития» (Ерзнкян, 2012, с. 18), поскольку природа современного финансового сектора, превратившегося в доминирующий элемент в создании совокупного ВВП постиндустриальных стран, больше вызывает искажения ДВ, чем поддерживает их механизм. Б.А. Ерзнкян предполагает, что история разрастания финансовой составляющей транзакционного сектора экономики насчитывает не менее 150 лет (Там же). На основе имеющихся у нас данных о развитии денежного сектора экономики Великобритании и США мы можем подтвердить лишь 60-летнюю историю финансово-кредитных искажений длинноволнового механизма, поскольку до 1950-х гг. транзакции в экономиках индустриальных стран осуществлялись в основном с помощью денежных агрегатов M0 и M1 и лишь с начала XX в. – редко агрегатов M2. Разветвленный же механизм денежных агрегатов, обеспечивающих разнообразные транзакции, преимущественно внутри самого финансового сектора, принадлежит уже XX в. – периоду после окончания Второй мировой войны. При этом окончательная тенденция к преобладанию финансовых транзакций в экономике – своеобразная эпоха в развитии капитализма – сложилась после принятия в США и ряде западноевропейских стран законодательства о разрешении выполнять банковские функции небанковским учреждениям, т.е. с 1980-х гг. Подобная эволюция финансового сектора, подстегнутая политикой стимулирования экономического роста после введения указанного выше законодательства, и привела к замыканию финансового сектора на самом

себе, метко названное Ю.М. Осиповым «финансомикой» (Осипов, 2001). Специфическая черта финансовой эпохи в развитии капитализма состоит в том, что постиндустриальные страны, создающие фиктивный капитал, делают заложниками своих задолженностей весь остальной мир, связанный с ними цепочками торговых, производственных и долговых обязательств, что превращает современную мировую экономику в источник глобальных, а не только национальных экономических кризисов. Функционирование циклических процессов в этих условиях нарушает механизм фазы спада экономического цикла, когда из-за широких возможностей инвестирования внутри финансового сектора, подогреваемых продолжающейся инфляцией, не происходит переориентации инвестиций на нужды реального сектора экономики. В свою очередь высокая абсорбционная способность финансового сектора стимулирует инфляционный процесс.

Поэтому нынешний финансовый пузырь при схлопывании породил столь тяжелые последствия для здоровья экономической системы. Однако остается открытым вопрос о том, превратятся ли средства, высвободившиеся в результате ликвидации этого пузыря, в реальные инвестиции, направленные на рождение новой воспроизводственной структуры экономики. Проблема в том, что надувание финансового пузыря в период инфляции (в отличие от периода дефляции) не ведет к аккумуляции капитала в финансовой сфере, готового к внедрению в реальное производство. Операции на фондовом рынке остаются высокодоходными, перспективы новых бизнесов еще не определены, а инфляция не призывает должников скорее гасить ранее взятые кредиты, поскольку в условиях инфляции ставка, под которую был взят кредит, может в долгосрочном плане оказаться даже отрицательной.

Все это может породить затруднения в процессе перехода нового технологического уклада из эмбриональной фазы в полноценную фазу роста. Как справедливо замечает В.Е. Дементьев, в современных условиях

даже в математических моделях не учитывается роль запасов (а не потоков) капитала, пригодного для массового инвестирования в период технологических разрывов, указывая, что одной из причин этого явились изменения в законодательстве США, позволившие банкам расширять круг допустимых операций с активами, притом что доходы от инвестирования в реальный сектор экономики стали падать еще с 1980-х гг. (Дементьев, <http://www.gosbook.ru/document/40161/40195/preview>, с. 13, 17.). «Рождение» нового ТУ, как называет этот процесс С.Ю. Глазьев, вряд ли само обеспечит себя достаточными взаимосвязанными экономическими силами, поэтому этот процесс потребует политической поддержки со стороны государства.

Таким образом, как было показано в работах К. Перес, С.Ю. Глазьева и В.Е. Дементьева, схлопывание финансовых пузырей является необходимым этапом процесса перехода нового ТУ из эмбриональной фазы в фазу роста. Но ключевая проблема состоит в том, что в XX в. сам механизм формирования финансовых пузырей усложнился – он дополнился кредитной экспансией, порождаемой разветвленной сетью финансовых институтов, он подстегивается непрекращающейся инфляционной тенденцией, лишаящей экономику фазы депрессионной дефляции, которая стимулировала переход производств на новые ТУ за счет дешевых ресурсов, который обеспечивает фаза дефляции.

Вряд ли можно в этих условиях утверждать, что «лекарство оказалось хуже болезни» и что требуется политика, возвращающая дефляционные спады длинных волн в мир экономических циклов, поскольку дефляционные спады чреваты неоправданными социальными бедствиями, сериями банкротств и мощной безработицей с реальным голодом массы населения. В этом смысле лекарство Кейнса убергло социальную сферу от болезни дефляции, но породило ряд побочных эффектов. Одним из этих эффектов является затягивание фазы «размолвки» между финансовым и реальным секторами. Если использовать формулировку

Перес, поскольку при продолжении инфляционных тенденций игры на фондовом рынке остаются все еще достаточно привлекательным для бизнеса способом использовать капитал, поэтому и переход к вливанию средств финансового сектора в реальный остается без мощного давления на бизнес со стороны финансовой системы.

В то же время с теоретической точки зрения известно, что в экономической науке существует положение, связанное гипотезой Дж. ван Дейна о том, что ТЭП и длинная волна – не одно и то же (Duijn, 1981, p. 268). Тот факт, что смена ТУ может выходить за пределы смены длинных волн, оставляет, по крайней мере, дискуссионным вопрос о том, всегда ли совпадают эти явления и не нарушается ли ритмика смены ДВ и ТУ в периоды мировых экономических трансформационных процессов, происходящих в экономике на протяжении последних 60 лет.

Приведенные здесь соображения о преобразении финансовой составляющей длинноволнового процесса, связанного с продолжением инфляционных тенденций в фазе спада, дает возможность описывать искажения, которым подвергся длинноволновый механизм в последние полвека. Искажения же необходимо отслеживать для постановки точного «диагноза» того состояния, в котором находится экономика, поскольку без диагноза (конъюнктурной карты) невозможны ни прогноз, ни научно обоснованная экономическая политика.

2. ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ – ЭЛЕМЕНТ МНОГОЦИКЛИЧНОЙ КОНЪЮКТУРЫ

Не только мировая экономика переживает кризисные годы, но меняется и сама система капитализма. В докризисный период происходило становление по преимуществу финансового капитализма, после кризиса наблюдается тенденция к превращению капита-

лизма в регулируемую экономическую систему. В связи с этим сам кризис 2008–2009 гг., по сути, запускает процесс перерождения системы экономических взаимодействий в обществе. В этих условиях нельзя гарантировать, что природа экономических циклов останется неизменной.

Именно поэтому следует не просто изучать феномен ДВ, но и рассмотреть всю систему взаимодействий между циклами различной продолжительности. Именно такая система взаимодействий представляется в понятии экономической конъюнктуры, как было показано в одной из более ранних работ автора (Румянцева, 2004). Развитие теории конъюнктуры как многоциклического процесса связано с десятками лет исследований в работах (Зомбарт, 1930; Рёпке, 1927; Митчелл, 1930; Schumpeter, 1939; и др.).

В свое время Н.Д. Кондратьев не просто предлагал теорию больших циклов конъюнктуры, – он, скорее, рассчитывал развить теорию экономической динамики в целом, исследовать законы эволюции экономической системы во времени (Кондратьев, 2002б), частью которой является движение больших циклов. Фактически сегодня к подобной по масштабу задаче призывает и С.Ю. Глазьев, говоря о необходимости развития теории долгосрочного технико-экономического развития, но в несколько ином ракурсе. Если Кондратьев видел необходимость учета различных колебаний экономической материи для предвидения и прогноза, то С.Ю. Глазьев, обращая внимание на ключевую роль технологий в преодолении кризисов и факторов отсталости экономической системы, разрабатывает теорию системных взаимосвязей между экономической и технико-технологической сферами экономики.

И если в первом случае, следуя за Кондратьевым, мы можем получить на выходе в виде практического результата определение периодов в экономическом развитии, наиболее благоприятных для интервенций инновационного, политического, управленческого планов, – здесь мы отвечаем на вопрос, *когда*

следует вмешиваться в экономическую систему, то, следуя за С.Ю. Глазьевым в рамках разработанной им теории ТУ, мы получаем представление о том, *что* именно является объектом интервенции – определенная инновация, программа развития, социальный институт и пр.

Сегодня известен ряд экономических циклов, включая историко-политические циклы Модельски, циклы Кондратьева, циклы экономического роста Кузнецца, промышленные и деловые циклы, а также еще ряд циклических движений, чьи механизмы пока не получили научного объяснения. Механизмы этих циклов, а также некоторые гипотезы о природе новых открытых циклических флуктуаций экономики, подробно описаны в книге (Акаев, Румянцева и др., 2011).

Изучение этих циклов С.Ю. Глазьев считает маловажной схоластической задачей, уводящей экономическую теорию от продуктивного тренда, за что и критикует предложенный нами подход. Но эти циклы надо изучать именно потому, что, как говорил Н.Д. Кондратьев, именно экономические условия являются стимулом для внедрения технологий, а не наоборот. Об этом же писал в своем знаменитом труде и Г. Менш (Mensch, 1979), объясняя, что как раз экономические условия депрессии и являются стимулом для внедрения кластеров инноваций. В условиях искажения длинноволнового механизма многоциклическость особенно важно изучать, так как может меняться и система взаимодействий между циклами разной продолжительности.

Заметим, что фактически с этим положением корреспондирует и идея С.Ю. Глазьева в его описании процесса вызревания нового технологического уклада в рамках предыдущего и объяснении процесса экономической депрессии как процесса «родов» нового технологического уклада. Но именно потому и следует изучать *множественность экономических циклов*, исходя из эмпирики их проявлений в экономике, что в условиях изменения природы капитализма «выносить» технологический уклад может один вид эко-

номического цикла, а «рождаться» он будет уже фазах депрессии – оживления другого экономического цикла. И эти периоды возможных «оплодотворений» и «родов» технологических укладов необходимо отслеживать перманентно, учитывая изменения экономической конъюнктуры.

И, таким образом, с учетом наработок теории экономической конъюнктуры, теории экономической динамики Кондратьева *следует представлять конъюнктуру как совокупности циклов*, связанных между собой цепочками прямых и обратных связей. Эти связи могут усиливаться, ослабевать, входить в резонанс, обеспечивая последовательность инвестиций в отдельные отрасли, а также открывая гипотетические возможности передачи функций одних экономических циклов другим.

Так как при исследовании многоциклической конъюнктуры стоит задача выявить периоды, пригодные для осуществления экономических (инновационных) интервенций, необходимо уточнить состав процессов, входящих в более общее понятие экономической динамики. Эти процессы, имеющие как циклическую, так и ациклическую природу, могут быть (вслед за определением Кондратьева) представлены как кумулятивные или потоковые.

Необходимость решения этой задачи С.Ю. Глазьев считает спорной. Проясним, что суть разделения процессов экономической динамики на кумулятивные процессы и процессы-потоки позволила в еще 2003 г., отталкиваясь от работ (Глазьев, 1993; Perez, 1983; Marchetti, Nakicenovic, 1979; Nakicenovic, Grubler, 1991; Кузьмин, 1995; Delbeke, 1987; Korpinen, 1987), обосновать четырехфакторный механизм длинных волн. При этом предполагалось, что процессы-потоки, описываемые синусоидой, представляют собой общее конъюнктурное поле экономики, а логистические кривые определяют жизненные циклы явлений, лежащих в основе синусоидальных потоковых процессов экономической динамики. Значимость подобного разделения может быть объяснена тем, что только тот эле-

мент экономической динамики – и качественно (кумулятивный процесс), и количественно (потоковый процесс) – может составить элемент эндогенного механизма экономического цикла благодаря присущим ему прямым и обратным связям.

При отсутствии указанного теоретического разделения типов экономической динамики возникает представление о тождестве понятий ТУ и ДВ. Эта проблема не относится к числу праздных, поскольку тождество ТУ и ДВ, даже если оно имело место в экономической истории, может быть в современном быстро изменяющемся мире нарушено. Она ставит под вопрос практическую область применения ТДВ и может помешать выработке надежных рекомендаций в области экономической политики.

Кумулятивные и потоковые процессы экономического развития в действительности связаны между собой каузально. Они воздействуют друг на друга в движении экономической материи. Так, тенденция роста индексов цен (потоковый процесс) способствует более быстрому росту материально-технической основы экономики вдоль кривой ее жизненного цикла. И наоборот: развитие кривой жизненного цикла экономического явления способствует общему оживлению в экономике, толкая вверх индекс цен. Жизненный цикл кумулятивного процесса (доминирующей технологии, использования отдельного энергоносителя, определенного финансового стиля, типа информационно-транспортных систем) – в ходе роста – оживляет макроэкономическую систему в целом, стимулируя рост цен товарной продукции, оптовых цен, числа внедряемых инноваций, темпов потребления, цен на энергоисточники и пр.

В то же время развитие потоковых процессов питает своей энергией соответствующие жизненные циклы. Так, рост цен на новую технику, востребованную рынком, подстегивает ее производство и развитие; рост потребности в энергоносителе стимулирует рост цен на него; появление новых финансовых практик вызывает к жизни появление но-

вых агрегатов денежной массы и ведет к росту количества денег в обращении.

Такой рост потоковых процессов поддерживает восходящие тренды кумулятивных процессов внутри жизненных циклов, но только до определенного этапа – когда они начинают подавать бизнесу ложные, чрезмерно оптимистичные сигналы о возможности и желательности продолжения развития бизнеса в том направлении. Это происходит тогда, когда технологический потенциал жизненного цикла близится к завершению. Таким образом, прямые сигналы от кумулятивных процессов к потоковым способствуют росту экономической конъюнктуры, а обратные сигналы – от потоковых процессов к кумулятивным – поддерживают этот рост.

Верхние поворотные точки цикла при этом объясняются не только тем, что жизненный цикл ТУ подходит к завершению, *но и динамикой конъюнктуры, а именно их информационной несостоятельностью* – сильным отрывом высокого уровня цен на экономические активы от их реальной стоимости. Так возникает кризис, который запускает обратные сигналы – от потоковых процессов к кумулятивным – о том, что надо сворачивать производство, а кумулятивные процессы, находящиеся уже на стадии упадка своих жизненных циклов, подходят к своему завершению в ответ на сигналы системы рынка, управляющего процессами информационной мотивации агентов экономики. Так экономика постепенно подходит к дну экономического цикла, где потоковые процессы (например, низкий уровень цен производственных ресурсов, что также является информационным сигналом) позволяют зародиться новым кумулятивным процессам, например жизненным циклом ТУ, описанным С.Ю. Глазьевым, и находящимся до этой поры в условиях неадекватного окружения (в эмбриональной фазе).

Таким образом, учет двух элементов содержания длинноволнового движения необходим для оценки не только сугубо технологических основ экономического развития, но и связанных с ними общеэкономических

процессов – на уровне формирования пакетов экономической информации, поддерживающих или, наоборот, препятствующих возникновению в экономике новых ТУ. Это особенно необходимо сегодня, в последние 30 лет, когда механизм длинного цикла подвергся серьезным изменениям, не позволяющим однозначно трактовать тождество синусоидальных и логистических законов эволюции экономики. Подробное представление о процессе длинноволнового развития на основе понятия потоковых и кумулятивных процессов и концепции многоциклической конъюнктуры дано нами в работе (Румянцева, 2012).

Закономерность единства потоковых и кумулятивных процессов относительно ДВ как основы эволюционного характера порождения длинных циклов дало логическую структуру ДВ, выраженную в совокупности факторов-тенденций, показанных в таблице. В большей части концепций длинных волн предполагается непосредственная взаимосвязь в рамках единого механизма указанных факторов (так, С.Ю. Глазьев в 1993 г. связал технологический, транспортный и энергетический аспекты технологического уклада в единую воспроизводственную цепь, вызывающую к жизни новую структуру потребностей (Глазьев, 1993, с. 111)), либо факторы указываются как самостоятельные первопричины экономического цикла (Korpinen, 1987; Delbeke, 1987).

М. Хироока в 2006 г. показал сложную синергетическую структуру инфратраекторий, охватывающих своим влиянием более одного кондратьевского цикла (являющейся по нашей терминологии кумулятивным процессом), связал транспортные, энергетические, технологические, финансовые переменные (Hirooka, 2006), что он сделал в развитие идеи ТЭП, предложенной К. Перес.

В реальности же факторные проявления ДВ просматриваются с определенными лагами, которые необходимо обязательно отслеживать. Задача отслеживания лагов между факторами прояснилась в связи с тем, что механизм ДВ начиная со второй половины XX в.

Таблица
Структура факторов-тенденций длинноволновой динамики

Фактор-тенденция	Характеристики процесса	
	Процесс-поток	Кумулятивный процесс
Инновационный	Частота инноваций	Технологическая парадигма, степень зрелости технологии, качественные характеристики ее возможных улучшений, тип внедряемых инноваций
Финансово-кредитный	Стоимость денежной единицы, количество денег в обращении	Финансовый стиль, типы финансовых институтов, виды денег, структура денежной массы
Использование природных ресурсов	Интенсивность использования, цены	Тип энергоносителя, его доступность, степень истощения, относительная доля в структуре энергопотребления
Информационный	Количество информации в обществе, в том числе степень отклонения цен на продукцию от реальной стоимости затрат на ее производство	Тип информации (ценовая, телекоммуникационная)

Источники: (Румянцева, 2003, с. 52).

стал работать с существенными искажениями. В частности, в 1990–2000 гг. не произошло смены модели ресурсопотребления, к тому же финансово-кредитный фактор стал опережать инновационный, чего ранее в темпоральной структуре ДВ не наблюдалось.

Поэтому появилась необходимость рассматривать многофакторный механизм ДВ как сложную систему, развивающуюся с лагами, чего не делает, например, М. Хироока (Hirooka, 2006), а это обстоятельство не позволило ему уловить трансформации длинноволнового механизма.

ДВ, отвечая за внедрение наиболее радикальных – базисных – инноваций, являются главным элементом формирования экономической конъюнктуры. Именно поэтому к изучению именно длинных циклов приковано столь пристальное внимание ученых. Но, выявляя логические закономерности строения экономических циклов, нельзя упускать из виду, что природа изучаемых явлений может с течением времени меняться, например, под влиянием ускорения НТП и других факторов.

Поэтому в следующем разделе статьи мы попытаемся показать, как реализуется эндогенный механизм ДВ с учетом ее куму-

лятивной и потоковой составляющих, и при этом учесть факторы изменения природы экономического цикла, связанные с усилением в экономике значения многоцикличности конъюнктуры.

3. ПРОБЛЕМА УСКОРЕНИЯ НТП И ДИАГНОСТИКА ФАЗЫ ДЛИННОЙ ВОЛНЫ

Указанные выше задачи данного раздела статьи тесно связаны с вопросом датировки последних двух ДВ. Искажения механизма ДВ связаны не только с исчезновением дефляций, но и с феноменом ускорения НТП, известным давно (Яковец, 1988), а также с проблемой нарушения информационной функции цены.

Тезис об ускорении НТП автоматически приводил к выводу о том, что продолжительность длинных волн, в основе которых лежат закономерности научно-технического развития, также должна сжиматься.

При признании тождества ТУ и ДВ естественным образом напрашивается вывод: с 1983 по 2010 г. в экономике имела место

V длинная волна, основанная на V технологическом укладе, вслед за которой после разрушительного кризиса (длинноволновой депрессии) 2008–2009 гг. должна прийти VI длинная волна, основанная на VI технологическом укладе. Так, пять длинных волн и зарождающаяся шестая отчетливо видны в картине смены ТУ С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2012), они представляют собой кумулятивные процессы экономического развития. Но видим ли мы соответствие этой динамики в реализации потоковых процессов экономического развития, а также в других факторах длинной волны?

Обратившись к данным статистики и результатам, полученным рядом специалистов, формирующим свое представление о длинных волнах на основе общеэкономической, а не только технико-технологической информации и исследующих потоковые процессы, мы получаем картину, которая вызывает недоумение: что же в действительности происходит с механизмом длинных волн в XX в. и в начале XXI столетия?

Во-первых, при взгляде на ценовые (потоковые) показатели длинной волны возникает первое впечатление о том, что длинные волны просто исчезают (рис. 1).

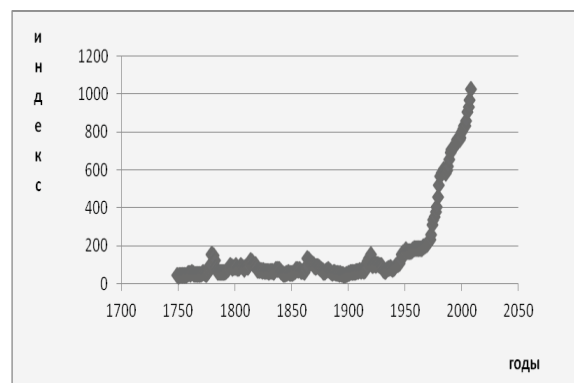
На рис. 1 отчетливо (без какой-либо дополнительной обработки) видны четыре длинные волны, включая нулевую, на основании чего можно проследить длинные волны в динамике цен начиная с 1749 г. Фактически необработанные данные, сведенные за разные периоды в единый ряд, показывают следующую картину. Отчетливо видна нулевая длинная волна с пиком в 1777 г., I длинная волна с пиком в 1813 г., II – с пиком в 1864 г., III – с пиком в 1919 г. IV и V длинные волны на рис. 1 не видны – они закрыты инфляционной тенденцией.

Понятно, что указанная инфляционная тенденция есть симптом перерождения кредитной природы капитализма, усиления кредитной природы денег и роста кредитных операций в ходе трансакций, совершаемых экономическими агентами. Способствовала возникновению данной инфляционной

тенденции и макроэкономическая политика, нацеленная на предотвращение дефляций – основного зла для экономики, описанного И. Фишером, и поддержанная политикой стимулирования спроса, проводившейся в США и других развитых странах на протяжении XX в., основанной на кейнсианских рецептах.

В результате изменилась и информационная природа цикла (потерпела поломку информационная функция цены), что выразилось в том, что экономический цикл в своих ценовых потоковых показателях перестал давать адекватную информацию экономическим агентам о том, что им следует предпринимать: скажем, освободиться срочно от долгов, сворачивать производство или продолжать наращивать кредитную массу, причем не всегда для обеспечения реального процесса инвестирования в производство.

Однако следует уточнить, что же в этой ситуации происходит с длинными волнами. Можно проверить, устранив инфляционную тенденцию, сохранится ли в динамике темпов прироста инфляционного процесса тенденция роста и спада уже относительных показателей

Рассчитано по: (Historical Statistics..., 1975, p. 198–202; Statistical Abstract..., 1987, p. 456–471; 1990, p. 476–477; 1995, p. 492–493, 500–503; 2001, Tab. 698; 2006, Tab. 712; 2008, Tab. 713; 2010, Tab. 721).

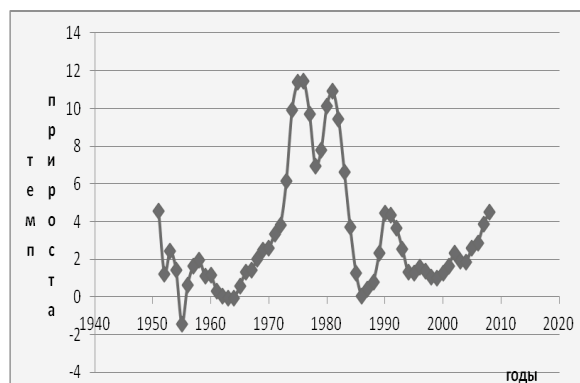
Примечание. За базовый взят 1926 г.

Рис. 1. Инфляционно-дефляционный механизм экономических циклов: динамика индекса оптовых цен США 1749–2008 гг.

индекса цен. Результат такой обработки представлен на рис. 2.

На рис. 2 видна длинная волна за период, подверженный инфляционной тенденции, т.е. взяты темпы прироста индекса. На этом рисунке заметен интенсивный рост темпов прироста инфляции до 1980 г., а затем – их достаточно мощное снижение к 1990-м гг., причем с 2000 г. снова начинается прирост индекса оптовых цен. Иными словами, видна длинная волна, продолжающая тенденцию, показанную на рис. 1, но подвергшаяся статистической обработке для устранения инфляционного тренда. На пике этой волны (окрестность 1980 г.) видно небольшое снижение темпов прироста цен. Это снижение можно объяснить структурным кризисом, поразившим развитые страны в 1980-е гг. Но оно не выглядит настолько существенным, чтобы на его основании можно было утверждать, что на период 1980 г. пришлось депрессия длинной волны.

Интересную картину дает и статистика ВВП, рассчитанная в совместном труде В.Н. Соколовым на основе методологии А.А. Акаева (Акаев, Румянцева и др., 2011,

Рассчитано по: (Historical Statistics..., 1975, p. 198–202; Statistical Abstract..., 1987, p. 456–471; 1990, p. 476–477; 1995, p. 492–493; 500–503; 2001, Tab. 698; 2006, Tab. 712; 2008, Tab. 713; 2010, Tab. 721).

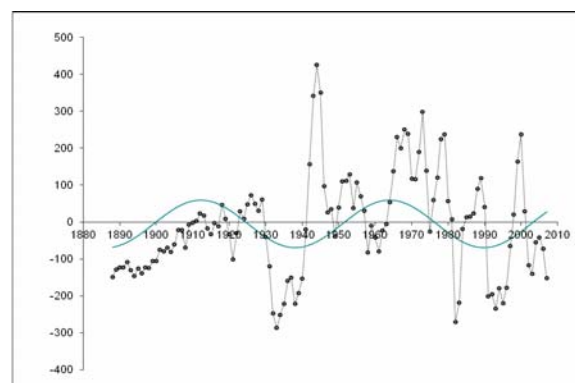
Примечание. За базовый взят 1926 г.

Рис. 2. Темпы прироста индекса оптовых цен США за период 1949–2009 гг., %

с. 63–68) по данным темпов прироста показателя ВВП, для которого был найден теоретический нелинейный тренд, основанный на синусоидальных функциях (рис. 3). На этом рисунке прослеживаются длинноволновые депрессии в 1930-е и 1990-е гг., причем на 1980-е гг. приходится резкий подъем ВВП и следующий за ним резкий спад динамики исходных темпов прироста. Но как таковой депрессии в 1980-е гг. этот ряд также не показывает.

Таким образом, в таких потоковых макроэкономических показателях, как динамика цен, темп прироста ВВП IV длинной волны охватывает период 1930–1990-х гг., показывая далее тенденцию роста. У нее стандартная продолжительность, она составляет около 60 лет.

Однако по другому потоковому критерию – оценке темпов прироста ВВП США, взятых за период с 1890 до 2009 г., сглаженных восьмилетней скользящей средней, наблюдается менее ясная картина (рис. 4), в которой присутствуют резкие повышательные колебания темпов прироста ВВП в период процветания III длинной волны – в 1920-е гг. – с по-

Источник: (Акаев, Румянцева и др., 2011, с. 64).

Примечание. Сведение рядов для сопоставимости данных с современными показателями ВВП осуществлено учеными университета Гронингена (<http://www.ggdc.net>).

Рис. 3. Длинные волны в экономике США в динамике темпов прироста ВВП в 1849–2008 гг., %

следующим спадом и резким взлетом ВВП в период Второй мировой войны.

Далее следуют два 30-летних цикла: 1950–1980 и 1980–2009 гг. Технология расчета циклов, примененная во втором случае, дает основание полагать, что в динамике ВВП в XX в. стали достаточно отчетливо проявляться именно 30-летние ритмы.

Между тем, исходя из хрестоматийного положения о том, что источником экономического роста (ВВП) являются инвестиции в основной капитал, мы взяли данные по этому показателю за период 1929–2007 гг. и выявили циклическую картину присутствия длинной волны, полноценно охватывающую период 1950–2007 гг. (рис. 5–7). Картина на рис. 5–7 неоднозначна и порождает множество вопросов.

Так, на рис. 5 показаны темпы прироста суммарных инвестиций, совершенных в экономику США за период 1929–2007 гг., для которых были высчитаны темпы прироста и сглажены 4-летней и 9-летней скользящими средними.

На рис. 5 отчетливо видна высокая волатильность темпов инвестирования в основной капитал США в 1920–1940 гг. Вероятнее всего, она имела причиной первую и вторую

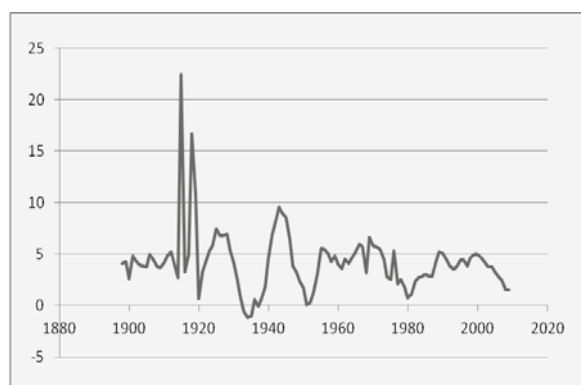
мировую войны, потребовавшие больших капиталовложений.

Если мы возьмем более короткий период, например с 1950 г., то получается вполне отчетливая картина роста (до 1980 г.), а затем снижения суммарных темпов инвестиций в США (рис. 6).

Подобные результаты дает и представление о величине инвестиций частного сектора в экономику США, где в период мировых войн наблюдалась сильная волатильность. Затем, в 1950–1980 гг., сформировалась относительно повышательная динамика темпов прироста, сменившаяся на понижательную в 1980–2000 гг. (рис. 7).

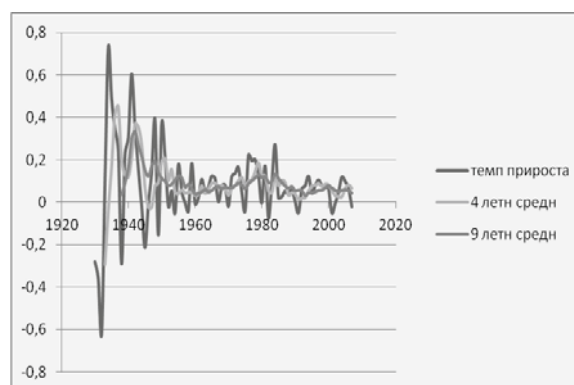
Притом что инвестиции в основной капитал отражают динамику смены отраслей, формирующих кумулятивные процессы изменения структуры экономики, можно предположить, что соответствующие им процессы-потоки на указанных рисунках представлены и они демонстрируют длинную волну, начавшуюся в послевоенные годы и закончившуюся в 1990-е.

В характеристике потоковых и кумулятивных процессов длинной волны мы также указывали на финансово-кредитный аспект

Рассчитано по: (Historical Abstract..., 1975, p. 199–214; Statistical Abstract..., 1973, p. xvi; 1974, p. xvii; 1977, p. xix; 1987, p. 56–471; 1990, p. 468–469, 476–477; 1995, h. 492–493, 500–503; 2000, Tab. 715, p. 451; 2011, Tab. 666, p. 435).

Рис. 4. Темпы прироста ВВП США в 1898–2009 гг., сглаженные 8-летней скользящей средней, %

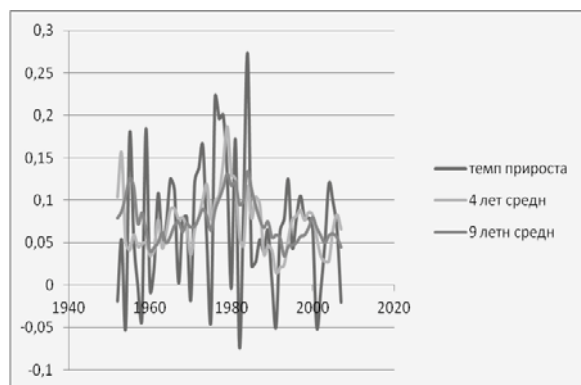
Рассчитано по: <http://www.nber.org>.

Рис. 5. Суммарные инвестиции в США за период 1929–2007 гг., %

Четырехлетняя и девятилетняя скользящие средние

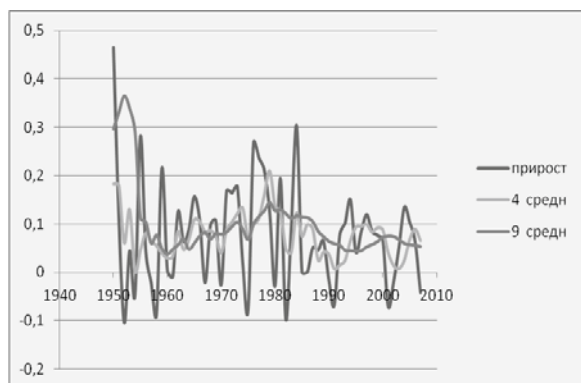
длинноволновой динамики, подчеркивая, что кумулятивным процессом в этой сфере является финансовый стиль, представляющий собой набор институтов и инструментов финансового рынка, а потоковые процессы определяются динамикой денежной массы.

Поэтому приведем расчетные данные по статистике финансового сектора экономики, выраженные динамикой темпов прироста денежной массы в широком понимании – в показателях M1, M2, M3 и L, для которых

Рассчитано по: <http://www.nber.org>.

Рис. 6. Суммарные инвестиции в США в период 1950–2007 гг., %. Четырехлетняя и девятилетняя скользящие средние

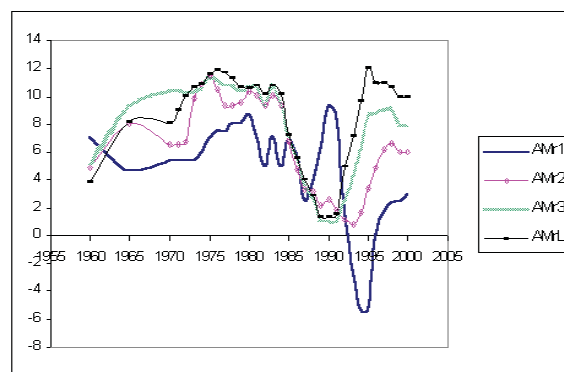
Рассчитано по: <http://www.nber.org>.

Рис. 7. Инвестиции частного сектора в экономику США в период 1950–2007 гг.

были рассчитаны темпы прироста и сглажены 9-летней скользящей средней. При этом мы предполагаем (Румянцева, 2003, с. 65–84), что динамика структуры денежной массы является одной из причин, образующих длинные волны (рис. 8).

Приведенная выше статистика не демонстрирует длинноволновой депрессии в 1980-е гг., четко показывая длинную волну в финансовых показателях с пиком в 1980-е гг. и дном в окрестности 1994 г.

Таким образом, кроме графика на рис. 4, где показана динамика экономического спада (через величину ВВП США) в 1980-е гг. в основном в потоковых показателях, IV длинная волна датируется периодом 1940–1990-х гг. Это может означать, что смена технологических укладов в мировой экономике с IV на V произошла при высоком уровне экономической конъюнктуры, соответствующем пику длинной волны. Отсюда и возникает тезис о сосуществовании в рамках одной длинной волны двух технико-экономических парадигм – автомобилестрои-

Рассчитано по: (Statistical Abstract..., 1981, p. 521; 1986, p. 504; 1990, p. 507; 1996, p. 518; 1998, Tab. 826; 2006, Tab. 1182). *Примечание.* AM1 – средние значения темпов прироста денежного агрегата M1; AM2 – средние значения темпов прироста денежного агрегата M2; AM3 – средние значения темпов прироста денежного агрегата M3; AML – средние значения темпов прироста денежного агрегата L.

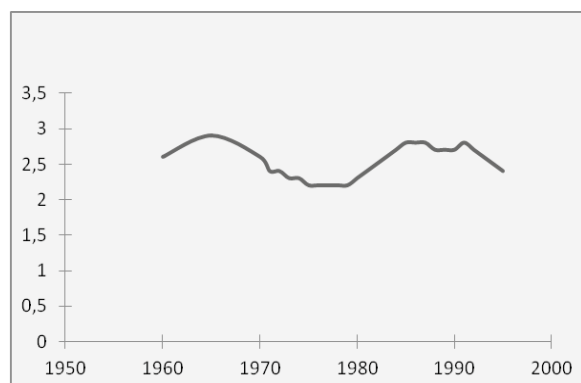
Рис. 8. Вид IV длинной волны в показателях структуры денежной массы за период 1960–2000 гг., %

тельной и микропроцессно-информационной. Эта гипотеза впервые была высказана в работе (Румянцева, 2001), когда выяснилось, что динамика расходов на НИОКР в экономике США следует 30-летнему ритму (рис. 9).

Как можно заметить из сопоставления графиков на рис. 4 и 9, обе тенденции в период с 1960 г. развиваются синхронно, что говорит о взаимозависимости темпов экономического роста от расходов на НИОКР. Но главный вывод, который можно в качестве гипотезы сделать из сопоставления рис. 4 и 9, состоит в следующем: *ускорение НТП выразилось в том, что 30-летние циклы, описанные С. Кузнецом как строительные или демографические, в период постиндустриальной трансформации и формирования информационной, инновационно-емкой экономики вполне могли принять в свою структуру динамику смены базисных инноваций.*

Они также способны порождать как эффект депрессии триггера для кластера базисных инноваций, описанный Г. Меншем, так и депрессии длинных волн.

Таким образом, ускорение НТП в действительности проявилось в ускорении ритма смены ТУ (кумулятивный процесс), чему соответствует потоковый процесс 30-летнего ритма инвестирования в основной капитал

Источник: (Румянцева, 2001, с. 42).

Рис. 9. Доля совокупных расходов на НИОКР в ВВП США, 1960–1995 гг.

(см. рис. 4). В этой ситуации можно было бы говорить о простом ускорении смены ДВ, если бы в иных потоковых показателях ДВ демонстрировалась схожая динамика. Но текущее положение вещей заставляет скорее склониться к мысли, что смена ТУ и соответствующие им воспроизводственные механизмы адаптировались к ритму 30-летнего цикла (цикла Кузнец), лишаясь параллельной подпитки от других сопряженных факторов длинной волны. А это может означать трудности в процессе рождения нового VI ТУ, на что указывает и В.Е. Дементьев, характеризуя инновационную паузу в современном технико-экономическом развитии.

В подтверждение сделанных на предыдущих страницах оценок длинноволновой периодизации отметим, что среди исследователей, которые рассматривают общеэкономические и социально-политические характеристики длинных волн, обращаясь преимущественно к потоковым показателям, сложилось вполне непротиворечивое представление о периодизации IV длинной волны экономического развития с началом в 1930–1940 гг. и окончанием в середине 1990-х. – до 2000 г. К подобной периодизации склоняются Т. Девезас (Devezas, Santos, 2005, р. 247; Devezas, 2010, р. 748), А.В. Коротаев и Д.А. Халтурина (Халтурина, Коротаев, 2009), Р. Айрес (Ayres, 2005, р. 59), Р. Метц (Metz, 2005, р. 95), Дж. Голдштейн (Goldstein, 2005, р. 137–145), Ч. Маркетти (Marchetti, 2005, р. 176), А.В. Коротаев и С.В. Цирель (Коротаев, Цирель, 2009), Г. Менш (Mensch, 2005, р. 82), М. Хируока (Hirooka, 2006, р. 60, 62, 82, 85).

Вероятно, причиной сбоя слаженного механизма длинной волны в реализации технологических, финансовых, ресурсных и информационных факторов является перерождение капитализма в постиндустриальное общество, отягощенное проблемами глобализации. Главным источником подобного перерождения выступает разрастание непроизводительной, финансовой, виртуальной, исходящей из сферы услуг динамики, нарушающей стандартное течение экономического цикла.

Так, если финансовый капитал, вместо того чтобы возвращаться обратно в финансовый сектор в период ликвидационного бума, находит лазейки для продолжения своего роста на рынке деривативов, то он не будет накапливаться в банковской системе и не породит громадных массивов неиспользованных финансовых ресурсов. А значит, не будет и снижения процентной ставки и наличия этих финансовых ресурсов в нижней поворотной точке длинной волны. А ведь последнее является неперенным условием возобновления роста экономики и перехода ее из депрессии в рост.

Это не означает краха теории длинных волн и механизма смены технологических укладов. Но, вероятно, эволюция экономической системы развивается так, что при смене технологические уклады могут адаптироваться к динамике циклов меньшей продолжительности, например, в ритмах Кузнецца. В этом случае динамика ВВП и расходов на НИОКР в ВВП, показанная на рис. 4 и 9, вполне может свидетельствовать о том, что механизм смены ТУ ускорился, привязавшись к ритмам Кузнецца.

Этот вывод может объяснить и тот факт, что никаких значимых событий в экономике в 1990-е гг. не происходило, кризис ритма Кузнецца взял на себя «ответственность» за внедрение базисных инноваций, не реализованное в ходе длинноволновой депрессии 1990-х гг. По этой причине, на наш взгляд, в период существования IV длинной волны сменились два технологических уклада, развивавшихся последовательно. Серьезного краха экономики при этом при переходе от IV к V ТУ не произошло, хотя экономику в этот период потряс структурный кризис начала 1980-х гг., который стимулировал смену ТУ, что (по периодизации) можно считать кризисом ритма Кузнецца. А это значит, что для практических целей желательно отслеживать динамику не только длинных волн, но и более коротких циклов, к спрогнозированным депрессиям которых можно приурочить программы инновационного прорыва.

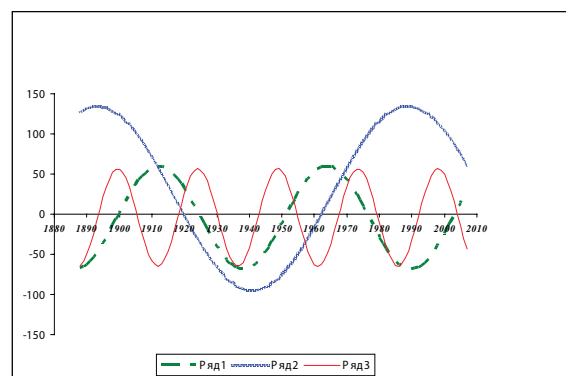
4. ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА КОНЪЮНКТУРНОЙ КАРТЫ ЭКОНОМИКИ

Необходимо диагностировать периоды структурной готовности системы к внедрению инноваций, чтобы поднять экономику России. И тут возникает вопрос: а какими характеристиками обладает конъюнктурная карта мировой экономики – конъюнктура в широком смысле – как ориентир для навигации.

Была предпринята попытка (на основании концепции конъюнктуры как многоциклического процесса, обладающего собственными встроенными в нее эндогенными механизмами) рассчитать конъюнктурную карту мировой экономики и выявить ряды циклов, присутствующих в экономиках разных стран.

В результате исследования выявились, в частности, следующие результаты, представленные на рис. 10.

В указанном представлении, на графиках рис. 10, учитывающих потоковые процессы трех основных циклов экономической динамики США, видно, что кризис 2008 г. – это кризис цикла С. Кузнецца, приходящийся на фазу спада цикла Модельски и фазу оживления длинной волны. В этих условиях стано-

Источники: (Акаев, Румянцева и др., 2011, с. 43).

Рис. 10. Многоциклическая конъюнктура США:
ряд 1 – цикл Модельски, ряд 2 – цикл Кондратьева,
ряд 3 – цикл Кузнецца

вится понятно, с чем связана такая задержка «рождения» нового VI ТУ, подъемной силы длинной волны явно не хватает для преодоления депрессионных трендов циклов большей и меньшей продолжительности.

Конъюнктурная карта дает представление о том, когда надо инвестировать в инновационное обновление экономики. В соответствии с указанным выше представлением на конъюнктурной карте (см. рис. 10) наиболее удачным временем для инвестирования является текущая фаза депрессии и ожидаемого оживления ритма Кузнецца, а также период в окрестности 2020 г., когда потребуется мощная геополитическая перестановка сил мировой экономики в соответствии с логикой цикла Модельски. К этим моментам необходимо создать все условия в рамках программ поддержки VI ТУ, чтобы экономика России могла инкорпорировать свои достижения в области научно-технического развития в структуру ТУ, готового к тому, чтобы стать доминирующим.

Представляется, что изучение конъюнктурного процесса в целом, основанного на данных реальной статистики по потоковым показателям экономической конъюнктуры, является продуктивным именно потому, что позволяет выявить депрессионные периоды в динамике не только длинных волн, но и иных видов экономических циклов. Важно при этом учитывать и тот факт, что в разных странах эти периоды могут смещаться во времени, проявляться с временными лагами – в зависимости от того, относится ли изучаемая страна к категории лидирующих или отстающих. Формирование максимально полной конъюнктурной карты мировой экономики является важной эмпирико-теоретической задачей, поскольку позволяет выявить наилучшие периоды (моменты) для осуществления инновационных интервенций. При этом в эпоху ускорения НТП, вероятнее всего, не только длинные волны, но и другие виды экономических циклов могут стать ориентирами при построении политики инновационного обновления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипотеза о возможном совмещении реализации двух ТУ в рамках одной – IV – длинной волны основывается на сравнении статистических данных по потоковым показателям, рассчитанным на основе эмпирических данных, с теорией смены ТУ С.Ю. Глазьева, имеющей в качестве эмпирической базы статистику технологических трендов и сопряженных с ними воспроизводственных комплексов. Вероятнее всего, причина различий в диагностике состояния мировой экономики состоит в искажении механизма ДВ, произошедшем в последние 30 лет и связанном со становлением нового типа постиндустриальной экономики – финансовой экономики. Эти искажения, выливающиеся в различия периодизации длинных волн, необходимо дополнительно изучать.

Литература

- Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Экономические циклы и экономический рост. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011.
- Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М.: Наука, 1990.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
- Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26–38.
- Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.
- Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри / Препринт # WP/2009/252. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

- Дементьев В.Е. Инвестиционные проблемы инновационной паузы в экономике // ГосБук. 2011. Ноябрь. (<http://www.gosbook.ru/document/40161/40195/preview>). С. 13, 17.
- Ерзнкян Б.А. Теоретико-методологические изменения в институциональной экономике // Экономическая наука современной России. 2012. № 1. С. 11–30.
- Зомбарт В. Современный капитализм. М.; Л.: Госиздат, 1931.
- Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Экономика, 2002а. С. 341–401.
- Кондратьев Н.Д. К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002б. С. 9–40.
- Коротаев А.В., Цирель С.В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Под ред. Д.А. Халтуриной, А.В. Коротаева. М.: Либроком, 2009. С. 189–230.
- Кузьмин М.В. Гиперциклическая организация и динамика общественных систем // Идеи Н.Д. Кондратьева и динамика общества на рубеже третьего тысячелетия: Материалы ко II Международной кондратьевской конференции. СПб. 15–17 марта 1995 г. М., 1995. С. 495–509.
- Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. Т. 22. № 5. С. 793–804.
- Митчелл У.К. Экономические циклы. М.; Л.: Госиздат, 1930.
- Осинов Ю.М. Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики // Экономическая теория на пороге XXI века. М.: Юрист, 2001. С. 5–18.
- Паикус Ю.В. Деньги: прошлое и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
- Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011.
- Рёнке В. Конъюнктура. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927.
- Румянцева С.Ю. Динамика инноваций и фаза длинной волны // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2001. Вып. 1. № 5. С. 33–48.
- Румянцева С.Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Румянцева С.Ю. Эволюция понятия и методологии анализа экономической конъюнктуры // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2004. Вып. 4.
- Румянцева С.Ю. Проблема движения экономической материи и механизм экономического цикла // Проблемы современной экономики. 2012. № 1. С. 29–34.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Серия: Антология экономической классики / Под ред. И.А. Столярова. М.: ЭКОНОМ: КЛЮЧ, 1993.
- Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Системный мониторинг глобального и регионального развития // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Под ред. Д.А. Халтуриной, А.В. Коротаева. М.: Либроком, 2009. С. 11–188.
- Яковец Ю.В. Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм. М.: Экономика, 1988.
- Ayres R.U. Did the Fifth K-Wave Begin in 1990–1992? // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 57–72.
- Goldstain J.S. The Predictive Power of Long Wave Theory, 1989–2004 // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 137–145.
- Delbeke J. Long-Term Trends in Belgian Money Supply, 1877–1984 // The Long Wave Debate / Ed. by T. Vasko. Berlin: Springer, 1987. P. 313–325.
- Devezas T., Santos H. The Emergence of Terrorism // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 245–253.
- Devezas T. Crises, Depression, and Expansion: Global Analysis and Secular Trends // Technological Forecasting and Social Change. 2010. № 77. P. 739–761.
- Dosi G. Technological Paradigms and Technological Trajectories // Research Policy. 1982. № 11. P. 147–162.

- Duijn J.J. van.* The Fluctuation in Innovations over Time // *Futures*. 1981. Vol. 13. № 4. P. 264–275.
- Fisher I.* The Debt-Deflation Theory of Great Depressions // *Econometrica*. 1933. October. Vol. I. № 4. P. 337–357.
- Hirooka M.* Innovation Dynamism and Economic Growth. Cornwall: Edward Elgar, 2006.
- Historical Statistics of the United States. Washington: U.S. Dept. of Commerce, Bureau of the Census, 1975.
- Korpinen P.* A Monetary Model of Long Cycles // *The Long Wave Debate* / Ed by T. Vasko. Berlin: Springer, 1987. P. 333–341.
- Marchetti G., Nakicenovic N.* The Dynamics of Energy System and the Logistic Substitution Model. Laxenburg: IIASA, 1979.
- Marchetti C.* Is History Automatic and Are Wars a la Carte? // *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*. Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 173–180.
- Mensch G.* Stalemate in Technology. Cambridge, Massachusetts, Ballinger Pub. Co., 1979.
- Mensch G.* If This Long Wave Steep-Up and Breaks: That Then? // *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*. Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 80–91.
- Metz R.* Empirical Evidence and Causation of Kondratieff Waves // *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*. Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 91–100.
- Nakicenovic N., Grubler A.* Long Waves, Technology Diffusion and Substitution. Laxenburg: IIASA, 1991.
- Perez K.* Structural Changes and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System // *Futures*. 1983. № 15. P. 357–375.
- Robert A., Tagart Jr.* Have US Corporations Crown Financially Weak? // *Financing Corporate Capital Formation* / Ed. by B.M. Friedman. Chicago–L.: NBER, 1984. P. 13–29.
- Robert A., Tagart Jr.* Secular Patterns in the Financing of Corporations // *Corporate Capital Structures in the United States* / Ed. by B.M. Friedman. Chicago–L.: NBER, 1985. P. 13–81.
- Schumpeter J.* Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. N.Y.: McGraw-Hill, 1939. Vol. 1.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 1974.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 1977.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 1987.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 1990.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 1995.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 2000.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 2001.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 2006.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 2008.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 2010.
- Statistical Abstract of the United States. Washington, 2011.
- <http://www.ggdc.net>

Рукопись поступила в редакцию 06.08.2012 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ПРАКТИКА

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС
И ПЕРСПЕКТИВЫ
МОДЕРНИЗАЦИИ
В РОССИИ:
МИРОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Н.В. Осокина, М.Р. Макарейкина

Реализация принятой Правительством России стратегии модернизации сталкивается со множеством проблем, в том числе связанных со статусом нашей страны на мировой арене. Вступив в международные отношения на невыгодных для себя условиях, Россия может навсегда остаться за бортом мирового развития. В то же время глобализация мирового рынка будет все больше способствовать усилению разрыва между странами центра и периферии мировой экономической системы. При этом развитые цивилизации будут стремиться реализовывать стратегию эксплуатации периферийных стран, извлекая миросистемную ренту путем использования их природных ресурсов и дешевой рабочей силы.

Ключевые слова: модернизация, миросистемный подход, глобализация, периферийные страны, развитые страны.

Объектом настоящего исследования является состояние современной миросистемы в период глобального финансово-экономического кризиса, а также положение в ней России. На этом фоне объектом исследования становятся общественно-экономические отношения, возникающие между центром и периферией по поводу перераспределения ресурсов и миросистемной ренты.

Предмет настоящего исследования – изучение и анализ перспектив модернизации в России, обусловленной кризисным состоянием.

© Осокина Н.В., Макарейкина М.Р., 2012 г.

ем миросистемы (с учетом специфики миросистемного подхода).

Наиболее адекватным методологическим подходом к исследованию мировой экономики является миросистемный анализ, оформившийся в последней трети XX в. Самым известным в России ее теоретиком является американский профессор И. Валлерстайн. Центральной категорией в миросистемном анализе выступает «*миросистема модернити*», сформировавшаяся в XVI в. и существующая на протяжении уже 500 лет. Миросистема состоит из мирохозяйства и политической структуры, состоящей из входящих в международную систему суверенных государств. В мирохозяйстве выделяются страны центра, периферии, полу-периферии и для каждого этапа развития миросистемы – страна-гегемон. И. Валлерстайн отмечает, что существуют «три структурные позиции мироэкономики – сердцевина (центр), периферия и полупериферия (стабилизировались примерно к 1640 г.)». Ключевой факт в усилении капиталистических стран центра состоял в том, что в северо-западной Европе изначально заданные легкие отличия совпали с интересами различных местных групп, приведя к развитию сильного государственного механизма... Государственные машины стран центра были усилены, чтобы удовлетворить потребности капиталистических землевладельцев и их союзников – купцов. Как только мы получили разницу в силе государственных машин, в действие вступил неравный обмен, навязываемый сильными государствами слабым, государствами сердцевины – периферийным регионам. Капитализм опирается не только на присвоение собственником прибавочной стоимости, производимой работником, но и на присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, которая производится в мироэкономике в целом. В периферийных зонах мироэкономики как продолжающаяся экспансия центра, так и новая сила полупериферии привели к дальнейшему политическому и, следовательно, экономическому ослаблению периферийных регионов» (Валлерстайн, 2001, с. 38).

Россия вошла в миросистему в конце XVIII в. со статусом полупериферийной страны. Первоначальное накопление капитала происходило на базе дешевого крепостного труда, обеспечивающего преимущества в конкуренции на мировом рынке. Главным субъектом модернизации выступало государство, которое играло важнейшую роль в развитии промышленности при одновременном укреплении в стране позиций иностранного капитала. Буржуазная модернизация была прервана в октябре 1917 г. частичным выходом страны из миросистемы.

Общий вывод, следующий из концепции миросистемного анализа, заключается в том, что развитие капиталистической экономики неотделимо от процесса международной эксплуатации, складывающейся в процессе экономических отношений между центром, периферией и полупериферией. Эксплуатация проявляется в «иерархическом неравенстве распределения», связанном с монополизацией в центре высокоприбыльного производства. Капитализм строится не только на присвоении собственником прибавочной стоимости, производимой его наемными работниками, но и на присвоении «зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике в целом» (Там же).

Теоретик миросистемного анализа И. Валлерстайн был отчасти последователем научных воззрений Розы Люксембург. Так, по мнению Р. Люксембург, некапиталистические социальные слои (выражаясь терминами миросистемного анализа, «периферийные» слои) и некапиталистические страны позволяют осуществлять накопление капитала, предоставляя рынки для капитализации части прибавочной стоимости. Говоря словами самой Люксембург, «капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» (Люксембург, 1934, с. 258). Предельно упрощая данный те-

зис, можно сказать, что процесс накопления капитала возможен лишь при наличии некапиталистической среды.

Ряд главных положений теории миросистемного подхода Валлерстайна перекликаются с некоторыми идеями Розы Люксембург. Так, тезис Валлерстайна о том, что «капитализм изначально был явлением мир-экономики» (Валлерстайн, 2001, с. 38), опирающимся при своем возникновении на мировые торговые потоки, а не на рынки отдельных национальных государств, отчасти основан на схожем выводе Люксембург: «мировой обмен заранее является историческим условием существования капитализма» (Люксембург, 1934, с. 258).

Схожи рассуждения сторонников миросистемного анализа и Розы Люксембург и по вопросу о роли географической экспансии капитализма. По мысли Люксембург, «процесс накопления капитала всеми своими отношениями стоимости и вещественными отношениями – своим постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью – связан с некапиталистическими формами производства» (Люксембург, 1934, с. 258), и, следовательно, оставаться в тесных границах места своего рождения капитализм не может по определению: «если бы ему пришлось пользоваться исключительно только

элементами производства, которые можно добыть в этих узких границах, он не достиг бы своей теперешней высоты, и его развитие вообще было бы невозможно» (Там же).

Однако если для Розы Люксембург главная причина расширения капиталистической системы заключается в необходимости реализации части прибавочной стоимости, для которой не нашлось ресурсов внутри «чистого» капиталистического общества, то для сторонников миросистемного анализа экспансия капитализма связана в большей степени с проблемой перенакопления капитала.

В миросистемном анализе особенности накопления общественного капитала связаны с типом капиталистического развития национальной экономики, обусловленным ее принадлежностью к структурному уровню миросистемы – центру, периферии, полупериферии (см. таблицу).

Одним из инструментариев перераспределения капитала в миросистемном анализе является миросистемная рента. Миросистемная рента – дополнительные доходы, получаемые центром в результате его монопольного положения. Рента возникает за счет того, что государства стран центра и межгосударственная политическая система в целом создают препятствия действиям так называемого свободного рынка, институционализируют

Таблица

Сопоставление характеристик стран центра и периферии в миросистеме

№ п/п	Черты центра	Черты периферии
1	Двойственность сфер возрастания капитала (эндогенная и экзогенная, связанная с извлечением миросистемной ренты)	Отсутствие экзогенной сферы возрастания капитала
2	Положительный синергетический эффект в процессе капитализации эндогенных и экзогенных источников накопления	Неэквивалентный обмен, связанный с перераспределением в пользу центра части эндогенно произведенной прибавочной стоимости
3	Интенсификация развития общественного производительного капитала	Отрицательный синергетический эффект в процессе присвоения антиренты
4	Формирование хозяйственных макроструктур, обладающих стимулами для саморазвития	Экстенсивное развитие общественного производительного капитала

По данным: Осокина Н.В., Суворов А.С. Накопление общественного капитала как макроэкономическая проблема современной России: миросистемный подход // Экономика. 2009. № 1. С. 7–10.

и охраняют преимущества, возникающие в ходе развития миросистемы (Осокина, 2009, с. 4–13). Однако присвоением миросистемной ренты отношения между центром и периферией не исчерпываются. Центр воздействует на периферию, формируя там особый тип экономического развития (зависимого развития) – и специфические особенности накопления капитала.

В ходе зависимого развития воспроизводится способность периферии генерировать миросистемную ренту. Методами этого воздействия становятся: принуждение, опирающееся на военную силу; навязывание так называемого свободного рынка; неравный обмен, «обработка» периферийной элиты; использование межгосударственной политической системы и международных экономических организаций. Совокупность методов воздействия центра на периферию в процессе международной эксплуатации наносит странам периферии определенный ущерб, что составляет содержание миросистемной антиренты. Миросистемная антирента – теоретическое выражение комплекса упущенной выгоды и прямых убытков, которые несут страны периферии в результате ограничения их самостоятельности в экономической политике и неэквивалентного перераспределения ресурсов в пользу стран центра (Там же).

Как гегемон современной миросистемы, США присваивают большую долю миросистемной ренты. В результате они потребляют больше, чем производят. Основную долю миросистемной ренты составляют сеньориальная рента (извлечение дохода от эмиссии мировой резервной валюты, которое может приобретать любая страна) и рента, связанная с кредитованием экономики США держателями ее долговых обязательств (извлечение США дохода от эмиссии доллара как гегемона миросистемы и монополиста на выпуск резервной валюты). Главным каналом ее извлечения являются международные валютно-финансовые отношения. Н. Абдулгамидов, С. Губанов, С. Глазьев, М. Хазин и др. раскрывают механизм эксплуатации США

всего остального мира: «пирамидальный механизм монетарной “иммобилизации” и последующая периодическая “стерилизация” долларовой массы, накапливаемой иностранными держателями» (Абдулгамидов, Губанов, 2002, с. 33). «В последние два десятилетия “империализм доллара” ежегодно выжимает из остального мира неокOLONиальную дань, эквивалентную 6–7% американского ВВП» (Губанов, 2009, с. 5–7). Необходимо заметить, что присваиваемая гегемоном миросистемная рента не связана с более высокой производительностью факторов производства, а есть результат их монополии на резервную валюту, опирающуюся на «авианосный мускул» и «ядерный кольт» (Кургинян, 2009, с. 1–2).

Современный российский ученый Г.Д. Гловели, используя в своих исследованиях концепты миросистемного подхода, рассматривает методику миросистемного анализа с целью как понимания экономической сущности развития России, так и анализа ее историко-политического развития.

Гловели отмечает, что западные ученые мирохозяйственной системы опирались на две глобальные концепции, выдвинутые российской экономической мыслью начала XX в., – учение В.И. Ульянова-Ленина об империализме и гипотеза больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. Активизация в конце XX в. анализа длинноволновой экономической динамики и обращение широких кругов исследователей к миросистемному подходу привели к возникновению новой парадигмы цивилизации, в которой центральное место занимают длительные циклы страны – глобального гегемона (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Дж. Модельски, У. Томпсон и др.).

Исследуя процессы геоэкономики, Гловели также указывает на существование геоэкономического универсума как концептуальной основы понимания новой фазы глобального капитализма, которая характеризуется перераспределением мирового дохода посредством геоэкономических рентных платежей. В новом научном направлении, стимулированном глобализацией, – геоэконо-

мике – центральное место занимает изучение противоречий, связанных со стремлениями государств извлекать доходы из контроля над территориально локализованными ресурсами и над хозяйственными потоками, проходящими через политико-административные границы своей страны.

В рамках миросистемных исследований Гловели уделяет внимание и культурному аспекту: «мир-системный анализ оперирует понятием “геокультура”, обозначающим культурное основание капиталистической мир-экономики – представление о том, что суверенное государство, выбрав правильный экономический курс развития (причем с уже заданными передовыми странами рамочными условиями), достигнет благосостояния и процветания. Быт и экономические институты стран – лидеров капиталистической мировой экономики определяют “геокультурный ареал” – образец для подражания в хозяйственных (и не только) реформах» (Гловели, 2011). Новые страны «ядра» миросистемы задали и новые эталоны ареалов – образцы «мировых стандартов» для экономических преобразований в России (Там же).

В этой связи для дальнейшего развития России важно определить, на какие эталоны (нормы, критерии) ей следует ориентироваться и в каком направлении процесс ее модернизации будет наиболее эффективным.

Для сегодняшней России модернизация экономики является и повесткой дня, и ее долгосрочным проектом. Необходимость модернизации обоснована в официальном документе программного характера – Стратегии развития Российской Федерации до 2020 года, где подчеркивается, что преодоление сложившегося разрыва в уровнях экономического развития России и ведущих мировых держав предполагает принципиальное изменение хозяйственной жизни страны и значительных усилий государства, бизнеса и граждан.

Обсуждение проекта модернизации идет давно, но в обществе пока не утвердилось представления о характере, субъектах и ориентирах модернизации. Было несколько

больших дискуссий, посвященных проблемам российской модернизации, о ее субъектах, содержании, ориентирах, инструментах и путях реализации, модернизационных альянсах (см., например, (Гришин, 2010, с. 95–120; Гонтмахер, 2010)).

Небезусловной является сама возможность осуществления модернизации, поскольку в мире усиливаются кризисные явления, противоборство держав, расширяется практика нарушения норм международного права и растут угрозы вмешательства извне в дела суверенных государств под предлогом защиты демократии. Планы модернизации не имеют под собой прочной основы, пока Россия не осмыслит своего положения в современной глобальной системе и не выработает политики, направленной на коррекцию этого положения.

Термин «модернизация» может быть рассмотрен в двух аспектах: 1) как усовершенствование объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами; 2) как общественно-исторический процесс, связанный с переходом от традиционного доиндустриального общества к развитому индустриальному.

Во втором случае в содержании процесса модернизации обычно выделяют три направления:

- пионерная модернизация стран Западной Европы и Северной Америки, в результате которой в них сформировалось индустриальное капиталистическое общество;
- догоняющая модернизация, в которой участвуют страны, не относящиеся к первой группе, но стремящиеся их догнать;
- эволюционное развитие стран первой группы, реализующееся посредством непрерывного осуществления инноваций и связанное с переходом к постиндустриальному обществу.

Специфика постсоветской переходной модернизации России предполагает, что в процессе модернизации могут решаться задачи, адекватные всем трем направлениям. Задачи первого направления предопределены тем,

что трансформационный кризис 1990-х гг. и сложившаяся постреформационная модель экономики запустили процесс деградации материально-технической базы производства, который получил название деиндустриализации. Кроме того, постсоветское наследие обуславливает ситуацию, в которой функционирование институтов, присущих развитому рынку, – пока дело будущего.

Задачи второго направления вытекают из подхода реформаторов к программе развития России, ориентиром для которого всегда провозглашалась экономика развитых стран Запада.

О задачах, адекватных третьему направлению, размышляют экономисты, которых не устраивает перспектива постоянно находиться «в хвосте», и они выступают за опережающую модернизацию за счет ускоренного формирования ядра нового, шестого технологического уклада (Глазьев, 2009, с. 55). Эти задачи связаны с формированием отечественной инвестиционной системы и отражены в содержании важнейшего документа государственной политики на ближайшую перспективу – Стратегии 2020.

В отличие от С. Глазьева В. Иноземцев не поддерживает концепцию опережающей модернизации, а выступает за догоняющее развитие. Содержание модернизации, по его мнению, связано с повышением эффективности отдельных отраслей производства, она должна быть средством понижения удельных издержек: «...газа надо тратить вдвое меньше на производство единицы ВВП, бетона хотя бы на треть меньше в среднем на квадратный метр строящихся зданий и т.п.» (Иноземцев, 2010, с. 13–14). В этом случае модернизация рассматривается в узкоприкладном смысле, технократически – как усовершенствование техники и технологии производства, т.е. только с точки зрения производительных сил, но не общественных отношений. Кроме того, такой сырьевой тип модернизации России достаточно выгоден Западу. Этот расклад в развитии модернизации нашей страны является для Запада еще одним каналом, способствующим

высвобождению ресурсов для собственного потребления и соответственно извлечению миросистемной ренты.

На наш взгляд, содержание модернизации в России должно трактоваться в широком смысле (с учетом трансформационного пересмотра производственных отношений, а также экономических, политических, социальных изменений). Мы согласны с авторами, которые отмечают, что для успеха модернизации необходима глубокая политическая реформа, демократизация политического режима, а также восстановление социальной справедливости и социальной солидарности. Необходима ликвидация такой ситуации, когда правящая элита и ассоциированный с ней бизнес осуществили «захват значительной части общественного продукта для экстремально высокого личного потребления и создания личных накоплений, прежде всего в зарубежных банковских системах» (Микульский, 2010, с. 7–12).

Понятно, что перестроить общество в России в таком духе сегодня без принуждения не представляется возможным. Должен быть сформирован реформаторский центр в руководстве страны, способный осуществить перестройку общественной системы. Политическая реформа предполагает глубокий пересмотр функций, выполняемых нынешним российским государством. Необходим возврат государства в сферу хозяйствования как выразителя национальных экономических интересов, а также перестройка системы управления государством на принципах персональной ответственности, соревновательности и изменения отношений государственной власти с обществом. «Граждан страны следует реально допустить к участию в управлении, а также дать им возможность контролировать властей предрежащих. Для этого необходимо не только восстановить реальные избирательные права, но и ввести механизм обратной связи, позволяющий гражданам добиваться отставки любого недобросовестного чиновника» (Глазьев, 2009, с. 49–62).

Выбор способа модернизации в России принципиален, поскольку от этого зависит

степень участия и воздействия государства на достижение задач и целей модернизации. Мы согласны с теми авторами, которые выступают за необходимость опережающей модернизации, поскольку она предполагает прежде всего внутренние источники развития и опирается на культурную традицию страны. Именно такой способ: сочетание национальной идентичности и инновационности – использовали успешно модернизовавшиеся государства Юго-Восточной Азии. Такая модернизация ставит целью не воспроизведение всех этапов эволюции или современного состояния наиболее модернизированных стран, но «конструирование» ее состояния в обозримом будущем на основе анализа и прогноза тенденций развития цивилизации (Смолин, 2006).

Главная социальная проблема в модернизации России, на которую указывают очень многие, – это отсутствие социального субъекта модернизации и реальной воли к переменам. Таким субъектом модернизации, по убеждению многих экономистов, таких как В. Красильщиков, В. Иноземцев, А. Нешитой, В. Карачаровский, Р. Дзарасов и т.д., не может быть российский бизнес. Крупные российские монополии, сосредоточивающие основные финансовые ресурсы, не только не осуществляют межотраслевой проектной активности, в ходе которой их свободный капитал переливался бы в стратегические отрасли, но и не реинвестируют сверхприбыли внутри собственных отраслей. «Сверхприбыли используются монополиями исключительно в узкокласовых олигархических целях, и данное положение дел устойчиво сохраняется все 2000-е гг.» (Карачаровский, 2010, с. 19).

Действительно, отечественный крупный бизнес в силу своей специфики вряд ли готов к этой роли. Причем, как отмечает М.А. Чешков, это особая, постсоветская специфика периферии, отличная от специфики азиатских «тигров» и стран БРИК (Гришин, 2010, с. 95–96).

На наш взгляд, специфика современной российской элиты в том, что у нее нет четкой

национальной самоидентификации. Чрезмерная близость России к Западу на протяжении почти всего ее развития в миросистеме стала одной из причин того, что национально-ориентированная буржуазия в ней не сформировалась. Она развивалась в настроениях «ученичества» и ожидания поддержки Запада. Она не пассионарна, она не стремилась противостоять засилью иностранного капитала в национально-освободительной борьбе, как патриотичные представители азиатского и латиноамериканского бизнеса. В крупный бизнес у нас пришли маргиналы: цеховики, фарцовщики, криминалитет и иждивенчески ориентированные дети переродившейся партийной номенклатуры. С. Губанов характеризует сложившуюся в России модель компрадорской экономической системой, основанной на олигархической форме частнокапиталистической собственности. Он совершенно справедливо подчеркивает, что «бесполезно связывать с пореформенной экономической системой перспективу какой-либо модернизации» (Губанов, 2009, с. 5–17).

В этой ситуации некоторые экономисты делают парадоксальный вывод – дело доходит до заявлений, что для России нужна жесткая мобилизационная модель модернизации со стороны внешней силы. «До тех пор пока Россия с ее нынешними элитой, народом и предпринимателями не получит жесткий инструмент навязывания определенных стандартных решений, действующий извне ее территории, успеха модернизации ждать не приходится» (Гришин, 2010, с. 113–115). Иными словами, если у российского бизнеса нет мотивации проводить модернизацию, то следует пригласить в Россию иностранный бизнес и поступиться для этого частью хозяйственного суверенитета.

К сожалению, именно такие представления, вероятно, лежат в основе намерений власти, о которых сообщила российская сторона на Всемирном форуме в Давосе 26 января 2011 г. (Новости, 2011). Тогда Президент Д.А. Медведев отметил, что перечень стратегических предприятий в России сокращен в

пять раз. За ближайшие три года будут приватизированы пакеты акций ведущих компаний банковского, инфраструктурного и энергетического секторов на общую сумму в десятки миллиардов долларов. При этом доходы бюджета – не самоцель, хотя они и важны, но главное – повышение эффективности самих компаний, улучшение конкурентных условий ведения бизнеса в нашей стране.

Однако, как показывает история мировой экономики, приватизация стратегически важных для экономики страны отраслей никогда не приводила к эффективным результатам их использования. Из самой сути миросистемного подхода следует, что центр заинтересован сохранять периферийное развитие капитализма и обеспечивать его воспроизводство повсюду, в том числе и в России. Основная задача реформирования России заключается в том, чтобы создать самостоятельно функционирующую экономику, освободить ее от навязанного «внешнего управления», блокирующего созидательную роль государства в воспроизводственных процессах национальной экономики. Не исключено, что для этого придется осуществить возврат к частичной или относительной автаркии – в качестве средства спасения от деструктивной мировой валютной системы, подчиненной доллару и печатному станку ФРС США (нечто подобное было отражено в трудах ученых, выступающих за концепцию геополитически защищенного «народного дома») (Толкачев, 2010, с. 36–42). Следует подчеркнуть, что современная автаркия означает не полную изоляцию, а хозяйственный суверенитет, причем она не влечет за собой отказа от внешней торговли.

Наша страна в состоянии мобилизовать свой потенциал и использовать его в качестве фундамента для того, чтобы встать на траекторию опережающей модернизации. Важным в данном случае остается вопрос об определении ключевых субъектов модернизации и роли государства в числе этих субъектов. Наш взгляд, нет другого варианта, кроме возврата государства в практику хозяйствования

– в роли выразителя национальных экономических интересов, возвращение политики регулирования и контроля вместо всеобщей либерализации, отказ от идеи унификации социально-хозяйственной жизни по западному образцу. Это особенно важно в условиях продолжающегося системного кризиса, перспективы перехода к этапу торговых войн и предсказываемой многими экспертами возможности распада «атлантического единства». Именно государство должно способствовать реструктуризации экономики в направлении увеличения доли наукоемких отраслей, поскольку развитие высокотехнологичного сектора по определению невозможно ни на частной основе, ни при ориентации на зарубежных инвесторов.

Действительно, отход от статуса страны периферии абсолютно невозможен без специфической социально-экономической роли государства. Основными субъектами накопления общественного капитала на периферии является государство и зарубежные предприниматели. От их специфического соотношения зависит возможность восходящего движения периферии к полупериферии и дальнейшее перемещение по центростремительной траектории. Если государство активно реализует свои экономические функции и контролирует деятельность зарубежных инвесторов, направляя ее к обоюдной выгоде, то такое восходящее продвижение возможно. Если государственное управление и экономическая деятельность становятся все более либеральными, то ресурсы национальной экономики отдаются на откуп иностранному бизнесу. Выгоды в таком случае достаются главным образом коррумпированным чиновникам, а экономика как бы «спускается по лестнице мир-системы», превращаясь в периферию периферии.

Для обеспечения реальной модернизации необходимо осуществить неоиндустриализацию, которая должна строиться на государственно-корпоративной форме собственности в стратегических отраслях и развитии вертикальной интеграции сырьевых,

перерабатывающих и машиностроительных компаний в рамках многоотраслевых корпоративных структур (Губанов, 2008, с. 9–16).

Особое значение приобретает политика государства в области укрепления государственных финансов и кредитно-денежных институтов, принципиальное изменение механизма формирования денежного предложения, введение государственной монополии на торговлю сырьевыми ресурсами, возвращение ограниченной конвертируемости рубля.

Для успешного осуществления модернизации страны независимо от ее территориальных размеров и природных условий необходимо иметь высокий уровень развития науки в качестве собственного источника технологических нововведений и развитую социально-экономическую среду для ассимиляции приобретаемых технологий. Этот уровень определяется структурой и состоянием науки и экономики страны в целом, политическими и социально-экономическими целями развития общества, эффективной институциональной системой. Существующая же модель национальной экономики опирается на пережитки плановой и неустойчивые элементы рыночной экономики, а также на криминальные структуры.

Последние примерно 30 лет происходит превращение фиктивного финансового капитала в главную экономическую форму капитала в экономике стран центра. На протяжении предшествующих 20–30 лет в экономике центра, прежде всего в экономике Соединенных Штатов Америки, фантастическими темпами расширялся финансовый сектор. После 1970 г. капиталистическая миросистема функционировала, пытаясь сохранить прибыль за счет роста потребления, который обеспечивался возрастанием кредитования. Крушение блока стран с альтернативной экономикой во главе с СССР породило невиданный всплеск популярности самих США, их валюты и веры в либеральную рыночную экономику как гарантию процветания.

Страны центра, и в первую очередь гегемон миросистемы – США, стимулировали

гипертрофированный рост финансового сектора, они запустили процесс формирования глобального кризиса, разразившегося в 2008 г. и не прекратившегося до сих пор.

Поверхностные проявления кризиса состояли в том, что он является самым крупным за последние 70 лет по уровню падения ВВП, сокращению промышленного производства и международной торговли. По данным МВФ, впервые после 1930 г. мировой ВВП в 2009 г. уменьшился на 2,2%, или почти на 1,5 трлн долл. в год, при совокупном объеме ВВП в 65 трлн долл. Наибольшее сокращение зафиксировано в развитых странах (на 3,5%). Наблюдалось сочетание банковского, фондового, валютного и долгового кризисов. Мировой кризис и мировая рецессия остановили почти 30-летний рост мирового финансового рынка.

Особенность нынешнего кризиса, по мнению многих экспертов, состоит в том, что он интегрирует несколько кризисов разного рода: технологической модели развития, парадигмы, цивилизации, миросистемы. Поэтому его называют системным.

Кризис миросистемы может проявляться: 1) в кризисе гегемона миросистемы (отсюда – и смена мирового лидерства); 2) в исчерпании ресурсов дальнейшего развития капитализма и переходе к новому функционированию экономики.

И. Валлерстайн рассматривает кризис в качестве предвестника конца миросистемы. Он указывает на исчерпание резервов роста капиталистической прибыли. По прогнозам школы миросистемного анализа, капиталистической мировой экономике как исторической системе осталось существовать 70–80 лет (Валлерстайн, 2008, с. 14). Однако пока неясно, приведет ли данный кризис к падению капиталистической системы в принципе или завершается только текущий этап ее развития. «Период системного кризиса можно представить себе как арену, на которой ведется борьба за выбор новой системы» (Валлерстайн, 2009, с. 51–54). По мнению И. Валлерстайна, вряд ли в ближайшем будущем ситуация сменится

устойчивым равновесием. «Система заходит в тупик, из которого миру будет очень трудно выбраться». Центральная проблема XXI в., как отмечает И. Валлерстайн, – не в «упадке» Запада, а в превращении нашей нынешней мировой системы в другую форму исторической системы. Он подчеркивает, что переход, кончина исторической системы – это скорее ее полная самореализация, а не упадок. Однако медленное сокращение процесса накопления неизбежно. По мере его развития нормальная конкуренция внутри глобальной элиты превратится в постоянную междоусобную войну.

В. Рязанов выделяет следующие возможные сценарии развития мировой экономики: реставрация неолиберальной глобальной модели развития (ее частичная модернизация и смена экономического лидера); переход к протекционистской модели посткризисной экономики; регионализация вместо глобализации и в конце концов – деглобализация, или возвращение государственного регулирования. Мы согласны с автором в том, что идея замены «неолиберальной глобализации» внешне лучшей версией – «демократической глобализацией», по сути, утопична. В условиях капитализма она неосуществима в связи с тем, что встает вопрос об исторических границах капитализма. Поскольку капитализм почти достиг своих естественных границ, то «путь его дальнейшей модификации лежит в сторону освобождения части занятой им территории» (Рязанов, 2010, с. 12–15).

В целях раскрытия специфики влияния глобального кризиса на экономику России необходимо отметить, что во время кризиса 2008–2009 гг. наша страна пострадала сильнее других экономик. Отсутствие притока капитала и падение ВВП способствовало усилению кризисной ситуации. Падение ВВП в 2009 г. на 7,9% невыгодно отличает нашу страну от других стран группы БРИК и даже от других нефтедобывающих государств. Мировой экономический кризис за полтора года отбросил Россию на 2–2,5 года назад, т.е. к 2007 г.: именно в сентябре 2007 г. страна достигла дореформенного объема стоимости ВВП (Заявле-

ние помощника президента..., 2009). Падение промышленного производства достигло 10,3% по отношению к декабрю 2007 г., что стало самым глубоким спадом производства за последнее десятилетие. Инвестиции упали в кризисном году на 16,2%, что выше, чем во многих других странах. Мы получили дефицитный бюджет (В борьбе за капитал..., 2010).

С. Глазьев отмечает, что Россия потратила на антикризисные меры в относительном выражении больше других стран, поэтому «можно оценить проводившуюся в России антикризисную политику как одну из самых низкоэффективных» (Глазьев, 2009, с. 49–62). Такая ситуация объясняется влиянием на экономику России двух кризисных процессов: внешнего мирового кризиса и внутреннего кризиса сложившейся в России модели пореформенной экономики. Это положение требует осмысления особенностей модели капитализма, сложившейся в России, поскольку содержание модернизации не может быть определено без их учета.

Данный вопрос является дискуссионным. Так, по мнению С. Губанова, «системный кризис» России обусловлен трансформацией по модели низшего, домонополистического капитализма времен «свободной конкуренции». С. Губанов делит капитализм на «высший» (регулируемый государством, существующий в передовых странах) и «низший» (стихийный, домонополистический): «альтернатива неизменна: либо высший капитализм, либо стихийный низший». Такой «низший» капитализм он называет «дезинтегрированным» (Губанов, 2009, с. 5–17).

Напротив, К. Микульский отмечает, что российская модель не имеет значимого сходства ни с ранними стадиями развития капитализма, ни с его современной цивилизованной (т.е. относительно социализированной и гуманизированной) формой. Это специфическая модель, в значительной мере свободная «от экономической и политической конкуренции, от давления критериев экономической эффективности, от влияния социальных требований населения, от какого-либо реально-

го воздействия практически отсутствующего (или находящегося в зародышевом состоянии) гражданского общества» (Микульский, 2010, с. 7–12). Таким образом, российская модель капитализма вызывает недоумение, которое объясняется тем, что в общественной мысли укоренилось представление о развитии капитализма по той модели, которую К. Маркс наблюдал в странах центра, и довольно слабо распространено представление о капитализме периферийном.

В действительности капитализм в России и капитализм центра развивались по разным моделям как до Октябрьской революции, так и после реставрации капиталистического проекта в нашей стране в 1992 г. В терминологии миросистемного подхода СССР был противоположен (Лапкин, Пантин, 2001, с. 221). После его крушения Россия вошла в миросистему в статусе полупериферийной страны, статусе, базировавшемся на советском наследии. Так называемые реформы стали причиной потери этого статуса в результате чрезмерной и преждевременной либерализации и деэтизации экономики и политики, результатом которых стало раздробление централизованных производительных сил, дезинтеграция, безоговорочное следование западным рецептам независимо от их выгодности для основного населения страны. Россия стала зоной концентрации периферийных процессов, живущей во многом за счет «проедания» советского наследия.

Таким образом, пореформенная модель экономики создала в России условия для генерации миросистемной ренты и получения ею антиренты, поскольку страна лишилась значительной доли самостоятельности в экономической политике и стала выступать как вассал центра. Как отмечает С. Глазьев, «фактически после расстрела Верховного Совета и осуществления государственного переворота в 1993 г. вплоть до осени 1998 г. в России действовало внешнее управление экономической политикой государства, основные параметры которого разрабатывались экспертами МВФ» (Глазьев, 2010, с. 29).

Выгода от крушения СССР для центра была очевидна: приток «беглых» капиталов, импорт дешевого сырья, резкое расширение рынков, прилив интеллектуальных ресурсов, ликвидация мощного геополитического конкурента, что ослабило необходимость наращивать расходы на вооружение. А главное – гегемон миросистемы получил значительное подкрепление спроса на доллары, иными словами, расширение возможностей присвоения миросистемной ренты. Генерации долларовой ренты содействует как правительство, так и домохозяйства. В течение многих лет вопреки логике развития финансовые власти «вкладывались в развитие экономики наших оппонентов, а не собственной экономики. Общий долг США перед Россией составляет примерно 240 млрд долл.» (Кучуков, 2010, с. 21). Многие авторы (С. Глазьев, С. Губанов, С. Толкачев и др.) отмечают, что Банк России исполняет роль так называемого насоса по откачке рублевой ликвидности из реальной экономики. В то же время он наращивает валютные резервы, размещая их в иностранных долговых ценных бумагах. Как отметил С. Толкачев, «ни один центральный банк в мире не решался на такую политику в отношении внутреннего денежного рынка» (Толкачев, 2010, с. 36–42).

Кроме того, постсоветская Россия является крупнейшим в мире потребителем наличных американских долларов, а каждый купленный за пределами США доллар – это беспроцентный кредит ФРС США.

Получение антиренты проявляется в прямом ущербе от участия России в мирохозяйственных связях. В XXI в. в России сложилось устойчивое отрицательное сальдо инвестиционных доходов (разница между полученными от иностранцев и выплаченными инвестиционными доходами), которое составило в 2011 г. минус 50 000 млн долл., или 3,1% ВВП (Ершов, 2011, с. 29).

Необходимо отметить, что «антирента не есть рента с минусом» (Осокина, 2009, с. 4–13). Вследствие вышеотмеченных действий возник отрицательный синергетический эффект от изъятия и последующего сокраще-

ния ресурсов для накопления. Последствия антиренты состоят в структурной деформации и деиндустриализации экономики, разрыве межотраслевых связей, чрезмерной коррупции и криминализации, тотальном перемещении собственности и доходов от государства и массового потребителя к немногочисленной элите, разбалансированности ценового механизма и в конечном счете – суженном воспроизводстве в отраслях обрабатывающего сектора и низких темпах роста реальных доходов основной массы населения.

Ответом правительства на эти проблемы и стало провозглашение программы модернизации. Но какой должна быть модернизация, что является главными составляющими ее содержания? На наш взгляд, в условиях продолжающейся концентрации периферийных процессов в национальной экономике настоящая модернизация невозможна. Главной стратегической задачей должна стать трансформация периферийной модели развития капитализма в России. Однако эта задача чрезвычайно сложна, поскольку для изменения позиционирования в миросистеме необходимо наличие благоприятного геополитического «окна возможностей». Его появление обычно обусловлено двумя факторами: 1) состоянием взаимоотношений данной национальной экономики с гегемоном миросистемы; 2) состоянием конкуренции периферийных стран между собой за продвижение к центру.

Анализ этих сфер отношений не позволяет сделать оптимистичного вывода, тем не менее «окно возможностей» для России может открыться в результате изменения ситуации в мировой системе, связанной с ее внутренними потрясениями. Эти потрясения могут состоять в перераспределении экономических и политических позиций между странами центра и периферии в мировой системе и наконец в определенном смещении позиций господствующих стран.

Основные центры силы современной миросистемы – США, Евросоюз и Япония в настоящее время переживают серьезные трудности. Их экономика находится в фазе

завершения текущего кондратьевского цикла и одновременно завершения полного эволюционного цикла миросистемы, включающего два следующих друг за другом кондратьевских цикла, т.е. период времени, в среднем равный 80–100 лет. Данный период – период преддверия вступления в повышательную волну нового кондратьевского цикла, который по оценкам экспертов, может наступить уже к 2015–2020 гг. и называется «фазой великих потрясений», связанной со сменой мирового лидера (Пантин, Лапкин, 2011, с. 14). При этом возможно как утверждение нового лидера (группы лидеров), так и своеобразное «перформативное» старого.

На роль нового лидера претендует Китай, за которым, как некогда за Англией, закрепилась слава «мировой фабрики». В стране, занимающей второе место в мире по ВВП и строящей капитализм с китайской спецификой, осуществляется конвергенция рыночного и планового развития, проводятся мероприятия, направленные на превращение страны в мировой инновационный центр, идет подготовка к реализации новой роли государства в мировых финансах. Этим тенденциям противодействуют США, не намеренные уступать лидерство и обладающие огромной ресурсной мощью, особенно в финансовой, инновационной, информационной, военно-технической сфере, и владеющие эффективными технологиями достижения геополитических целей (как мирными, так и военными средствами). В связи с этим некоторые российские ученые не верят в переход лидерства от США к Китаю, поскольку догоняющие страны все равно останутся догоняющими, и «догоняющее развитие, каким бы успешным оно ни было, вряд ли может привести к тому, что сменится лидер» (Иноземцев, 2010, с. 13–14).

Тем не менее современный финансово-экономический кризис является кризисом мирового масштаба и, как отмечалось ранее, имеет характер системного. Наблюдается замедление темпов экономического роста. По данным аналитического доклада ОЭСР, в 2011 г. ВВП США увеличится на 1,78%,

в 2012 г. – на 1,8%. Темпы роста ВВП стран еврозоны еще ниже – соответственно 1,3 и 0,3%. Даже Китай демонстрирует замедление темпов экономического роста, и в перспективе эксперты не исключают их замедление до 5–6% в год в результате уменьшения темпов роста ВВП основных импортеров его продукции (Баранов, Гильмундинов и др., 2011, с. 4). Имеет место тенденция сокращения частного спроса. Не исключено, что мировая экономика в силу исчерпания источников финансирования развития вступает в новое качественное состояние, превращаясь из экономики роста в экономику спада, в лучшем случае – ее стагнации.

Литература

- Абдугамидов Н., Губанов С. Двойные стандарты однопольной глобализации // *Экономист* 2002. № 12.
- АП «Новости: «Президент России выступил на открытии Всемирного экономического форума», 2011 (<http://kremlin.ru/news/10163>).
- Баранов А.О., Гильмундинов В.М., Павлов В.Н., Тагаева Т.О. Перспективы развития экономики России в 2012–2014 гг. // *ЭКО*. 2011. № 12.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.
- Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // *Эксперт*. 2009. № 35.
- В борьбе за капитал (из тезисов выступления Э. Набиуллиной на совместном заседании коллегий Минэкономразвития РФ и Минфина РФ, Москва // *Большой бизнес*. 2010. № 7–8 (73). 14 мая (<http://www.bolshoybusiness.ru/archive/45/1106>).
- Глазьев С.Ю. Антикризисные меры: просчеты, выводы предложения // *Экономическая наука современной России*. 2009. № 2.
- Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
- Гловели Г.Д. История экономических учений. Учеб. пособие. М.: Юрайт, 2011.
- Гонтмахер Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // *МЭ и МО*. 2010. № 10.
- Гришин И. Модернизация России в контексте глобализации // *МЭ и МО*. 2010. № 2.
- Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // *Экономист*. 2008. № 9.
- Губанов С. Кризисная динамика: параметры и причины // *Экономист*. 2009. № 3.
- Ершов Ю.С. Что ждет Россию, или можно ли верить долгосрочным экономическим прогнозам? // *ЭКО*. 2011. № 12.
- Заявление помощника президента РФ А. Дворковича о мировом экономическом кризисе, 2009 (<http://newsru.com/finance/08dec2009/dvorg.html>).
- Иноземцев В. Будущее России и новой индустриализации // *Экономист*. 2010. № 11.
- Карачаровский В. Деловая и инновационная активность в российской экономике // *Общество и экономика*. 2010. № 12.
- Кургинян С. Кризис и другие // *Завтра*. 2009. № 17.
- Кучуков Р. Модернизация экономики: проблемы и задачи // *Экономист*. 2010. № 1.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в логике «противоцентра» // *Мегатренды мирового развития*. М.: Экономика, 2001.
- Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1–2. М.–Л., 1934.
- Микульский К. О концептуальной проработке задач модернизации Российской экономики // *Общество и экономика*. 2010. № 12.
- Осокина Н. Миросистемная рента и антирента в современной экономике // *Россия в контексте реалий глобальной экономики: сб. научных трудов*. Кемерово: КузГТУ, 2009.

-
- Осокина Н.В., Суворов А.С. Накопление общественного капитала как макроэкономическая проблема современной России: миросистемный подход // Экономика. 2009. № 1.
- Пантин В.В., Лапкин В.И. Север-Юг: прогноз социально-экономической и политической динамики // МЭ и МО. 2011. № 2.
- Рязанов В. Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10.
- Смолин О.Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. № 1. С. 5–27; № 2. С. 5–25; № 3. С. 5–14.
- Толкачев С. Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист. 2010. № 12.
- Фролова Е. Мировой и финансовый рынок: до и после кризиса // ЭКО. 2010. № 7.
- Экономический кризис в России: экспертный взгляд. / Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. М.: Ин-т современного развития, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 24.07.2011 г.

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА БИЗНЕСА И ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

*И.В. Алексеева, Г.Б. Клейнер,
Н.Н. Садыков*

В статье показано, что модернизация инфраструктуры бизнеса на базе современных сетевых информационных технологий может сыграть важную роль в стабилизации экономического развития страны и предотвращении кризисов. Формулируются требования, которым должна удовлетворять широкофункциональная информационно-коммуникационная система поддержки функционирования международной торговли и логистики. С этой точки зрения анализируется сетевая информационно-аналитическая IT-система фирмы Top Level Network. Исследуются возможные последствия внедрения системы, ее влияние на экономику на микро-, мезо- и макроуровнях.

Ключевые слова: стабилизация экономики, экономический кризис, информационные технологии, экономические системы, международная торговля.

ВВЕДЕНИЕ

Нестабильность развития является одной из хронических болезней экономики. Наиболее заметное выражение эта болезнь находит в спорадическом возникновении кризисов, сотрясающих национальные экономические системы, а в последние десятилетия и мировую экономику в целом. Так, последние 15 лет мировая экономика функционирует в условиях кризиса. Этот кризис принимает разнообразные формы и имеет различную предметно-территориальную локализацию.

© Алексеева И.В., Клейнер Г.Б., Садыков Н.Н., 2012 г.

-
- Осокина Н.В., Суворов А.С. Накопление общественного капитала как макроэкономическая проблема современной России: миросистемный подход // Экономика. 2009. № 1.
- Пантин В.В., Лапкин В.И. Север-Юг: прогноз социально-экономической и политической динамики // МЭ и МО. 2011. № 2.
- Рязанов В. Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10.
- Смолин О.Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. № 1. С. 5–27; № 2. С. 5–25; № 3. С. 5–14.
- Толкачев С. Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист. 2010. № 12.
- Фролова Е. Мировой и финансовый рынок: до и после кризиса // ЭКО. 2010. № 7.
- Экономический кризис в России: экспертный взгляд. / Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. М.: Ин-т современного развития, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 24.07.2011 г.

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА БИЗНЕСА И ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

*И.В. Алексеева, Г.Б. Клейнер,
Н.Н. Садыков*

В статье показано, что модернизация инфраструктуры бизнеса на базе современных сетевых информационных технологий может сыграть важную роль в стабилизации экономического развития страны и предотвращении кризисов. Формулируются требования, которым должна удовлетворять широкофункциональная информационно-коммуникационная система поддержки функционирования международной торговли и логистики. С этой точки зрения анализируется сетевая информационно-аналитическая IT-система фирмы Top Level Network. Исследуются возможные последствия внедрения системы, ее влияние на экономику на микро-, мезо- и макроуровнях.
Ключевые слова: стабилизация экономики, экономический кризис, информационные технологии, экономические системы, международная торговля.

ВВЕДЕНИЕ

Нестабильность развития является одной из хронических болезней экономики. Наиболее заметное выражение эта болезнь находит в спорадическом возникновении кризисов, сотрясающих национальные экономические системы, а в последние десятилетия и мировую экономику в целом. Так, последние 15 лет мировая экономика функционирует в условиях кризиса. Этот кризис принимает разнообразные формы и имеет различную предметно-территориальную локализацию.

© Алексеева И.В., Клейнер Г.Б., Садыков Н.Н., 2012 г.

Можно условно выделить такие его фазы, как кризис фондового рынка и корпоративного управления (1998–2000 гг.), мировой финансовый кризис (2008–2010 гг.), кризис еврозоны (2012 – ?). Угроза клонирования, углубления и распространения элементов рецессии на мировую финансово-экономическую систему осознается обществом и сейчас. Фактически кризис – либо как угроза, либо как событие – прочно вошел в структуру как массового, так и индивидуального видения экономики. Становится очевидным, что фундаментальные проблемы, образующие предпосылки для развития кризисных явлений не устранены.

Нет ясности и в определении мер по предотвращению и преодолению кризисов национальных экономик. Фактически действия государств здесь заключались в финансовой поддержке финансово-кредитных и страховых организаций, а также ряда крупных национальных системообразующих компаний, так что роль государства была похожа не столько на роль врача, борющегося с болезнью, сколько на роль пожарной команды, заливающей водой очаги пламени. Однако в условиях глобализации мировой экономики огонь продолжает тлеть в экономиках большинства стран мира (см., например, (Гурвич, 2012; Кругман, 2012)). Все это заставляет искать фундаментальные причины возникновения кризисов и соответственно исследовать более широкий арсенал средств стабилизации развития экономики. Очевидно, что такие меры должны предусматривать усилия не только государства, но также и остальных двух макроигроков: бизнеса и общества. Тесное и многоаспектное взаимодействие государства, общества и бизнеса само по себе является необходимым условием модернизации и развития экономики (Клейнер, 2007). Если же это взаимодействие способствует повышению эффективности каждой из этих сфер, то такая деятельность представляется весьма перспективной.

В этом контексте обращают на себя внимание процессы развития относительно нового сектора отрасли информационных технологий – создание интегрированных систем

информационно-аналитической и коммуникационной поддержки бизнеса. Современные электронные средства и технологии коммуникаций и поддержки принятия решений способны не только существенно изменить среду бизнеса, повысив ее прозрачность и связность, но и сыграть роль своеобразных антикризисных протекторов, предотвращающих возникновение кризисов. В настоящее время в России рынок электронных IT-систем в бизнесе развивается стремительно, число различного рода систем электронной торговли также растет, усилия по созданию так называемого электронного правительства не ослабевают. Однако создание полноценного рынка интегрированных сетевых многосекторных систем электронной инфраструктуры экономики находится в начальной стадии. В этой связи представляется важным проанализировать потенциал таких систем как средств стабилизации экономики в условиях глобализации, рассмотреть требования к структуре и функциям таких систем и оценить степень их реализации в ходе пилотного проекта по разработке одной из таких систем.

Подобный анализ требует применения специальных исследовательских концепций, основанных на системном подходе и восприятии экономики как единой многоуровневой сферы, поскольку предметная область анализа охватывает объекты микроуровня (субъекты хозяйствования), мезоуровня (отрасли и сектора экономики) и макроуровня (государство, общество, экономика в целом). Кроме того, важным является учет особенностей международной торговли и мегаэкономической среды (глобализация). Здесь важно обратить внимание как на общие свойства экономических систем разного уровня, так и на особенности отдельных классов систем в зависимости от их масштаба, назначения и природы.

В качестве концептуальной основы исследования взаимовлияния процессов развития электронной инфраструктуры экономики и стабилизационных процессов в работе принята теория экономических систем (Клейнер, 2007, 2011а, 2011б). Эта теория в свою очередь базируется на так называемой системной парадиг-

ме (см. (Kornai, 1998; Корнаи, 2002)). Согласно этой концепции в качестве системных экономических единиц должны рассматриваться не только фирмы и банки, но и такие формы экономической активности, как инвестиционные проекты, бизнес-процессы, инфраструктурные и логистические системы и др. В целом среди экономических систем в национальной экономике можно выделить такие классы систем, как объекты (организации), проекты, процессы и среды (медиа-системы), причем этот перечень является в определенном смысле исчерпывающим (Клейнер, 2011а). Оказывается, что от того, в каком соотношении в национальной экономике находятся эти системы, зависит предрасположенность экономики к кризису, застою или сбалансированному устойчивому развитию (Клейнер, 2008). В частности, одним из факторов возникновения мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. стала неэффективная деятельность систем, обеспечивающих прозрачность информационной среды бизнеса, а также адекватную оценку состояния различных сегментов бизнеса для общества и государства (аудиторские компании, рейтинговые организации, консалтинговые агентства и другие организации, связанные с генерацией, хранением и распространением экономических данных)¹.

В целом формирование пропорций между различными типами систем в экономике подчинено объективным законам ее развития. Вместе с тем они могут регулироваться с помощью определенных мер государственной экономической политики, а также проектов, реализуемых бизнесом. Главная идея, лежащая в основе данной статьи, состоит в том, что создание, развитие и интеграция масштабных, тщательно продуманных и эффективно регулируемых информационно-коммуникационных интеллектуальных систем электронной коммерции не только улучшают информационно-аналитическую инфраструктуру бизнеса,

включая инфраструктуру его взаимодействия с государством и обществом (в том числе с научно-экспертным сообществом) на разных уровнях – от нано- и микро- до макро- и мега-уровней) и удовлетворяют актуальные утилитарные потребности самого бизнеса, но и способны стать мощным фактором стабилизации национальной и международной экономики. насыщение бизнес-среды информационными системами с гарантированным уровнем достоверности информации и идентификации участников позволит предотвратить искажение важной социально-экономической информации, как распространяемой внутри бизнеса, так и связывающей бизнес с государственными и общественными структурами. При определенных условиях такие информационно-аналитические и коммуникационные системы могут сыграть роль своеобразных волнорезов, препятствующих возникновению в бизнес-среде лавинообразных потоков негативной и недостоверной информации панического содержания, что напрямую ведет к кризисам. Для этого в информационных системах поддержки бизнес-решений и обеспечения бизнес-процессов должны быть предусмотрены механизмы защиты и воспроизводства индивидуального восприятия окружающей социально-экономической среды. Речь идет о сочетании персонального и общественного видения бизнес-среды без подавления каждого из них. Такой подход позволит, как представляется, преодолеть как вызванную глобализацией унификацию видения действительности, так и ограниченность индивидуального взгляда.

Статья состоит из пяти разделов. В первом разбираются системные причины нестабильности экономического развития и возникновения кризисов, обращается внимание на необходимость пропорционального паритетного развития базовых типов экономических систем – объектов, проектов, процессов и сред. Характеризуется роль, которую может сыграть информационная инфраструктура бизнеса в стабилизации экономического развития. Второй раздел посвящен влиянию глобализации, в том числе информационной, на

¹ Существует целый ряд альтернативных гипотез о факторах кризиса (см., например, (Дементьев, 2011; Глазьев, 2009); работы М. Хазина и др.).

процессы стабилизации экономики, психологических факторов появления кризисов и информационно-коммуникационных механизмов предотвращения распространения лавинообразных потоков негативных настроений участников рынка. В третьем разделе основное внимание уделяется требованиям, которым должна удовлетворять широкофункциональная информационно-коммуникационная система поддержки функционирования международной торговли и логистики. В четвертом разделе с этой точки зрения анализируется сетевая информационно-аналитическая IT-система Top Level Network (TLN). Пятый раздел посвящен возможному влиянию внедрения TLN в практику хозяйствования.

1. СИСТЕМНАЯ СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ И СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС

Слово «системный», дважды использованное в заголовке раздела, употреблено здесь в двух разных смыслах. Под *системной структурой* применительно к национальной экономике понимается ее представление в виде совокупности взаимосвязанных *экономических систем* – относительно устойчивых в пространстве и времени образований, каждое из которых в той или иной мере реализует процессы производства, распределения, обмена и потребления. Под *системным кризисом* обычно подразумевают кризис, отличающийся глубиной, всесторонним охватом и масштабностью. Однако между этими двумя понятиями существует тесная связь: системный кризис возникает в случае, когда системная структура экономики не сбалансирована. В работе (Клейнер, 2008) показано, что стабильность и преемственность развития экономики зависят от особенностей той системной структуры, компонентами которой служат экономические системы четырех классов: объекты, проекты, процессы и среды. В качестве *объектов* здесь выступают экономические организации, занимающие определенную ограниченную терри-

торию, но не имеющие определенного заранее периода существования (например, предприятия, корпорации, бизнес-группы, устойчивые кластеры, регионы). В качестве *проектов* – экономические системы, имеющие определенную локализацию и в территориальном, и временном аспектах (примеры – строительство здания на выделенном участке в определенные сроки, постановка на производство нового для данного предприятия изделия, заключение контракта и т.п.). В качестве *сред* выступают системы, не имеющие определенной локализации ни в пространстве, ни во времени (примеры – инфраструктура, Интернет, экономические институты и институциональные совокупности, инвестиционный климат и др.). Наконец *процессы* – это локализованные во времени и не локализованные в пространстве экономические системы, такие как диффузия инноваций, инфляция, логистика и т.п.

Таким образом, с точки зрения длительности жизненного цикла все системы делятся на (потенциально) *долгоживущие* и относительно *краткосрочные*. С точки зрения пространственного охвата – на *обширные*, распределенные по значительной территории, и *компактные*, сосредоточенные на относительно небольшом пространстве. Объект (например, предприятие) – это компактная долгоживущая система; проект – компактная и краткосрочная; среда – обширная и долгосрочная; процесс – обширная, но относительно короткоживущая система. Функционирование систем этих четырех классов в экономике обеспечивает освоенность, связность и качественное разнообразие экономического пространства-времени. В этом состоит их, условно говоря, «производственная функция».

В этом же контексте следует рассматривать и информационно-аналитические, и операционные системы, образующие информационную инфраструктуру рынка.

Указанные типы экономических систем осуществляют особое «разделение труда» в функционировании экономики и распределяют между собой реализацию процессов производства, потребления, распределения и обмена

(будем именовать эти процессы *общеэкономическими*, имея в виду их фундаментальную природу и широкую распространенность в экономике) в виде основных и дополнительных функций. Подобным же образом можно выделить четыре вида *общесистемных* процессов, обеспечивающих благоприятную для ведения экономической деятельности структуру экономического пространства-времени (унификация/дифференциация, стабилизация/дестабилизация). Унификация увеличивает гомогенность пространства, дифференциация ее уменьшает; стабильность обеспечивает плавный переход от периода к периоду, изменчивость вносит волатильность.

Распределение этих процессов по элементам системной структуры экономики по результатам (Клейнер, 2011б) представлено в таблице.

Мы видим, что каждый класс систем реализует ровно два общеэкономических процесса, и каждый такой процесс реализуется посредством ровно двух типов систем. Благодаря этому в нормальных экономических условиях достигается сбалансированность и системной, и функциональной структур экономики. Если же какой-то из классов систем функционирует неэффективно, в экономике возникают системные диспропорции, которые и приводят к системному кризису.

То же самое имеет место и при распределении общесистемных функций по классам

экономических систем. Так, при неэффективности процессных систем, предназначенных для осуществления различного рода транспортных процессов (предметами могут быть как материальные блага, так информационные и другие ценности), в экономике сокращается товароборот, связи между экономическими агентами, идет распадение единого экономического пространства на несвязанные отраслевые или территориальные анклавы. Дисфункция (т.е. некачественное выполнение или невыполнение функций, для которых предназначена данная система) класса проектных систем ведет к застою и в конечном счете проигрышу в конкуренции с другими аналогичными экономикими и т.д. Также нарушения сбалансированности экономики возникают и в случае чрезмерного развития (гиперфункции) какого-то класса систем по сравнению с другими.

В нормальных экономических условиях при длительном стабильном развитии национальной экономики паритетное и сбалансированное развитие каждого из четырех классов экономических систем обеспечивает гармоничное сочетание основных параметров экономики, таких как *разнообразие* (дифференциация) и *однородность* (унификация), *динамичность* и *стабильность*. Если же наблюдается дефицитность или дисфункциональность какого-то одного или нескольких из указанных классов систем, возникает предкризисное, а вслед за ним и кризисное состоя-

Таблица

Роль систем различных типов в реализации базовых общеэкономических и общесистемных функций

Тип системы	Основная общеэкономическая	Дополнительная общеэкономическая
	Общесистемная функция	Общесистемная функция
Средовая система	Потребление Стабилизация	Распределение Унификация
Процессная система	Распределение Унификация	Обмен Дестабилизация
Проектная система	Обмен Дестабилизация	Производство Дифференциация
Объектная система	Производство Дифференциация	Потребление Стабилизация

ние экономики. Так, кризис 2008–2010 гг. был связан со следующими системными диспропорциями (Клейнер, 2011):

- дисфункцией класса *объектных систем* (чрезмерная долговая нагрузка на большую часть объектов всех уровней экономики, в том числе банков и фирм, сделала их поведение зависимым);

- гиперфункцией класса *краткосрочных проектных и процессных систем* (огромное количество долговых бизнес-проектов предприятий, связанных с финансовыми заимствованиями);

- дисфункцией *средовых систем* (провалы в работе рейтинговых, аудиторских, консалтинговых и других организаций, призванных информировать общество относительно положения дел на предприятиях, в банках, страховых компаниях и других объектных системах).

Таким образом, дисфункции *долгоживущих* национальных экономических систем на фоне гиперфункции *краткосрочных систем* стали источниками нестабильности и последовавшего кризиса.

Вывод состоит в том, что для предотвращения системного кризиса, подобного кризису 2008–2012 гг., необходимо развитие экономических систем, «отвечающих» за стабилизацию экономики, т.е. средовых и объектных систем (см. таблицу). Создание эффективной информационно-коммуникационной инфраструктуры рынка напрямую соответствует первому направлению. Если же в электронных информационных системах будут реализованы функции поддержки целостности и самостоятельности хозяйствующих субъектов, то прогресс будет достигнут и по второму направлению.

2. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Серьезное влияние на развитие последнего мирового кризиса оказали результаты процесса глобализации. Вновь воспользовав-

шись аналогией между кризисом и пожаром, можно сказать, что неуправляемый процесс стихийной глобализации сыграл роль ветра, «раздувшего пожар» и распространившего его на огромную территорию. Глобализованная экономика стала крайне неустойчивой: локальные очаги кризисного «пожара», единожды возникнув, стали распространяться в пространстве и продолжаться во времени.

В принципе, глобализация могла способствовать и распространению не только кризисных, но и антикризисных процессов. Однако довольно быстро выяснилось, что распространение экономического подъема между странами происходит по другим законам, чем распространение спада. Кризисное восприятие экономики на индивидуальном уровне распространяется как ментальная модель буквально со скоростью света, т.е. со скоростью передачи информации, в то время как ментальные модели экономического подъема требуют многократной проверки и подтверждения.

В целом имеющаяся информация относительно процессов и глобализации мировой экономики указывает на неоднозначную связь глобализации экономики и стабилизации экономического развития. По мнению ряда ученых, правильнее было бы говорить не о глобализации, а о *глокализации* как противоречивом сочетании глобальных и локальных эффектов в ходе развития коммуникаций, облегчения трансграничных обменов, расширения транснациональной экономики (см., например, (Robertson, 1992)). На наш взгляд, основным содержанием процесса являются не внутренние противоречия, а многогранность, соединение взаимосвязанных, но протекающих в различных системах координат явлений. Именно благодаря резкому сокращению сроков и затрат, необходимых для переброски масштабных финансовых и иных ресурсов из одной точки пространства в другую, глобализация распадается на два процесса:

- *гомогенизацию экономического пространства* (*пространственная глобализация*), т.е. процесс сближения экономических условий в разных областях экономического

пространства, повышения однородности географического пространства, и

- *гетерогенизацию экономического времени (временная локализация)*, т.е. усиление различий между экономическими условиями в одной и той же области пространства, но в разные моменты времени.

Иными словами, мы считаем, что нестабильность развития экономики стала своеобразной платой за пространственную глобализацию.

Отметим, что в России в силу действия таких факторов, как размеры территории, региональная дифференциация, социальное расслоение, тесная зависимость условий и успешности работы предприятий от местной администрации, коррупция и др., экономика в большей степени, чем экономика других стран, подвержена риску пространственно-временной дезинтеграции.

Существенным для анализа влияния глобализации на процессы стабилизации экономического развития является психологический аспект глобализации, взаимосвязь между массовым и индивидуальным видением экономики. В современном мире психологические изменения напрямую влияют на экономическую динамику (см. (Губарь, 2012; Бард, Зоденвист, 2005)). Развитие дистанционных средств коммуникации (мобильная связь, Интернет, социальные сети) создает впечатление интегрированности экономического пространства. В силу особенностей человеческой психологии это распространяется и на представление об однородности времени². Возникает иллюзия однородности и стабильности мира. Именно такое иллюзорное восприятие создает благоприятную почву для возникновения панических информационных потоков.

² Для отображения взаимосвязи восприятия пространства и времени сначала А.А. Ухтомским в физиологии, а затем М.М. Бахтиным в искусствоведении было предложено понятие хронотопа как единства пространственного и временного компонентов мира.

В этих условиях формируется особая социальная психология участников экономической деятельности – психология неуверенности в завтрашнем дне, граничащая с боязнью завтрашнего дня. Одновременно нарушается и баланс «доверие – недоверие» (см. (Купрейченко, 2008)). Априорное недоверие участников рынка друг к другу и к заключениям экспертов в предкризисных условиях переключается на неоправданное доверие по отношению к неблагоприятным оценкам и прогнозам. Все это не только предельно сокращает горизонт планирования при принятии экономических решений, но и создает предпосылки панического поведения субъектов на различных рынках, прежде всего на фондовом. Стихийная и внезапная группировка субъектов того или иного рынка в «толпу», склонную к спонтанным когерентным действиям, представляет серьезную опасность для современной экономики. Индивидуальное видение сегмента рынка, включающего зону хозяйствования данного субъекта, обусловленное индивидуальным опытом, особенностями и намерениями субъекта, неожиданно начинает расплываться, уступая место «видению толпы».

Отметим, что такая внезапная деперсонализация восприятия рынка хорошо известна в мире искусства, моды и других секторов общественной жизни, но в контексте экономики представляет собой серьезную угрозу стабильному эволюционному развитию. Необходимы институты и системы, обеспечивающие разумное сочетание индивидуальной, групповой и общественной «картин мира» экономики.

Своеобразным протектором, обеспечивающим защиту и сохранение персонального восприятия рынка, является свойство целостности индивидуального видения. Утрата целостности как бы разрывает защитную оболочку индивидуального ракурса и создает предпосылки для возникновения панических групповых настроений.

Для предотвращения таких ситуаций необходимо проанализировать структуру индивидуального видения и определить условия сохранения его целостности.

Общая «картина мира» каждого субъекта рынка складывается из трех составляющих:

- *функциональной*, отражающей опыт и возможности профильной деятельности субъекта рынка;
- *интенциональной*, отражающей намерения, планы, цели субъекта;
- *экспектационной*, включающей представления и ожидания субъекта относительно поведения рынка и его агентов (Клейнер, 2011б).

Для каждого субъекта экономики в нормальных условиях эти составляющие должны быть гармонизированы между собой. Именно такая гармонизация, определяемая идентичностью и индивидуальностью субъекта, обеспечивает целостность и, как следствие, сохранность персонального видения экономики. При этом каждый из трех указанных аспектов должен быть согласован с соответствующим аспектом видения рынка другими субъектами. Речь при этом идет не о слиянии разных точек зрения, а об их согласованности.

В современных условиях это может быть достигнуто только за счет специальных IT-средств сбора, координации, хранения и демонстрации социально-экономической информации, отражающей персональные намерения (интенции), ожидания (экспектации) и действия (функции). В этой ситуации актуальной становится задача создания новой информационной инфраструктуры и информационной логистики рынка с целью фиксации этих компонентов персональной «картины мира» для каждого субъекта рынка. При этом равно важными и необходимыми являются все три компонента: функциональный (исторический), интенциональный (стратегический) и экспектационный (реактивный).

В контексте новой информационно-когнитивной экономики пути решения проблемы гармонизации различных сфер экономики следует искать на пути применения IT-технологий (см. (Кириллов, Мулин)). Это относится и к гармонизации указанных выше составляющих информационного пространства субъекта.

Выводы из данного и предшествующего разделов состоят в следующем.

1. В условиях «кризисной глобализации» в рамках политики обеспечения экономической стабилизации необходимы меры по развитию организационных, экономических и технических информационно-аналитических и коммуникационных систем, способствующих интеграции бизнес-среды и взаимодействию бизнеса, общества и государства.

2. Информационная инфраструктура рынка должна обеспечивать и поддерживать рациональное соотношение между априорным доверием субъектов друг к другу и полным недоверием в отношениях «субъект – субъект», «субъект – группа субъектов» и «субъект – среда». Для защиты целостности персонального видения рынка его субъектами в системе должны быть предусмотрены средства хранения информации о деятельности, принимаемых в настоящее время и ориентированных на будущее стратегических решениях, а также об ожидаемой реакции рынка на них.

3. Электронная инфраструктура рынка должна служить защитой от возникновения лавинообразных панических реакций участников рынка. Для этого в информационных системах для ведения бизнеса должны поддерживаться одновременно два типа информационных моделей рынка: общие, основанные на общедоступных данных, и персональные, отражающие опыт и намерения ведения бизнеса данным субъектом.

3. СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ И ИНФРАСТРУКТУРА РЫНКА

Процессы создания и распространения электронных систем организации инфраструктуры и логистики рынка в последние годы составляют значительную часть прироста мировой экономики. Достаточно сказать, что более 90% международных финансовых операций

осуществляется посредством электронно-информационных технологий.

Внедрение и использование электронного рынка информационных систем способствует как созданию новых рыночных сегментов и новых видов экономических отношений, так и повышению связности экономического пространства. Так, на мировом рынке капиталов возник и функционирует относительно новый сегмент валютного рынка FOREX, на котором круглосуточно осуществляются конверсионные валютные операции. Через спутниковые каналы связи он объединил крупнейшие мировые финансовые центры в единую глобальную сеть. Здесь осуществляется годовой валютный оборот, составляющий около 90% всего мирового рынка капиталов³. В целом можно утверждать, что современные продукты информационных технологий кардинально изменяют взаимоотношения между участниками рынка и переводят функционирование экономики в новую сферу, где территориальные и временные границы не играют, как правило, существенной роли. Подобно героям булгаковского «Мастера и Маргариты», без труда перемещающимся из обычного четырехмерного (с учетом времени) пространства в «пятое измерение» и обратно, участники электронной коммерции осуществляют свою деятельность в этом пространстве, по сути, без пространственных и временных границ. Только в России объем рынка электронной торговли в 2011 г. составил 244,6 млрд р., что на 39% больше, чем в 2010 г.⁴

В настоящее время в России функционируют практически все виды электронных систем для осуществления коммерческих операций: B2B («бизнес – бизнес»), B2C («бизнес – потребитель»), C2B («работник – работодатель»), C2C («обмен между индивидами»), G2B, B2G (торговые взаимоотношения между бизнесом и государством) и др.⁵ Активно разрабатываются и электронные системы, обе-

спечивающие деятельность так называемого электронного правительства (в рамках используемой типологии они могут быть обозначены как C2G и G2C). Идут процессы создания и ввода в действие экспертно-ориентированных систем типа «эксперт – бизнес» (E2B), «эксперт – государство» (E2G), «эксперт – эксперт» (E2E), «эксперт – потребитель» (E2C).

Несомненно, все они вносят вклад в повышение экономической эффективности коммерции для каждого из участников этих систем: бизнесменов, работников предприятий, потребителей, экспертов, чиновников. Однако для изменения качества экономики и социума в целом, перехода к устойчивому, эволюционному развитию этого недостаточно. Отдельные «точечные» (имеется в виду – ориентированные на интересы членов тех или иных групп участников экономики) инфраструктурные решения не приводят сами по себе к повышению степени интегрированности экономики и непрерывности ее развития. Для кардинального повышения качества экономики, ликвидации предпосылок возникновения и развития кризисных явлений в экономике необходима широкофункциональная интегрированная информационно-аналитическая инфраструктурная система электронной поддержки экономических решений, действий и отношений.

Такая интегрированная система должна обладать возможностями и регламентами, отсутствующими у действующих сегодня инфраструктурных IT-систем. В частности, она должна сочетать широкий охват субъектов рынка с глубоким проникновением в их поведенческую психологию, поддерживать их рациональное поведение с учетом их личного опыта в бизнесе. В консультационном режиме она должна по возможности удерживать их от необдуманных, нерациональных действий и одновременно прогнозировать возможные нерациональные реакции на эти действия со стороны других субъектов и их групп. Система должна при этом быть ориентирована на минимизацию издержек «рыночного трения».

В основании системы должна быть заложена концептуальная интегрированная

³ <http://www.24bank.su/24bank26.html>

⁴ <http://www.infeconomy.ru/news/1338-----2011-.html>

⁵ <http://www.cnews.ru/reviews/free/2011/>

комплексная компьютерная информационная модель рынка, отражающая в каждый момент времени и в виде трендов следующие аспекты рынка:

- состав субъектов рынка (как уже участвующих в системе, так и ее потенциальных клиентов) с персональными характеристиками каждого участника;
- видение рынка каждым его участником (для субъектов – участников системы более детальное и подтвержденное, для потенциальных участников – предполагаемое), фактически речь идет о персональных ментальных моделях рынка для каждого участника;
- видение каждым субъектом рынка своего места на рынке в тактической и стратегической перспективе, включая интенциональную, функциональную и экспектационную части такого представления;
- объективное аналитическое видение рынка, формируемое особыми субъектами – экспертами, осуществляющими мониторинг, анализ и прогнозирование состояния и тенденций развития экономики и общества.

Таким образом, базовая модель функционирования рынка должна относиться к классу агентоориентированных моделей (см. Макаров, Бахтизин, 2009). Вместе с тем она должна поддерживать многоуровневое описание экономики: это означает, что характеристики экономики на каждом уровне описываются с помощью специальной модели и не являются прямыми функциями от характеристик нижнего уровня. Поэтому базовая модель должна быть не только агентоориентированной, но и «регионально-ориентированной», «кластерно-ориентированной», «секторально-ориентированной», «проектно-ориентированной» и т.д. Все это вместе позволяет назвать такую модель *системно-ориентированной*, поскольку в ней должны отражаться характеристики широкого класса устойчивых экономических систем, а не только самостоятельных агентов рынка. Таким образом будет достигаться гармоничное сочетание таких двух (в общем случае противоречивых) качеств системы, как пер-

сонифицированность и интегрированности. Другими словами, информационная модель функционирования экономики в зоне хозяйствования каждого участника систем должна сохранять специфицированность (персональную ориентацию), притом что на пересечении зон хозяйствования информационные модели автоматически согласовываются.

Особым статусом в составе участников системы должны обладать эксперты. Для сертифицированных в системе экспертов должен быть открыт доступ практически ко всем видам данных, представленных в системе. Это необходимо для прогнозно-аналитической деятельности – мощного средства реализации системой интеграционных функций.

Устойчивое развитие экономики возможно в случае, когда информационная среда обеспечивает адекватное представление участников экономической деятельности друг о друге, а также об отдельных секторах и кластерах рынка. Предметом этих сведений являются: состав игроков рынка; их финансово-экономическое состояние; конъюнктура рынка (спрос, предложение по группам товаров и услуг); особенности институциональной среды в данном секторе (кластере) рынка.

По сути дела, система должна представлять собой многоуровневый и многоаспектный комплекс компьютерных информационно-математических моделей и процедур, отражающих функциональную, интенциональную и экспектационную сферы для каждого реального и потенциального участника системы (предприятия-производителя или потребителя, включая потребителей – физических лиц, а также государственные органы и организации). Состав участников системы должен охватывать возможно более широкий круг субъектов нано-, микро-, мезо-, макро- и мегаэкономических уровней с привлечением ретроспективной и перспективной информации об их структуре и деятельности.

Информационно-математический модельный комплекс должен быть дополнен средствами интеллектуального анализа, позволяющими проводить идентификацию и ис-

следование данных и знаний. Благодаря этим средствам отражение в системе индивидуального *видения* рынка должно стать основой для индивидуального *понимания (осмысления)* ситуации, определения поля *принятия решений*, критериев их отбора, выбора и отыскания *путей реализации* решений. Все эти информационно-интеллектуальные операции должны осуществляться при поддержке интеллектуальных технологий, реализованных в системе. Поддержка в системе идентичности субъектов и их персонализированного восприятия и оценки ситуации позволит поставить барьер на пути возникновения потока однородных панических реакций и последующего кризиса. На таком пути может быть решена и проблема: сочетание информации четырех основных типов – субъективной «моей», субъективной «чужой», суггестивного («подсказанной, навеянной») и объективной.

Применение интеллектуальных технологий принятия решений должно позволять также проведение анализа и классификации рыночных прецедентов (кейсов), выявлять принципиально различные и принципиально схожие ситуации принятия бизнес-решений.

Особую важность для интегрированных инфраструктурных систем приобретает вопрос об идентификации и идентичности участников системы. Каждый из них должен пользоваться доверием других участников и системы в целом, что предполагает, во-первых, однозначную идентификацию данного лица или группы лиц и, во-вторых, мониторинг идентичности участника. Предметом мониторинга является отслеживание сохранения/деформации его имманентных качеств и особенностей на протяжении его участия в системе и доступной ретроспективы. Первая задача требует постоянной и подтверждаемой авторизации (идентификации) участника, вторая – специальной идентификационной системной аналитики. Такая аналитика должна зафиксировать признаки *перерождения* участника (смена управленческой команды, профиля деятельности, собственников и т.д.) и информировать об этом других участников. Тем самым будут соз-

даны предпосылки для восстановления баланса «доверие – недоверие» в целях обеспечения устойчивости экономики.

4. ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ КОМПАНИИ TL

Интегрированная информационно-аналитическая система для поддержки принятия и реализации решений в сфере электронной коммерции разрабатывается в настоящее время несколькими компаниями мирового уровня. К ним относятся, в частности, система Marketplace компании Ariba и система Oracle Exchange компании Oracle. Наиболее близко к требованиям, описанным в предыдущем разделе, приближается система TLN (Top Level Network), разрабатываемая компанией TL. От других подобных систем TLN отличается универсальностью поддерживаемых ею торговых операций (все виды товаров и услуг, обеспечение межстрановых транзакций, логистики и налогового сопровождения), полнотой охвата сегментов экономики и строгостью контроля за достоверностью сведений, обеспечивающих однозначную идентификацию каждого из участников системы. В данном разделе кратко описываются основные функции пилотного варианта системы. В этом варианте не отражена аналитическая подсистема и работа с экспертами, роль системы во взаимоотношениях между бизнесом, обществом и государством и ряд других функций, перечисленных в п.3 данной статьи. Вместе с тем мы считаем, что описание существующей версии как прототипа полномасштабной и полнофункциональной системы может представлять интерес для потенциальных пользователей, разработчиков и аналитиков подобных систем.

Основная функция проектируемой системы состоит в обеспечении экономических агентов средствами информационной и операционной поддержки в процессах торговли товарами и услугами в международном экономическом пространстве. За счет разработки и

интеграции моделей на нано-, микро-, мезо-, макро- и мегауровнях, моделей многосекторной экономики и круговых потоков товаров и услуг предполагается обеспечить согласованное решение задач, в настоящее время решаемых отдельными системами типа B2B, B2C, B2G и др. Результатом создания и широкого внедрения системы должны стать новая высокоэффективная инфраструктура и логистика взаимоотношений в торговле товарами и услугами между экономическими агентами разных стран, включая взаимоотношения с государственными организациями в ходе реализации государственных закупок.

Разрабатываемый компанией TL продукт представляет собой комбинированную персонально-сетевую информационно-аналитическую систему в веб-пространстве для оперативного управления торговой деятельностью на рынке товаров и услуг, в центре которой

находятся мобильные персональные приложения для обращения пользователей к информационным ресурсам системы и формирования персональных моделей бизнес-процессов для принятия пользовательских решений. Одновременно с оперативными решениями в системе TLN ведется разработка стратегий экономических агентов, что обеспечивает преемственность поведения участников (см. рисунок).

Наконец, в системе ведется мониторинг общего состояния рынка, проводимый уже не с персональной, а с групповой точки зрения. В итоге система позволяет сформировать экономически эффективные решения и вести денежные балансы взаиморасчета между пользователями. Кроме того, система обладает мощным центром обработки данных.

Разрабатывается сеть абонентских центров в СНГ, Китае, Турции и Евросоюзе, которая предоставляет защищенную связь, хранение

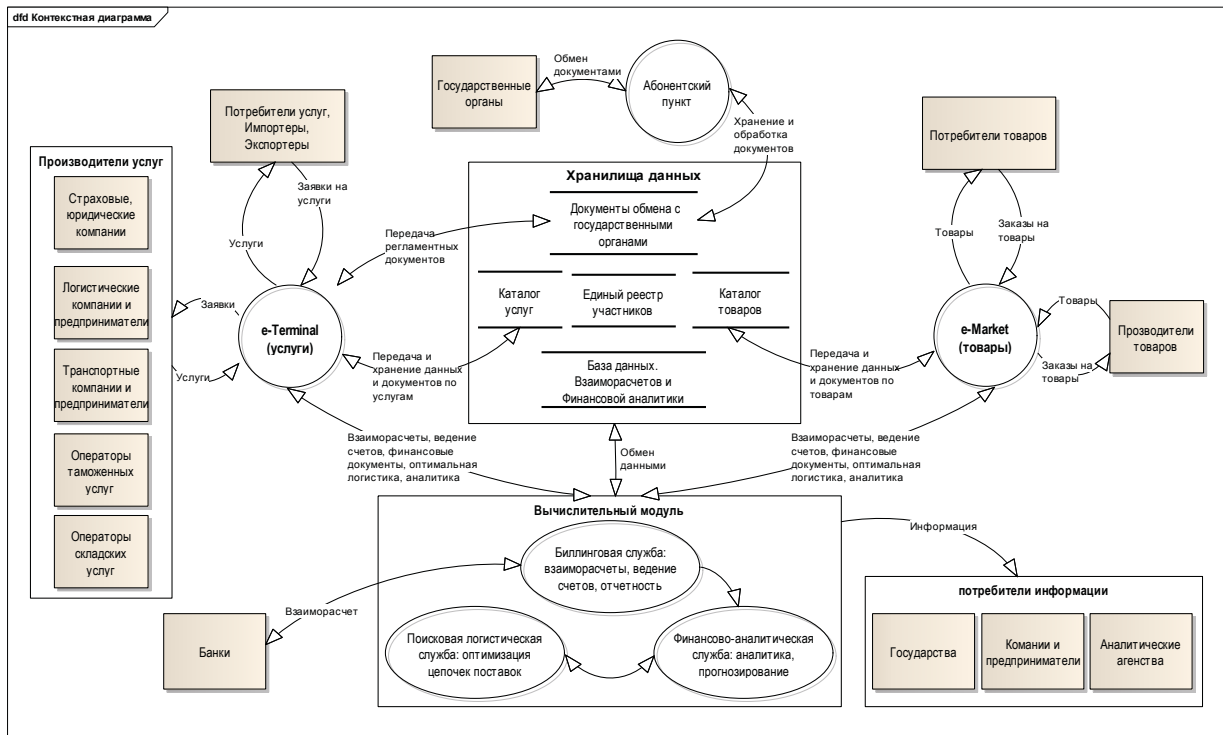

Рисунок. Основные компоненты структурной схемы системы TLN

данных и обмен ими с учетом мультивалютных расчетов и мультиналоговых платежей.

Эффективное развитие бизнеса участников торговли обеспечивают следующие основные функции системы:

1. Размещение и поиск информации в открытых каталогах системы.

2. Обеспечение каждого пользователя системы персональным мобильным веб-приложением, персональной моделью бизнес-процессов, которая работает с персональными виртуальными балансами взаиморасчетов и открытыми каталогами системы TLN.

3. Ведение аппарата формальной идентификации каждого пользователя системы в каждый момент времени, включая электронную цифровую подпись, а также поддержку неформальной социально-экономической идентичности участников и преемственности их деятельности в системе.

4. Поддержка мультиязычности, мультивалютности и мультиналоговости взаиморасчетов. Учет особенностей таможенных и страховых систем разных стран.

5. Подготовка персональных аналитических отчетов по совершаемым в системе операциям, движению товаров, информации о состоянии документов, потребляемых и оказываемых услуг.

6. Оптимизация выбора товаров и услуг, персональные расчеты экономической эффективности сделок и бизнеса (персональные модели бизнес-процессов рассчитывают оценку рисков, себестоимость, оптимальные логистические цепочки).

7. Электронный документооборот, защищенная передача и хранение данных (формирование и согласование заявок на товары и услуги между пользователями системы, заключение договоров, составление счетов-фактур, инвойсов, удостоверение электронных документов цифровой подписью, обмен документами с государственными фискальными органами).

8. Доступ к глобальной финансовой, экономической и социальной аналитике, дающей адекватное видение целевого сегмента мирового, странового и внутрисканового

рынков. Каждый участник торговли в рамках TLN получает персональный доступ к рынку товаров и услуг, удобный инструмент документооборота для согласования и проведения сделок, что гарантирует оптимизацию бизнеса, расширение рынка сбыта, увеличение спроса на собственные товары и услуги.

9. Возможность репликации системы – создания для каждого пользователя персонально ориентированной микромасштабной копии системы. Пользователи получают не только персонифицированное по виду деятельности мобильное приложение со стандартным интерфейсом и стандартной моделью бизнес-процессов и аналитики, но также и возможность модифицировать их в соответствии со спецификой своей деятельности. По сути, это позволяет организовать процесс создания сети самостоятельных микробизнесов в сфере национальной и международной торговли и логистики.

5. ИНТЕГРИРОВАННАЯ ИТ-СИСТЕМА И МОДЕЛЬ ОТКРЫТОГО РЫНКА

Не только полная, но и частичная реализация описанного выше проекта позволит, как представляется, внести кардинальные перемены в условия функционирования большинства экономических агентов, в каких бы формах ни выражалась их экономическая активность: в форме учреждения и деятельности таких *объектов*, как предприятия; в форме реализации инвестиционного *проекта*; в виде осуществления совокупности бизнес-процессов или в создании инфраструктурных *сред* для эффективного функционирования экономики (см. п. 1). При этом благодаря информационно-техническим возможностям ИТ-системы TLN появится возможность регулировать пропорции их развития, не допускать явлений системного диспаритета за счет перегрева одних видов экономических систем и замораживания других.

Широкое распространение системы с включением в состав ее участников большин-

ства экономических агентов создаст предпосылки для перехода к новой модели рынка, более адекватной особенностям постинформационного общества, модели *открытого рынка*. Для такой модели характерна информационная однородность и транспарентность рыночной среды. В данной модели для всех участников системы TLN обеспечивается свободный доступ к каталогам всех товаров и услуг, где производители публикуют свои актуальные предложения и сведения о выполнении выставленных заказов. Потребители рассматривают предложения и делают заявки или выставляют заказы на товары и услуги. В системе TLN заявки централизуются, группируются и распределяются, что позволяет существенно сокращать транзакционные издержки за счет отдачи от масштаба.

Открытый доступ к актуальной информации и прозрачная структура каталогов позволяют участникам системы расширять масштабы и сферы бизнеса, заказывать товары в любой точке мира и привлекать производителей услуг для осуществления оптимальной доставки товаров.

В модели открытого рынка возрастает риск утраты контроля за спецификацией приобретаемых товаров (услуг) и идентификацией их производителей (исполнителей) или поставщиков. В связи с этим в системе предусматриваются специальные механизмы мониторинга идентификации и ответственности исполнителей заказов.

Важной особенностью открытого рынка станет резкое сокращение цепочек поставок от производителя к конечному потребителю. Возникает возможность *масштабируемости* бизнеса как для производителей, так и для потребителей. В сегменте рынка товаров это свойство заключается в возможности для потребителей – участников системы TLN консолидировать мелкие заказы для выставления их в тех объемах, которые интересны для непосредственного производителя. Очевидными результатами этого для мелких и конечных потребителей являются снижение себестоимости закупок и гарантия качества и происхождения товаров, для произ-

водителей это сулит увеличение объема продаж, а значит, и рост производства.

Эффективность рынка товаров в большей степени зависит от эффективности рынка услуг. Здесь особую важность имеет персонализация процессов создания и предоставления услуги, а также возможность страхования как услуг, так и перевозимых грузов и мониторинг и оценка деятельности производителей услуг. Это дает уверенность отправителям и получателям товаров в сохранности поставок, а для производителей услуг формирует среду активной деятельности.

Для производителей логистических услуг в системе предусмотрены функции поиска заказчиков услуг по географическому положению, видам транспорта, объему поставок и другим критериям, что дает возможность рассматривать это свойство масштабируемости и многоуровненности в проекции на сегмент рынка услуг. Производители логистических услуг – от курьеров и частных автоперевозчиков до крупных транспортных и логистических компаний – снабжены в системе TLN инструментом поиска заказов и получают заявки от отправителей товаров на свои услуги, опубликованные в каталогах услуг. Таким образом, повышение эффективности деятельности производителей логистических услуг достигается за счет оптимальной загрузки и выбора оптимальных маршрутов с возможностью выполнения нескольких заказов и повторной загрузки транспортных средств.

В современной организации торговых отношений, несмотря на быстрый рост объема электронной торговли товарами и услугами, ощущается недостаток средств, обеспечивающих непосредственную связь между производителем и конечным потребителем. В частности, если в качестве потребителя рассматривать мелкую сбытовую сеть, включая интернет-магазины, то можно заметить, что сейчас в основном товары поступают к такого рода потребителям не от производителя, а через реселлеров. При этом оригинальное происхождение товара гарантировано на практике только у дилеров и в небольшом сегменте торговли напря-

мую от производителя (например, некоторые электронные торговые площадки, на которых происходят объемные закупки у крупных производителей, или небольшой сегмент торговли от мелких производств в розницу). Таким образом, в текущей экономической ситуации массовый потребитель находится в изоляции от производителя и должен подчиняться маркетинговой и ценовой политике реселлеров. В рамках открытого рынка с использованием электронной системы TLN цепочки поставок будут существенно сокращены, а происхождение товара – более определенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарушение баланса между различными классами экономических подсистем в национальной экономике, ведущее экономику к кризису, может преодолеваться не только за счет традиционных мер государственной финансово-экономической политики, регулирующих пропорции между реальным и финансовым секторами, между обрабатывающей и добывающей промышленностью, между социально-экономическим развитием различных регионов и т.п., но и путем создания электронной инфраструктуры открытого рынка товаров, услуг, работ, а также рабочей силы и капиталов. Анализ пилотного проекта фирмы TL по созданию универсальной мультивалютной и мультиналоговой IT-системы в веб-пространстве позволяет сформировать контуры функционирования национальной экономики как транспарентной и эффективной системы, обладающей антикризисным иммунитетом.

В результате разработки и широкого внедрения полномасштабного варианта персональной информационно-аналитической IT-системы Top Level Network (TLN), как показывает предшествующий анализ, будут решены следующие задачи.

1. Существенно повышена интегрированность экономики в пространственном разрезе и преемственность ее развития во вре-

менном ракурсе, повышена гармоничность экономики.

2. Существенно снижены риски функционирования страновых экономик и их агентов, уменьшена вероятность кризисных явлений, основанных на расширении панических настроений в экономике и обществе.

3. Повышена инвестиционная привлекательность приоритетных отраслей в различных сегментах отечественной экономики.

4. Значительно сокращено число посредников между производителем и конечным потребителем товаров, услуг и инвестиций.

5. Обеспечена возможность масштабирования производства и потребления за счет оптимальной группировки заказов.

6. Оптимизировано соотношение между конкуренцией и кооперацией как основными типами взаимоотношений между агентами рынка как внутри страны, так и на мировом уровне.

На новый уровень будет выведена функциональная эффективность функционирования экономических агентов рынка, а также государственного сектора экономики. Агенты – участники системы получают возможность своевременно и обоснованно принимать эффективные управленческие решения, государство – качественно улучшить менеджмент в сфере национальной экономики и внешнеэкономической деятельности.

7. Обеспечено рациональное повышение уровня доверия и контроля в экономике.

8. Минимизированы негативные аспекты и последствия глобализации.

9. Снижена доля транзакционных издержек в экономике, уменьшена «вязкость», повышена прозрачность торговой-экономической среды.

10. Повышена собираемость налогов и управляемость экономики в целом.

11. Обеспечена предсказуемость и преемственность развития экономики.

12. Предоставлены широкие возможности для организации собственного бизнеса, связанного с логистикой международной и внутристрановой торговли, в том числе для открытия собственного дела мигрантами.

Следует сказать и о результатах, выходящих за рамки экономической политики и хозяйственной практики и носящих более общий методологический характер. Создание системы поднимет на новый уровень всю индустрию разработки IT-систем электронной торговли. На примере TLN будет создана и запущена целая плеяда операторов сетей верхнего уровня, организующих деятельность наднациональных сетевых рынков. Все это должно стать мощным фактором стабилизации социально-экономического развития национальной и в определенной степени мировой экономики будущего.

Авторы выражают искреннюю благодарность д.э.н., проф. В.Ф. Преснякову за ценные консультации.

Литература

- Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005.
- Глазьев С.Ю. О программе антикризисных мер // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 1–2.
- Губарь О.В., Дмитриева В.Д., Попов М.В. Институционализация инновационной среды Интернет-формата // Потенциал и перспективы экономического развития России в условиях модернизации. М.: Современная экономика и право, 2012.
- Гурвич Е.Т. Вторая волна» мирового кризиса и экономическая ситуация в сегодняшней России (<http://lf.rbc.ru/recommendation/other/2012/03/28/204990.shtml>).
- Дементьев В.Е. Финансовые пузыри на длинных волнах экономического развития // Экономика и математические методы. 2011. № 1.
- Кириллов А.И., Мулин А.Н. Электронная коммерция как фактор развития российской экономики (http://www.ieay.ru/nauch/sc_article/2008/01/KirillMul.shtml).
- Клейнер Г.Б. Государство, общество, бизнес: взаимодействие в целях модернизации // Россия в глобализирующемся мире: модернизация российской экономики. М.: Наука, 2007.
- Клейнер Г.Б. Стратегия системной гармонии экономики России // Экономические стратегии. 2008а. № 5–6.
- Клейнер Г.Б. Экономический кризис и качество экономики // Сегодня и завтра российской экономики. 2008б. № 22.
- Клейнер Г.Б. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011а. № 1.
- Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011б. Сен.
- Клейнер Г.Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. 2011в. № 3.
- Клейнер Г.Б. От кризиса к анабазису // Экономика. Налоги. Право. 2011г. № 5.
- Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.
- Кравченко Т.К., Пресняков В.Ф. Инфокоммуникационные технологии управления предприятием: Учеб. пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Кругман П. Почему этот кризис не похож на предыдущие: Новые рецессии отражают перенапряжение частного сектора, а с этим справиться гораздо сложнее // Независимая газета. 2012. 25 июня.
- Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008.
- Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Новый инструментарий в общественных науках – агентоориентированные модели: общее описание и конкретные примеры // Экономика и управление. 2009. № 12 (50).
- Kornai J. The System Paradigm. William Davidson Institute Working Papers Series 278. William Davidson Institute at the University of Michigan, 1998.
- Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times. 2009. 2 September (http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1).
- Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture, 1992.

Рукопись поступила в редакцию 07. 08.2012 г.

ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РАЗМЕЩЕНИЕ ФИРМ (на примере городов Сибири)

А.М. Торбенко

На основе эмпирических данных анализируется влияние пространственной конкуренции между розничными магазинами, аптеками и АЗС на их размещение в городских округах Сибири. Построены регрессионные уравнения для определения зависимости плотности размещения данных фирм от плотности населения городского округа. Установлено отсутствие зависимости между уровнем цен на потребительские товары на территории городского округа и плотностью размещения фирм, реализующих данные товары домохозяйствам. Полученные результаты указывают на неадекватность некоторых теоретических моделей пространственной конкуренции и помогают наметить направления разработки более адекватных моделей.

Ключевые слова: пространственная конкуренция, размещение фирм, дифференциация, города.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время разработано несколько моделей, описывающих поведение фирм в зависимости от их расположения в пространстве. Согласно Г. Хотеллингу (Hotelling, 1929) две конкурирующие фирмы будут располагаться в одном месте (в медиане распределения спроса), чтобы максимизировать размеры своих рынков. К. д'Аспермонт,

Ж.Я. Габжевич и Ж.-Ф. Тисс (d'Aspermont et al., 1979) пересмотрели утверждение Г. Хотеллинга и пришли к выводу, что фирмам выгоднее быть дальше друг от друга, чтобы не попасть в ситуацию конкуренции по Бертрану, когда цены снижаются до уровня издержек. В данной модели цена для потребителя повышается по мере удаления от фирмы-поставщика. А. де Пальма, В. Гинзбург, Й. Папагеоргиу и Ж.-Ф. Тисс (de Palma et al., 1985) рассмотрели модель со стохастическим выбором потребителя, что может быть интерпретировано как дифференциация продукта, и пришли к выводу, что в этом случае фирмам выгодно находиться поблизости друг от друга, так как дифференциация продукта служит «субститутотом» географического расстояния. В случае конкуренции по Курно, когда конкурирующие фирмы устанавливают не цену, но количество продаваемого товара, им выгоднее находиться на некотором расстоянии друг от друга, но при этом в некоторой области пространства цена для потребителя будет постоянной независимо от расстояния до фирмы поставщика (Combes et al., 2008). По С. Сэлопу (Salop, 1979), фирмы будут находиться на равном расстоянии друг от друга, а цены – обратно пропорциональны числу фирм на рынке. Дж. Фогель (Vogel, 2008) утверждает, что более производительные фирмы обслуживают больший рынок, т.е. сосредоточение в одном месте характерно для менее производительных фирм.

Кооперативное поведение фирм также влияет на их размещение. П. Джехиель (Jehiel, 1992) и Дж. Фридман и Ж.-Ф. Тисс (Friedman et al., 1993) показали, что при ценовом сговоре фирмы могут быть сосредоточены в одном месте. Однако в случае так называемой конкуренции по Лёшу сговор происходит не относительно цен, а относительно размеров рынка (Beckmann et al., 1987, p. 46–47), и тогда фирмам выгоднее находиться на некотором расстоянии друг от друга.

Г. Клеменц и К. Гуглер в своей статье «Choice and Price Competition: Some Empirical Results for the Austrian Retail Gasoline

© Торбенко А.М., 2012 г.

Market» («Выбор и ценовая конкуренция: эмпирическое исследование розничного рынка бензина в Австрии») (Clemenzen et al., 2009) эмпирически проверили, как пространственная конкуренция влияет на расположение фирм. Они рассмотрели размещение автозаправочных станций в административных районах Австрии и пришли к выводу, что логарифм плотности АЗС положительно связан с логарифмом плотности населения, причем при росте логарифма плотности населения на единицу логарифм плотности АЗС возрастает меньше чем на единицу. Этот результат может быть интерпретирован как подтверждение выводов К. д'Аспермонта, Ж.Я. Габжевича и Ж.-Ф. Тиса: ведь при росте населения увеличивается число конкурирующих фирм и уменьшается расстояние между ними, что должно способствовать снижению цен. Чтобы избежать ценовой конкуренции, фирмы предпочитают держаться на расстоянии друг от друга, что проявляется в менее чем пропорциональном росте плотности фирм относительно плотности населения.

Мы провели исследование данных о розничных магазинах, аптеках и АЗС в городских округах Сибирского федерального округа по методике, аналогичной использованной Г. Клеменцем и К. Гуглером. Выбор в качестве объекта исследования фирм, ориентированных на конечный потребительский спрос, объясняется: во-первых, наличием таких фирм практически в любом населенном пункте; во-вторых, относительно низкими постоянными издержками таких фирм; в-третьих, тем, что такие фирмы конкурируют за одних и тех же потребителей. Постоянные издержки определяют в том числе и затраты на перемещение фирмы из одного места в другое. Очевидно, что по сравнению с крупными предприятиями, производящими сырье или промежуточную продукцию, розничный магазин, аптеку или АЗС можно переместить из одного места в другое за короткое время и сравнительно дешево. Это позволяет предположить, что такие фирмы быстро реагируют на изменение ситуации и их расположение

не зависит от решений, принятых в далеком прошлом. Конечно, это в большей мере касается розничных магазинов и аптек и в меньшей мере АЗС, для которых издержки на перемещение (*relocation*) существенны, но все равно они гораздо меньше, чем, например, для металлургического завода. То, что рассматриваемые фирмы предлагают свои товары домохозяйствам, распределяющим свои бюджеты между этими товарами, позволяет рассматривать фирмы как конкурентов, действующих на одном рынке пусть и дифференцированной продукции. Важную роль в выборе именно таких объектов исследования сыграла также доступность статистических данных в разрезе муниципальных образований.

Основной задачей исследования являлась проверка того, какая из теоретических моделей пространственной конкуренции больше соответствует реальному поведению фирм на исследованных нами рынках. Основная гипотеза заключалась в том, что наиболее соответствуют действительности модели д'Аспермонта–Габжевича–Тисса и Сэлопа, из результатов которых следует, что фирмы избегают находиться поблизости друг от друга, а цены для потребителей снижаются по мере удаления от фирм-поставщиков. Фактически мы проверяли две гипотезы:

- 1) плотность размещения фирм растет медленнее, чем плотность спроса;
- 2) цена для потребителя растет медленнее, чем плотность размещения фирм.

При проверке этих гипотез мы пытались контролировать влияние: 1) концентрации на некоторых рынках, 2) уровня транспортных издержек и 3) региональных особенностей.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Теоретическое обоснование первой проверяемой нами гипотезы аналогично использованному Г. Клеменцем и К. Гугле-

ром (Clemenz et al., 2009), базирующемся на модели кругового города Сэлопа (Salop, 1979), развитой С. Андерсоном, А. де Пальма и Ж.-Ф. Тиссом (Anderson et al., 1992). По Г. Клеменцу и К. Гуглеру

$$n/L = \left(\frac{\beta 2^{1-\beta} \tau N}{K L} \right)^{\frac{1}{1+\beta}}, \quad (1)$$

где τ и β – строго положительные параметры, причём $\beta \geq 1$; n – число фирм; L – длина окружности (размер) кругового города; N – численность потребителей; K – постоянные издержки. Таким образом, n/L соответствует плотности размещения фирм, а N/L – плотности населения.

С. Андерсон и соавторы отмечают, что ограничение $\beta \geq 1$ означает, что функция транспортных издержек будет выпуклой вверх, т.е. фирма конкурирует только с двумя соседними фирмами. При функции транспортных издержек выпуклой вниз конкуренция не локализована, и фирма может конкурировать не только со своими ближайшими соседями, но и с другими фирмами (Anderson et al., 1992, p. 153). В этом случае при $n > 2$ не существует ценового равновесия в чистых стратегиях (Ibid., p. 174).

Вторая гипотеза основана на наивном предположении о том, что чем больше фирм на каком-то рынке, тем ниже там цены в результате влияния ценовой конкуренции. Г. Клеменц и К. Гуглер на основании той же модели приводят следующее уравнение:

$$P^* = c + \beta 2^{1-\beta} \tau (n/L)^{-\beta}, \quad (2)$$

где P^* – равновесная цена, а c – предельные издержки. Из уравнения (2) видно, что цена обратно пропорциональна плотности размещения фирм n/L , однако эта зависимость осложнена наличием предельных издержек. Г. Клеменц и К. Гуглер обходят эту сложность, оперируя не ценой, но маржинальной прибылью $P^* - c$. Мы не смогли воспользоваться подобным способом по причине отсутствия данных о прибыли предприятий розничной

торговли в разрезе муниципальных образований. Вместо этого мы попытались оценить характер связи между ценой и плотностью размещения фирм. Отметим, что, наряду с ценовой конкуренцией, действующей как центробежная сила, могут действовать и центростремительные силы, проявляющиеся в том, что чем выше уровень цен на данном рынке, тем больше фирм будут заходить на него. Априори не ясно, какие силы – центробежные или центростремительные – играют большую роль на реальных рынках.

ПЕРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ

Исходными данными для исследования послужила статистика муниципальных образований, собираемая Росстатом (БДМ). Были использованы следующие данные по 63 городским округам Сибирского федерального округа (см. приложение): площадь городского округа, численность населения городского округа, число магазинов в городском округе (включая розничные рынки, торговые центры, палатки, киоски и павильоны), число АЗС в городском округе, число аптек в городском округе (включая аптечные пункты), средняя зарплата работников организаций городского округа, фонд заработной платы всех работников городского округа, оборот розничной торговли на территории городского округа, оборот розничной торговли фармацевтическими товарами, протяженность улиц и дорог на территории городского округа. Период исследования – 2010 г.

На основе данных показателей для территории городского округа были рассчитаны показатели плотности населения, плотности размещения магазинов, аптек и АЗС. Для более точной характеристики спроса был вычислен показатель фонда оплаты труда, приходящегося на единицу площади городского округа. Для характеристики транспортных издержек был рассчитан показатель плотности

улично-дорожной сети на территории городского округа.

Для характеристики относительного уровня цен был рассчитан индикатор, представляющий собой отношение оборота розничной торговли (или оборота розничной торговли фармацевтической продукцией) к средней годовой зарплате на территории городского округа, умноженной на численность населения округа.

Также были использованы показатели рыночной концентрации на рынках фармацевтических товаров, оптовом и розничном рынке моторного топлива, полученные на основе данных Федеральной антимонопольной службы (РХЗ). В табл. 1 приведен список переменных, использованных в исследовании.

ВЫБОРКА

В исследовании были использованы данные по 63 городским округам Сибирского федерального округа, численность населения которых варьирует от 4,7 тыс. до 1409 тыс. человек. С одной стороны, использование таких разнородных объектов позволяет найти общие свойства, характерные для поведения фирм. С другой стороны, на некоторые рассматриваемые нами характеристики размещения фирм в городе влияет численность населения данного города. В табл. 2 приведены коэффициенты статистически значимых корреляций между численностью населения города и рассматриваемыми нами переменными.

Из табл. 2 видно, что существует не очень сильная зависимость между плотностью размещения фирм и индикатором цен и численностью населения. Для того чтобы учесть влияние численности населения города на поведение фирм, были построены регрессионные зависимости как для всех 63 городских округов, так и только для 43 не-

больших городов с численностью населения до 100 тыс. человек.

МОДЕЛЬ

Мы немного изменили базовую методику Клеменца–Гуглера (Clemenz et al., 2009, p. 233). В результате регрессионные уравнения приобрели следующий вид:

$$\ln S_k = a_0 + a_1 DEMAND_k + a_2 TRANS_COST_k + a_3 CON_k + \varepsilon_k,$$

где $\ln S_k$ – логарифм плотности размещения фирм на территории k -го городского округа; $DEMAND_k$ – логарифм плотности населения (d_people) и (или) логарифм отношения фонда оплаты труда работников к площади городского округа (d_wage_found); $TRANS_COST_k$ – логарифм плотности улично-дорожной сети (d_street или d_street_road); CON_k – показатель концентрации на данном рынке (C_whole_gas , C_retail_gas или C_retail_pharm); ε_k – ошибка регрессии.

Данная модель отличается от модели, использованной Клеменцем и Гулером, следующим. Во-первых, в качестве переменных, характеризующих спрос, мы использовали не только плотность населения (d_people), но и отношение фонда оплаты труда работников к площади города (d_wage_found), отражающее интенсивность покупательной способности населения; использование данной переменной позволяет более полно учитывать различия в спросе на потребительские товары в разных городах. Во-вторых, мы контролируем транспортные издержки путем введения в модель переменной, характеризующей плотность улично-дорожной сети. В-третьих, в качестве показателя рыночной концентрации мы используем балльную оценку, а не индекс Херфиндаля–Хиршнера или долю рынка, контролируемую несколькими крупнейшими фирмами. Отметим также, что мы учли кон-

Таблица 1
Переменные, использованные в исследовании

Переменная	Единицы измерения	Определение	Источник
1	2	3	4
<i>people</i>	тыс. чел.	Численность населения городского округа	БДПМО Росстата*
<i>stores</i>	ед.	Количество магазинов на территории городского округа (включая торговые центры, палатки, киоски, павильоны и розничные рынки)	БДПМО Росстата
<i>station</i>	ед.	Количество АЗС на территории городского округа	БДПМО Росстата
<i>pharm</i>	ед.	Количество аптек на территории городского округа (включая аптечные пункты и аптечные магазины)	БДПМО Росстата
<i>wage_found</i>	тыс. р.	Фонд заработной платы всех работников организаций городского округа	БДПМО Росстата
<i>wage</i>	тыс. р.	Среднемесячная заработная плата работников организаций	БДПМО Росстата
<i>retail_trade</i>	тыс. р.	Оборот розничной торговли (без субъектов малого предпринимательства, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами)	БДПМО Росстата
<i>retail_trade_pharm</i>	тыс. р.	Оборот розничной торговли фармацевтическими товарами	БДПМО Росстата
<i>street</i>	км	Общая протяженность улиц, проездов, набережных (на конец года)	БДПМО Росстата
<i>street_road</i>	км	Общая протяженность улиц, проездов, набережных и протяженность автодорог общего пользования местного значения, находящихся в собственности муниципального образования (на конец года)	БДПМО Росстата
<i>land_km</i>	км ²	Площадь городского округа	БДПМО Росстата
<i>d_people</i>	тыс. чел./км ²	Плотность населения в городском округе ($= \textit{people} / \textit{land_km}$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>d_wage_found</i>	тыс. р./км ²	Отношение фонда оплаты труда к территории городского округа. Характеризует интенсивность спроса на потребительские товары на территории городского округа ($= \textit{wage_found} / \textit{land_km}$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>d_stores</i>	ед./км ²	Плотность размещения магазинов в городском округе ($= \textit{stores} / \textit{land_km}$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>d_station</i>	ед./км ²	Плотность размещения АЗС в городском округе ($= \textit{station} / \textit{land_km}$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>d_pharm</i>	ед./км ²	Плотность размещения аптек в городском округе ($= \textit{pharm} / \textit{land_km}$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>d_street</i>	км/км ²	Плотность улиц в городском округе. Характеризует уровень транспортных издержек в городском округе: чем больше значение данной переменной, тем ниже транспортные издержки ($= \textit{street} / \textit{land_km}$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>d_street_road</i>	км/км ²	Плотность улиц и дорог в городском округе. Характеризует уровень транспортных издержек в городском округе: чем больше значение данной переменной, тем ниже транспортные издержки ($= \textit{street_road} / \textit{land_km}$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>p_ind</i>	безразм.	Индикатор цен. Характеризует уровень цен в розничной торговле на территории городского округа: чем больше данный индикатор, тем выше уровень цен ($= \textit{retail_trade} / (\textit{wage} * \textit{people} * 12)$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты
<i>p_ind_pharm</i>	безразм.	Индикатор цен фармацевтической продукции. Характеризует уровень цен в розничной торговле фармацевтической продукцией на территории городского округа: чем больше данный индикатор, тем выше уровень цен ($= \textit{retail_trade_pharm} / (\textit{wage} * \textit{people} * 12)$)	БДПМО Росстата, собственные расчеты

Окончание табл. 1

Переменная	Единицы измерения	Определение	Источник
1	2	3	4
<i>C_retail_gas</i>	баллы	Уровень концентрации на рынке розничной реализации бензина и дизельного топлива (0 баллов при отсутствии субъектов с долей рынка более 35%, 1 балл – при наличии субъектов с совокупной долей рынка от 35 до 50%, 2 балла – при наличии субъектов с совокупной долей рынка от 50 до 65%, 3 балла – при наличии субъектов с совокупной долей рынка более 65%)	Реестр ФАС**
<i>C_whole_gas</i>	баллы	Уровень концентрации на рынке оптовой реализации бензина и дизельного топлива (0 баллов при отсутствии субъектов с долей рынка более 35%, 1 балл – при наличии субъектов с совокупной долей рынка от 35 до 50%, 2 балла – при наличии субъектов с совокупной долей рынка от 50 до 65%, 3 балла – при наличии субъектов с совокупной долей рынка более 65%)	Реестр ФАС
<i>C_retail_pharm</i>	баллы	Уровень концентрации на рынке розничной реализации фармацевтической продукции (0 баллов при отсутствии субъектов с долей рынка более 35%, 1 балл – при наличии субъектов с совокупной долей рынка от 35 до 50%, 2 балла – при наличии субъектов с совокупной долей рынка от 50 до 65%, 3 балла – при наличии субъектов с совокупной долей рынка более 65%)	Реестр ФАС
<i>region</i>		Фиктивная переменная для учета влияния того, в каком субъекте Федерации расположен городской округ	

* База данных показателей муниципальных образований Росстата (БДМ).

** Реестр хозяйствующих субъектов, имеющих долю на рынке свыше 35% (РХЗ).

центрацию не только на розничном, но и на оптовом рынке моторного топлива, так как существуют эмпирические свидетельства того, что высокая концентрация на оптовом рынке приводит к замедлению инвестиций в розничный (Панюшкин и др., 2010).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 3 и 4 представлены коэффициенты уравнений, характеризующие связь плотности магазинов, АЗС и аптек в городском округе с плотностью населения.

Скорректированные коэффициенты детерминации для уравнений из табл. 3 и 4 довольно велики – от 0,864 до 0,957. Коэффициенты при переменной $\ln(d_people)$ во всех

уравнениях, кроме уравнения (6) из табл. 3 и уравнения (5) из табл. 4, находятся в интервале от 0,808 до 0,997, причем при добавлении новых переменных в уравнения данные коэффициенты уменьшаются. Такие значения коэффициентов подтверждают нашу гипотезу: плотность размещения фирм действительно растет медленнее плотности населения.

Отметим, что коэффициенты при переменной $\ln(d_people)$ находятся примерно на одном уровне в уравнениях как для выборки из 63 городов, так и для выборки из малых городов. Это свидетельствует о том, что фирмы избегают находиться рядом друг с другом как в маленьких, так и в больших городах.

Наши результаты повторяют результаты, полученные Г. Клеменцом и К. Гуглером. Последние привели уравнение, связывающее логарифм плотности АЗС с логарифмом плотности населения, причем коэффициент при

Таблица 2
Корреляция плотности размещения фирм и индикатора цен с численностью населения

Переменная	Коэффициент корреляции*
<i>d_stores</i>	0,581
<i>d_station</i>	0,397
<i>d_pharm</i>	0,5
<i>p_ind</i>	0,429

* Коэффициенты корреляции Пирсона, уровень значимости 0,01.

объясняющей переменной (логарифме плотности населения) был равен 0,810 (Clemenz et al., 2009, p. 234), что также подтверждает гипотезу об избегании фирмами слишком близкого размещения.

Уравнение (6) из табл. 3 и уравнение (5) из табл. 4 говорят о том, что плотность размещения аптек растет быстрее плотности населения. Это может свидетельствовать как об особом характере рынка фармацевтической продукции (например, о ненасыщенности рынка или неэластичном спросе), так и о недостатках использованной нами методики. В пользу последнего предположения говорит уравнение (6) из табл. 4, в котором коэффициент при переменной $\ln(d_people)$ меньше единицы из-за введения переменной $\ln(d_wage_found)$. *t*-значение последней близко к критическому, однако можно предположить, что при использовании переменных, более корректно характеризующих реальный спрос на фармацевтическую продукцию, уравнения для плотности размещения аптек будут соответствовать гипотезе об избегании конкуренции.

В уравнения (4) и (5) из табл. 3 и уравнение (4) из табл. 4 вошла переменная, характеризующая уровень концентрации на оптовом рынке моторного топлива. Коэффициент при этой переменной равен примерно $-0,2$. Это говорит о том, что высокий уровень концентрации на оптовом рынке моторного топлива приводит к снижению плотности размещения АЗС, т.е. размещение последних зависит не

столько от (анти-)конкурентного поведения фирм на розничном рынке, сколько от (анти-)конкурентного поведения поставщиков. В оригинальной работе Г. Клеменц и К. Гуглер использовали показатели концентрации на розничном рынке (долю крупнейшего продавца, совокупную долю четырех крупнейших продавцов и индекс Херфиндаля–Хиршмана) и установили, что плотность размещения АЗС уменьшается при росте концентрации на розничном рынке (Clemenz et al., 2009, p. 230, 234), что может свидетельствовать о высоких входных барьерах.

Размещение магазинов в маленьких и больших городах зависит от транспортных издержек: чем выше плотность улично-дорожной сети, тем выше плотность размещения магазинов. На выборке из 63 городов проявляется зависимость плотности размещения АЗС от плотности улично-дорожной сети. При этом на выборке из небольших городов такая зависимость отсутствует. Возможно, это связано с большим количеством автомобилей в больших городах.

Для проверки второй гипотезы о связи уровня цен с плотностью размещения фирм были рассчитаны коэффициенты корреляции между переменными *p_ind* и *p_ind_pharm* и переменными *d_stores*, *d_station* и *d_pharm*. В результате было установлено, что статистически значимой корреляции между этими переменными нет (см. рисунок).

Отсутствие корреляции может быть объяснено недостатками использованных данных: индикатор цен *p_ind* не является рыночной ценой какого-либо товара, но лишь косвенно характеризует уровень цен. Однако если это не так, то складывается парадоксальная ситуация: фирмы избегают находиться друг рядом с другом, однако уровень цен не зависит от плотности размещения фирм.

Существование региональных различий в переменных *d_people*, *d_stores*, *d_station*, *d_pharm*, *d_wage_found*, *p_ind* было проверено при помощи теста Краскела–Уоллиса (Kruskal–Wallis test). По результатам теста удалось обнаружить существование стати-

Таблица 3
Уравнения для плотности размещения фирм (все города)

№ уравнения	Зависимые переменные	Скорректир. R^2	N	Коэффициенты	Независимые переменные				Константа
					$\ln(d_people)$	$\ln(d_street_road)$	$\ln(d_street)$	C_whole_gas	
1	$\ln(d_stores)$	0,938	63	Коэф.	0,919				-4,571
				t-значение	30,634				-24,068
2	$\ln(d_stores)$	0,943	63	Коэф.	0,814	0,146			-3,999
				t-значение	15,588	2,418			-13,364
3	$\ln(d_station)$	0,891	63	Коэф.	0,997				-8,636
				t-значение	22,552				-30,852
4	$\ln(d_station)$	0,914	62	Коэф.	0,962			-0,2	-8,268
				t-значение	23,958			-4,157	-31,313
5	$\ln(d_station)$	0,925	62	Коэф.	0,808		0,207	-0,193	-7,329
				t-значение	12,915		3,098	-4,217	-19,785
6	$\ln(d_pharm)$	0,925	63	Коэф.	1,004				-7,966
				t-значение	27,618				-34,629

Оценки получены при помощи МНК

Таблица 4
Уравнения для плотности размещения фирм (города до 100 тыс. человек)

№ уравнения	Зависимые переменные	Скорректир. R^2	N	Коэффициенты	Независимые переменные				Константа
					$\ln(d_people)$	$\ln(d_wage_found)$	$\ln(d_street)$	C_whole_gas	
1	$\ln(d_stores)$	0,937	43	Коэф.	0,928				-4,568
				t-значение	24,984				-20,103
2	$\ln(d_stores)$	0,942	43	Коэф.	0,812		0,164		-3,952
				t-значение	12,408		2,112		-10,853
3	$\ln(d_station)$	0,864	43	Коэф.	0,976				-8,453
				t-значение	16,365				-23,186
4	$\ln(d_station)$	0,913	43	Коэф.	0,874			-0,297	-7,664
				t-значение	16,777			-4,879	-22,95
5	$\ln(d_pharm)$	0,954	43	Коэф.	1,045				-8,153
				t-значение	29,414				-37,539
6	$\ln(d_pharm)$	0,957	43	Коэф.	0,863	0,195			-8,998
				t-значение	9,01	2,027			-19,281

Оценки получены при помощи МНК

стически значимых региональных различий только для переменной p_ind .

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Парадокс отсутствия связи между уровнем цен и плотностью размещения фирм проще всего можно объяснить недостатками использованных данных. Однако как результаты Г. Клеменца и К. Гуглера, так и результаты, полученные нами, ставят вопрос об адекватности использованных теоретических предпосылок. Действительно, значение коэффициента при переменной, характеризующей плотность населения в уравнениях из табл. 3 и 4, фактически является оценкой параметра $1/(1 + \beta)$ из уравнения (1). При полученных нами значениях данного коэффициента (от 0,808 до 0,997), равно как и при значениях, полученных Г. Клеменцем и К. Гуглером (от 0,810 до 0,9), значение β должно быть меньше единицы. Такое значение β означает, что, во-первых, фирмы конкурируют не только с ближайшими соседями, но и с более удаленными фирмами (Anderson et al., 1992, p.153),

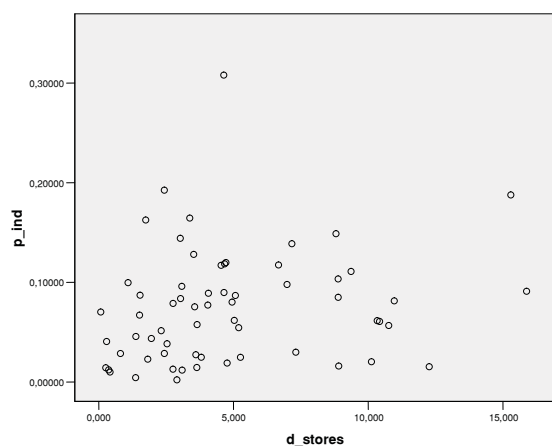

Рис. 1. Отсутствие зависимости индикатора цен от плотности размещения магазинов, $N = 63$

а во-вторых, отсутствует равновесие в чистых стратегиях (Ibid., p. 174), т.е. уравнение для равновесной цены должно отличаться от уравнения (2), в том числе может отсутствовать зависимость от плотности размещения фирм.

На основании вышеприведенных соображений можно выдвинуть несколько альтернативных объяснений наблюдаемого парадокса. Можно предположить, что рынок потребительских товаров каждого города (либо некоторой его части) представляет собой единое целое, где каждый магазин (аптека, АЗС) конкурирует со всеми магазинами (аптеками, АЗС) города. При этом рынок находится в состоянии равновесия, описываемого моделями совершенной конкуренции, конкуренции по Бертрану или монополистической конкуренции, когда цена не зависит от числа продавцов на рынке.

Можно предположить, что фирмы в городах избегают ценовой конкуренции при помощи дифференциации продукции: так, они могут находиться поблизости друг от друга, т.е. продуктовая дифференциация является «субститутотом» пространственной дифференциации (Combes et al., 2008, p. 235). Более того, при дифференцированном продукте фирмам может быть выгодно находиться поблизости друг от друга, так как это облегчает потребителям поиск и выбор подходящего предложения.

Можно предположить, что ситуация описывается скорее моделью пространственной конкуренции по Курно с ценовой дискриминацией. При этом удаленные фирмы путем снижения цены как бы компенсируют покупателям транспортные издержки. Поясним подробнее данную ситуацию. Пусть существуют два города (А и В), причем в А плотность магазинов выше, чем в В. Пусть t_k – средние транспортные издержки похода в магазин в городе k . Тогда $t_A < t_B$, так как до ближайшего магазина в среднем ближе при их более плотном расположении. Пусть магазины, находящиеся на окраинах, для привлечения клиентов из центральных районов города

снижают цену на величину δt_k . Цену в центре городов обозначим P , тогда цена на окраинах будет равна $P - \delta t_k$. В этом случае (при прочих равных условиях)

$$\frac{P + P - \delta t_A}{2} > \frac{P + P - \delta t_B}{2},$$

т.е. в городе с большой плотностью магазинов средняя цена выше.

Мы не выявили ни положительной, ни отрицательной зависимости уровня цен от плотности размещения фирм. Следовательно, можно предположить, что снижение цен в результате конкуренции в городах с плотно расположенными фирмами, косвенно подтверждаемое полученными нами свидетельствами избегания фирмами слишком плотного расположения, компенсируется вышеописанным эффектом.

Отметим, что предложенные нами объяснения (за исключением, может быть, дифференциации продукции) базируются на предположении, что рынки потребительских товаров в пространственном отношении более интегрированы, чем предполагается во многих моделях пространственной конкуренции. Фирмы на таких рынках конкурируют не только с ближайшими соседями, но и со сравнительно отдаленными фирмами.

Скажем несколько слов об отрицательном влиянии концентрации на оптовом рынке моторного топлива на плотность размещения АЗС. По нашему мнению, такой характер связи объясняется политикой органов региональной власти по регулированию цен. Региональные власти, как правило, устанавливают «потолок» розничных цен на моторное топливо, при этом никак не регулируя оптовые цены. В результате при монополизации оптового рынка розничным АЗС не выгодно приобретать топливо по высоким оптовым ценам и продавать по ограниченному сверху розничным (Панюшкин и др., 2010). А это, в свою очередь, приводит к снижению стимулов делать инвестиции и, следовательно, снижать число АЗС на определенной территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проверка гипотез о влиянии пространственной конкуренции на размещение фирм привела к противоречащим теории результатам. Плотность размещения фирм растет медленнее плотности населения, т.е. конкуренция «отталкивает» фирмы друг от друга. В то же время плотность размещения фирм никак не влияет на уровень цен, что противоречит использованным теоретическим предпосылкам. Выявленный в данной работе парадокс в размещении фирм и влиянии плотности размещения фирм на цену ставит вопрос об адекватности теоретических моделей пространственной конкуренции, предполагающих однородность конкурирующих фирм и простую последовательную конкуренцию каждой фирмы со своими ближайшими соседями. Полученные результаты позволяют наметить стратегию для разработки более адекватных моделей. Эта стратегия заключается в использовании в моделях следующих предположений: большей интеграции локальных рынков, в которых фирмы конкурируют не только с ближайшими соседями (возможно, с учетом многомерности пространства); дифференциации фирм по разным параметрам; дифференциации продукции; различных типов конкуренции; гибкой ценовой политики фирм; использования фирмами смешанных стратегий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Городские округа, данные по которым были использованы в анализе:

Барнаул, Алейск, Белокуриха, Бийск, Заринск, Камень-на-Оби, Новоалтайск, Рубцовск, Славгород, Яровое, Иркутск, Братск, Зима, Саянск, Тулун, Усолье-Сибирское, Усть-Илимск, Черемхово, Свирск, Кемерово, Анжоро-Судженск, Белово, Березовский, Калтан, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченск, Мыски, Новокузнецк, Полысаево,

Осинники, Прокопьевск, Тайга, Юрга, Краснобродский, Красноярск, Ачинск, Боготол, Бородино, Дивногорск, Енисейск, Канск, Лесосибирск, Минусинск, Назарово, Норильск, Сосновоборск, Шарыпово, Кедровый (Красноярский край), Новосибирск, Бердск, Искитим, Обь, Кольцово, Омск, Томск, Кедровый (Томская область), Стрежевой, Горно-Алтайск, Петровск-Забайкальский, Северобайкальск, Улан-Удэ, Чита.

Литература

- Панюшкин С.В., Шабашев В.А.* Воздействие экономических и политических элит на экономическую систему, приводящее ее к субоптимизации (на примере Кемеровской области) // Социально-экономические преобразования в России: Сб. научных трудов / Под ред. В.А. Шабашева. Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2010. Т. 5. С. 44–58.
- Реестр хозяйствующих субъектов, имеющих долю на рынке свыше 35% (РХЗ) [Online] // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы (<http://reestr.fas.gov.ru/>).
- База данных показателей муниципальных образований (БДМ) [Online] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>).
- Anderson S.P., de Palma A., Thisse J.-F.* Discrete Choice Theory of Product Differentiation. Cambridge: MIT, 1992. P. 423.
- Beckmann M.J., Thisse J.-F.* The Location of Production Activities // Handbook of Regional and Urban Economics / Ed. Nijkamp P. [s.l.]. North-Holland, 1987. Vol. 1. Regional Economics: 4. P. 21–95.
- Clemenz G., Gugler K.* Locational Choice and Price Competition: Some Empirical Results for the Austrian Retail Gasoline Market // Spatial Econometrics. Methods and Applications / Ed. by Arbia G. and Baltagi B.H. Heidelberg: Physica-Verlag, 2009. P. 223–244.
- Combes P.-Ph., Mayer T., Thisse J.-F.* Economic Geography: The Integration of Regions and Nations. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 399.
- d'Aspermont C., Jaskold Gabszewicz J., Thisse J.-F.* On Hotelling "Stability in Competition" // Econometrica. 1979. № 5. Vol. 47. P. 1145–1150.
- de Palma A., Ginsburgh V., Papageorgiou Y. Y., Thisse J.-F.* The Principle of Minimum Differentiation Holds under Sufficient Heterogeneity // Econometrica. 1985. № 4. Vol. 53. P. 767–781 (<http://www.jstor.org/stable/1912653>).
- Friedman J.M., Thisse J.-F.* Partial Collusion Fosters Minimum Product Differentiation // Rand Journal of Economics. 1993. № 24. P. 631–645.
- Hotelling H.* Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. № 153. Vol. 39. P. 41–57.
- Jehiel P.* Product Differentiation and Price Collusion // International Journal of Industrial Organization. 1992. № 10. P. 633–643.
- Salop S.* Monopolistic Competition with Outside Goods // The Bell Journal of Economics. 1979. № 8. P. 141–156.
- Vogel J.* Spatial Competition with Heterogeneous Firms // Journal of Political Economy. 2008. № 3. Vol. 116. P. 423–466.

Рукопись поступила в редакцию 28.10.2011 г.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ НАКОПЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В.Н. Титов

В статье проанализированы основные теоретико-методологические подходы к исследованию проблем накопления и использования социального капитала организации в современной России, рассмотрены преобладающие взгляды на природу и структуру социального капитала организации. Представлена концептуальная схема анализа, а также гипотезы о стратегиях и способах накопления и использования социального капитала организации; выявлены факторы и условия, влияющие на различные стратегии накопления социального капитала организаций. Эмпирической основой изучения данной проблематики стали интервью с руководителями и собственниками ряда отечественных предприятий.

Ключевые слова: социальный капитал, организация, стратегия, хозяйственная деятельность, государство.

ВВЕДЕНИЕ

В современной России слабая солидарность и низкий уровень доверия организаций формальным регулирующим институтам создают благоприятные возможности для усиления коррупционного давления представителей государственного аппарата на бизнес, что в свою очередь еще в большей степени снижает потенциал солидарности хозяйствующих субъектов. В экономической сфере эта ситуация оборачивается сокращением инвестиционной привлекательности страны и регионов, ухудшением делового климата, способствует воспроизводству институциональной среды,

сдерживающей возможности инновационного развития.

В большинстве работ проблематика социального капитала изучается в контексте сетевого подхода. Социальные сети анализируются на основе разработки формальных моделей и рассматриваются как каналы перемещения ресурсов от «доноров» к «реципиентам» (Градосельская, 2004). Социально-психологические аспекты функционирования социального капитала, его роль в социально-экономических процессах российского общества, связь между социальным капиталом и системой корпоративного управления рассмотрены в работах П.Н. Шихирева (Шихирев, 2003). Вопросы использования различных форм социальной политики российских предприятий на накопление и использование социального капитала рассмотрены Т.Ю. Сидориной (Сидорина, 2007). Косвенно проблематика социального капитала рассматривается в работах, посвященных вопросам корпоративного управления, социальной ответственности бизнеса, социального партнерства (Вандышев, 2004; Петрова, 2003).

В дальнейшем будет предпринята попытка применить концепцию социального капитала к анализу способов выстраивания взаимодействий российских предприятий с различными контрагентами во внешней среде.

Задачи исследования проблематики социального капитала организации:

1) проанализировать представленные в научной литературе преобладающие теоретико-методологические подходы к анализу проблематики социального капитала организации;

2) выявить концептуальную схему анализа и гипотезы относительно стратегий и способов накопления и использования социального капитала организации как внутри самой организации, так и во взаимодействии организации с внешними контрагентами;

3) на основе анализа результатов углубленных интервью подвергнуть научные гипотезы эмпирической проверке.

© Титов В.Н., 2012 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Большинство исследователей выделяют две важнейшие составляющие социального капитала организации: различные связи с контрагентами во внешней среде организации и внутренние связи между подразделениями, группами, отдельными работниками самой организации. Внешние связи и контакты помогают организации решать проблему доступа к различным ресурсам, информации, а также обеспечить организацию минимальными гарантиями для продолжения бизнеса. Внутренние связи призваны обеспечить интеграцию, единство и идентичность группы, повысить эффективность координации взаимодействия. Однако в реальности эти связи оказываются пересекающимися, взаимозаменяемыми и дополняющими.

Структурной основой социального капитала являются сети, которые характеризуются такими параметрами, как сила связи, плотность, центральность, размер сети (Градосельская, 2004). Структура сети и характеризующие ее параметры образуют возможность, потенциал для формирования и использования социального капитала.

Важным свойством социальной сети является ее открытость или закрытость. Закрытые социальные сети могут способствовать интеграции и координации взаимодействия внутри организации, но выступать при этом препятствием для формирования социального капитала во внешней среде. Открытые сети вызывают противоположный эффект.

Нормы, ценности, убеждения, доверие характеризуют когнитивный аспект социального капитала (Lesser, Prusak, 2000). Правила определяют институциональную среду, способствующую или препятствующую накоплению социального капитала организации (Evans, 1996). Когнитивный аспект социального

капитала определяется как особенностями культурного контекста общества в целом, его деловой культурой, специфическими чертами национальной модели организационной культуры. Влиянию особенностей национальных моделей организационной культуры на механизмы обеспечения внутренней интеграции и способы адаптации организации к внешней среде посвящена обширная литература по кросскультурному менеджменту (Льюис, 1999; Hall E., Hall R., 1987; Hofstede, 1997, 2001; Trompenaars, 1997).

В литературе отмечается, что изучение социального капитала организации должно осуществляться по определенным уровням (Gabbay, Leenders, 1999). Микроуровень анализа социального капитала предполагает рассмотрение сетей межличностных отношений в рамках первичной группы (семья, круг друзей, коллеги). Однако неформальная группа может выступать в качестве оппонента и даже антагониста по отношению к организации, стремиться воспрепятствовать достижению общеорганизационных целей. В то же время социальные связи, контролируемые отдельным индивидом, могут быть задействованы для достижения целей организации: облегчение доступа к информации, необходимым ресурсам.

Мезоуровень анализа социального капитала организации образуют связи между организациями (Penning, Lee, Witteloostuijn, 1998).

Макроуровень рассмотрения социального капитала организации – уровень взаимодействия и взаимовлияния между организациями и институтами общества. Макроуровень задает общий контекст, базовые условия, способствующие или препятствующие формированию социального капитала на микро- и мезоуровнях. В свою очередь акторы на микро- и мезоуровнях, адаптируясь к требованиям среды, могут выстраивать достаточно активные стратегии накопления и использования социального капитала, способные оказать влияние на качество и количество социального капитала на макроуровне.

Значительное внимание проблематике накопления социального капитала на макроуровне анализа и его влиянию на экономическое развитие общества было уделено в работах Р. Патнема и Ф. Фукуямы (Putnam, 1993; Фукуяма, 2002). Фукуяма видит корни экономического преуспевания общества в такой важнейшей составляющей социального капитала, как доверие (Фукуяма, 2004). Главным фактором, по мнению Фукуямы, влияющим на характер и уровень экономического развития страны, является «радиус доверия». Чем больше радиус доверия, тем при прочих равных условиях выше шансы общества на успешное развитие экономики.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА И ОСНОВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАКОПЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Под социальным капиталом организации мы будем понимать специфический ресурс разнообразных внутренних и внешних связей организации, а также уровень доверия между подразделениями и работниками внутри данной организации и с внешними контрагентами, помогающий в достижении определенных экономических целей.

Социальный капитал организации может приводить к следующим положительным эффектам.

1. Экономический эффект – возможность снижения транзакционных издержек за счет сокращения времени на заключение сделок, проверку надежности партнера, обеспечение выполнения условий контракта.

2. Управленческий эффект – возможность более эффективного осуществления управленческих функций.

3. Интеграционный эффект – за счет сильной организационной культуры дости-

гается социальная целостность организации, объединение усилий на достижение целей организации, снижаются возможности проявления конфликтов.

4. Партнерский эффект – возможность привлечения новых инвесторов, акционеров, финансового капитала, создания стратегических альянсов и сетевых интеграционных объединений.

5. Имиджевый эффект – усиление позиций торговой марки, продукции, положительного образа социально ориентированной организации.

6. Корпоративный эффект – установление более ясных и предсказуемых отношений между акционерами, директоратом, менеджерским корпусом и работниками, а также заинтересованными группами вне организации.

Социальный капитал снижает уровень неопределенности внутри организации и частично во внешней среде.

Помимо конструктивных функций, накопление социального капитала может приводить и к некоторым деструктивным последствиям. Так, слишком плотные и сильные социальные связи внутри социальной общности могут закрыть границы с внешней средой, ограничивать выход из социальной общности, что препятствует социальной мобильности ее членов. Кроме того, накопленные внешние социальные связи организации могут использоваться для установления коррупционных отношений, ведения недобросовестной конкуренции, вытеснения конкурентов, в результате чего ухудшается деловой климат, снижается доверия между организациями.

При анализе рассматриваемой проблемы важно учитывать соотношение распределения социального капитала по различным уровням общества. Чрезмерное сосредоточение социального капитала на микро- или макроуровне анализа общества может приводить к негативным эффектам. В первом случае первичные группы могут обособляться от остальных уровней (общественные и предпринимательские организации, государственные институты). Во втором случае,

когда социальный капитал концентрируется преимущественно на макроуровне, начинает доминировать государство, которое стремится восполнить дефицит ресурса социальных связей и доверия путем установления прямого контроля над локальными сообществами и предпринимательскими структурами. В связи с этим социальные объединения, образующие мезоуровень рассмотрения общества, можно рассматривать в качестве важнейшего механизма посредничества между микро- и макроуровнем. В результате отсутствия посредничества и контроля со стороны общественных и предпринимательских организаций государство и население существуют в режиме несогласованного произвольного взаимодействия, наблюдается перенос межличностных отношений на систему формальных институтов и организаций.

На наш взгляд, достижение достаточно эффективного состояния функционирования экономики предполагает наличие состояния определенности среды, в которой выстраиваются взаимодействия между хозяйствующими субъектами, с одной стороны, и государством, определяющим институциональные рамки экономического поведения, с другой. Определенность среды задается такими характеристиками механизмов регулирования, как:

- ясность и однозначность трактовок их содержания вне ситуационного контекста;
- универсальность применения по отношению ко всем контрагентам вне зависимости от социального положения, личных или родственных связей;
- автоматизм применения в случае нарушения установленных норм и правил.

Все эти характеристики создают ситуацию равных правил для всех участников взаимодействия. Если эти условия не выполняются, то накопление социального капитала на любом уровне его рассмотрения становится практически невозможным. Следует также отметить, что состояние определенности или неопределенности среды во многом обуславливается культурными традициями общества.

В связи с этим Г. Хофстеде среди других критически значимых параметров национальных моделей организационной культуры выделял «избегание неопределенности», под которым он понимал предпочтение стабильных, устойчивых ситуаций и отношений (Hofstede, 1997).

Ситуация определенности решающим образом зависит от характера государственного регулирования экономики. Высокий уровень вмешательства государства в экономику свидетельствует о недостаточном доверии между экономическими контрагентами, их неспособности к солидарным действиям (Фукьяма, 2004).

Если характер взаимоотношений между экономическими субъектами и государством в прошлом не предполагал сформировавшейся культуры доверия, а также если действия государства в настоящее время не направлены на создание подобной культуры, то возникает устойчиво воспроизводимая ситуация недоверия, усиливающая степень неопределенности среды принятия решений. В подобной ситуации хозяйствующие субъекты ориентируются на выстраивание неформальной сети отношений с представителями государственных контролирующих органов власти на местном или центральном уровне. Политические и административные решения принимаются исходя не из стратегических соображений в отношении развития системы в целом, а в результате ситуативных интересов отдельных коалиций в целях извлечения личной выгоды.

Можно выделить следующие варианты взаимодействий между государством и хозяйствующими субъектами с точки зрения таких параметров, как уровень государственного вмешательства в экономику и преобладание формальных или неформальных механизмов регулирования экономических отношений.

Эта статистическая формализованная модель характеризуется высоким уровнем вмешательства государства в экономику и преобладанием формальных механизмов регулирования экономических отношений. В данном случае экономическая подсистема функционирует

в режиме высокой определенности, поскольку государство выступает в роли инстанции, определяющей и поддерживающей универсальные правила для всех экономических субъектов.

Административно-бюрократическая неформальная модель характеризуется высоким уровнем вмешательства различных групп интересов, официально представляющих государство, в экономику в сочетании с преобладанием неформальных механизмов регулирования экономических отношений. В данном случае экономика будет функционировать в режиме высокой неопределенности, поскольку агенты государства на уровне центральных или местных органов власти будут стремиться устанавливать не анонимные, универсалистские отношения с экономическими субъектами, а дифференцированные отношения – в зависимости от лояльности, личных связей, участия в тех или иных неформальных коалициях интересов.

Либеральная формальная модель характеризуется низким уровнем государственного регулирования экономики и преобладанием формальных механизмов регулирования экономических отношений. Подобная ситуация будет характеризоваться высокой определенностью. С одной стороны, имеет место сформировавшаяся в процессе предшествующего развития социума приверженность хозяйствующих субъектов определенному комплексу норм и правил поведения, а с другой – государство функционирует как безличный, универсальный механизм.

Либеральная неформальная модель характеризуется низким уровнем государственного вмешательства в экономику и преобладанием неформальных механизмов координации взаимодействий между экономическими контрагентами. Среду, где для экономических субъектов принимаются решения, можно характеризовать как умеренно определенную, поскольку активность агентов государства в экономике ограничена. Однако отсутствие универсальности в применении правил, доминирование неформальных лич-

ных связей могут приводить к дезориентации хозяйствующих субъектов.

На наш взгляд, в настоящее время в России сложилась административно-бюрократическая неформальная модель, которая значительно повышает уровень неопределенности среды принятия решений для экономических субъектов. Государственные чиновники в данном случае выступают в качестве доминирующей инстанции по отношению к хозяйствующим субъектам, не только задавая формальные институциональные рамки экономических взаимодействий, но и манипулируя этими правилами и санкциями в зависимости от статуса тех или иных организаций. Такая модель взаимоотношений предполагает, что организации при накоплении и использовании социального капитала должны уделять специальное внимание представляющим государство агентам.

В ответ на давление государства организации могут применять разные стратегии:

- вступление и активное взаимодействие в сетях неформальных отношений с представителями различных властных структур;
- демонстрация внешней лояльности организаций по отношению к государственным органам власти при отсутствии выраженного стремления участвовать в неформальной сети отношений, которые стремится навязать власть;
- отсутствие неформальных связей с представителями государственной власти.

Обращение к той или иной стратегии зависит от ряда факторов:

- 1) положения организации в рамках отраслевой структуры экономики страны или региона;
- 2) позиции организации на рынке;
- 3) организационно-правового статуса, а также удельного веса государственной собственности в структуре капитала организации;
- 4) ориентации организации на выстраивание деловых отношений с государством, стремления заручиться поддержкой со стороны государства;

5) уровня использования предприятием инновационных технологий и ориентации на разработку новой продукции с высокой добавленной стоимостью;

6) времени создания предприятия;

7) реализуемой предприятием стратегии.

Выделенные факторы, влияющие на накопление социального капитала организации, можно рассматривать в качестве исходных гипотез при проведении эмпирического исследования, результаты которого будут представлены ниже.

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ НАКОПЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Обратимся к основным результатам эмпирического исследования, посвященного проблематике накопления и использования социального капитала организации. Эмпирическая часть исследования осуществлялась на основе глубинного структурированного интервью с руководителями и собственниками различных российских предприятий.

Интервью проводились в период с апреля по май 2011 г. Всего было опрошено 14 респондентов, из которых 4 представляли организации Челябинска, 4 – Томска, 4 – Екатеринбургa, 2 – Москвы. Конечно, такая выборка не может рассматриваться в качестве репрезентативной; поэтому и выводы имеют в значительной мере поисковый характер. Предприятия распределены следующим образом с точки зрения отраслевой принадлежности:

- промышленное производство – 8 предприятий (1 фармацевтическое производство, 2 – пищевая промышленность, 3 – традиционное машиностроение, 2 – производство изделий из пластмасс и пластиковых окон);

- торговля – 2 предприятия;

- банковский бизнес – 1 предприятие;

- услуги – 3 предприятия (1 – услуги микрофинансирования малого бизнеса посредством интернет-технологий, 1 – транспортные, 1 – медико-диагностические).

Преобладающая часть предприятий с точки зрения организационно-правового статуса относится к категории обществ с ограниченной ответственностью (таких предприятий девять), два являются открытыми, два – закрытым акционерными обществами, одна – некоммерческой организацией.

Среди основных факторов внешней среды организации, в наибольшей мере влияющих на экономическое положение и остроту конкуренции в отрасли, респонденты выделяли следующие:

- особенности государственного регулирования экономики в целом или отдельной отрасли;

- особенности спроса на том или ином конкретном рынке;

- действия конкурентов, поставщиков, торговых посредников;

- общая ситуация, складывающаяся в экономике, влияние экономического кризиса;

- политические изменения в стране или регионе, влияющие на расстановку сил и возможности доступа к ресурсам и заказам.

Если попытаться обобщить оценки различных проблем, с которыми сталкиваются представители тех или иных предприятий, то можно сделать следующие предварительные выводы:

- в наиболее сложной ситуации оказываются промышленные предприятия традиционных отраслей, поскольку они зависят не только от рыночной конъюнктуры и торговых посредников, но также и от поставщиков и кредиторов;

- промышленные предприятия в наибольшей степени ощущают на себе рост тарифов естественных монополий;

- промышленные предприятия сталкиваются с серьезной проблемой нехватки оборотных средств и инвестиционного «голода» вследствие отсутствия поддержки со стороны государства и других институциональных ин-

весторов, нежелания финансово-кредитных учреждений предоставлять кредиты на приемлемых условиях;

- для промышленных предприятий более остро по сравнению с другими организациями стоит проблема дефицита подготовленных кадров специалистов по рабочим и техническим специальностям;

- менее остро перечисленные проблемы стоят перед предприятиями сферы торговли и услуг, банками, а также перед промышленными предприятиями, являющимися монопольными производителями определенной продукции, востребованной на рынке и защищенной патентами;

- уровень неопределенности среды бизнеса нарастает по мере усиления остроты конкуренции на рынке: чем ближе рынок по своим характеристикам модели рынка «чистой конкуренции», тем выше уровень неопределенности. И наоборот, в тех случаях, когда рынок по своим параметрам приближается к состоянию монополистической конкуренции или чистой монополии, уровень субъективного восприятия определенности среды возрастает;

- степень определенности среды ведения бизнеса и экономическое положение предприятий значительно повышаются в случае наличия так называемого административного ресурса – разновидности социального капитала связей с государством (договорные отношения, участие государства в акционерном капитале и т.п.).

Результаты интервью показали, что осознанное стратегическое видение перспектив развития компании, элементы стратегического планирования присутствуют в ответах респондентов, представляющих предприятия, занимающие лидерские позиции на своем рынке, способные четко дифференцировать свою продукцию по качеству, уровню обслуживания, бренду, занимающие монопольное положение на рынке за счет патентной защиты своей продукции, выпуска уникальных товаров. Чем выше уровень субъективного восприятия определенности среды бизнеса,

чем более четко руководство предприятия осознает свои конкурентные преимущества, уникальность в той или иной области, тем более отчетливо проявляется ориентация на использование стратегического подхода к управлению.

Если попытаться суммировать ответы респондентов относительно стратегического видения будущего своего предприятия, то можно выделить следующие основные стратегии:

- 1) выживания – предприятие ориентировано на улучшение своего финансово-экономического положения в настоящий момент;

- 2) расширения границ рынка за счет модернизации производственной технологии, оптимизации бизнес-процессов, сокращения издержек производства, активизации маркетинговых программ и усилий по реализации;

- 3) инновационной активности в создании и выведении на рынок нового продукта на базе современных технологий;

- 4) слияния с компанией, занимающей аналогичные или более сильные позиции на рынке с целью увеличения доли рынка и усиления позиций на рынке;

- 5) диверсификации – предполагает добавление к выпускаемой номенклатуре новой продукции, которая могла бы быть предложена на других рынках или рыночных сегментах;

- 6) захвата рынка и установления монопольных позиций.

На наш взгляд, только инновационная стратегия и стратегия диверсификации могут быть отнесены к активным стратегиям адаптации, поскольку они предполагают возможность выхода на принципиально новую траекторию развития, поиск новых рыночных возможностей, изменение структуры, организационной культуры, методов управления с целью гибкой адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Остальные стратегии можно рассматривать как варианты пассивной адаптации, поскольку они основываются не столько на поиске новых путей

развития предприятия, сколько на сохранении существующего положения на рынке.

Одна из гипотез исследовательского проекта состояла в том, что уровень инновационного развития предприятия может быть положительно связан с ориентацией на накопление социального капитала. Важно подчеркнуть, что предприятия, разрабатывающие те или иные инновационные продукты, не обязательно ориентированы на инновационную стратегию развития. Действительно, в данном случае можно говорить о том, что необходимость создания новой технологии или продукта и внедрение его на рынок требуют от предприятия налаживания дополнительных партнерских связей во внешней среде.

Среди основных препятствий, сдерживающих более активное внедрение инноваций, большинство респондентов называли нехватку или трудности в получении финансовых средств, нежелание инвесторов вкладывать свои средства в производство с длительным сроком окупаемости и сравнительно высокими рисками возврата инвестиций. Кроме того, чрезмерно высокий уровень монополизации рынка также может ограничивать возможности применения инновационной стратегии, поскольку компания-монополист, обладающая большим административным ресурсом, оказывается способной блокировать инновационную активность более слабых игроков рынка.

Специальный блок вопросов был посвящен рассмотрению структуры, состава участников деловой сети отношений, в которые вступают предприятия. Можно предположить, что обязательными для всех типов предприятий участниками деловой сети должны быть следующие разновидности контрагентов: поставщики, потребители, торговые посредники. Именно эти субъекты образуют цепочку создания ценностей, без которой невозможно осуществлять операционную деятельность и реализовывать свои экономические задачи. Действительно, преобладающее большинство респондентов выделили именно этих контрагентов в качестве наиболее значи-

мых для достижения целей организации. Особенно значимыми поставщиками являются для промышленных предприятий и предприятий сферы торговли. Именно эти контрагенты, контролирующие необходимые для организации ресурсы и определяющие спрос на продукцию и услуги, способны создавать отношения зависимости и обладают наибольшей властью в отношении предприятий.

Способность поставщиков или покупателей установить отношения зависимости возрастает в том случае, если поставщики или покупатели являются крупными компаниями или если их численность ограничена. Кроме того, когда поставщики продают уникальный товар, их власть над организацией также возрастает.

Очень большое значение в качестве агентов взаимодействия для компаний, производящих потребительские товары для массового рынка, имеют торговые посредники (дистрибьюторы). Баланс сил в переговорах с крупными (часто сетевыми) дистрибьюторами об условиях транзакций складывается не в пользу производителей.

Ответы респондентов относительно влияния конкурентов на положение их предприятий на рынке существенно различаются в зависимости от места, занимаемого самим предприятием на рынке, и отрасли, а также от остроты конкуренции на данном рынке. Наибольшие проблемы в связи с конкурентами возникают у компаний, занимающих скромные позиции на рынке. Крупные предприятия, занимающие лидерские позиции на рынке, а также предприятия, разрабатывающие какую-либо уникальную продукцию или способные удачно дифференцировать свой продукт, не испытывают острых проблем со стороны конкурентов. Фактор конкурентов оказывает более сильное влияние на рынке потребительских товаров или промежуточных продавцов, чем на рынках государственных закупок или товаров промышленного назначения.

В высказываниях отдельных респондентов просматривается стремление установить

конструктивные отношения с конкурентами. Так, респондент, представлявший Российский микрофинансовый центр, отмечает, что его организация стремится выстраивать с конкурентами отношения не борьбы, а сотрудничества, что объясняется новизной самого рынка микрофинансовых услуг, а также инновационными технологиями, активно используемыми на этом рынке.

Финансово-кредитные организации в качестве важного контрагента по взаимодействию выделялись респондентами, представляющими в основном промышленные предприятия. Для многих из них зависимость от кредитов представляет серьезную проблему в обслуживании своих обязательств.

Инвесторы были названы важными контрагентами в единственном случае. Даже те респонденты, которые представляли предприятия, непосредственно связанные с разработкой и производством продуктовых новинок, не называли инвесторов в качестве субъектов, входящих в деловую сеть их организации. Отсутствие интереса к предприятиям со стороны отечественных или зарубежных инвесторов может рассматриваться не только в качестве ограничителя для привлечения финансовых средств, но и как барьер, препятствующий расширению деловых сетей предприятий, а следовательно, его стратегическому развитию.

Отдельную значимую проблему для промышленных предприятий, а также для предприятий, связанных с разработкой и производством инновационной продукции, представляет такой контрагент, как работник, к квалификации и уровню образования которого предъявляются специальные требования. Для предприятий традиционных отраслей промышленности более актуальной является задача привлечения и закрепления работников на рабочих специальностях.

Значительная часть респондентов в качестве значимого контрагента выделила исполнительные органы власти федерального, регионального или муниципального уровня подчинения. Государство, по мнению респон-

дентов, создает институциональную среду для ведения бизнеса, определяет рамки и правила взаимодействий, поэтому данный фактор рассматривается как очень значимый большинством респондентов. Оценки влияния государственных органов власти на деятельность организаций существенно варьируют в зависимости от того, участвует ли само государство в деятельности компаний, а также от того, какое место занимают предприятия в структуре региональной экономики, какова доля их поступлений в региональный или муниципальный бюджет. Достаточно лояльные отношения с государственными органами власти складываются у тех предприятий, которые вносят важный вклад в экономику региона и обеспечивают бюджет значительными налоговыми поступлениями.

В то же время значительная часть респондентов негативно оценивала характер влияния государства на организацию. Основные претензии к государству связаны с постоянными изменениями государственных структур, коррупцией, фактами недобросовестного предоставления государственных заказов, чрезмерно жесткими карательными действиями в отношении бизнеса, пробелами в законодательной базе. В интервью отмечалось неравное положение во взаимоотношениях с государством, в котором оказываются небольшие коммерческие организации по сравнению с предприятиями с участием государственного капитала или унитарными предприятиями.

Преобладающая часть респондентов в ответах на вопрос о проблемах и характере взаимодействий их предприятий с государством предпочитали демонстрировать поверхностный и формализованный стиль подобных отношений, дистанцируясь от перспективы более тесного сотрудничества. Подобный подход характерен прежде всего для предприятий малого и среднего бизнеса.

Законодательные и судебные ветви власти вообще оказываются не вовлеченными в те или иные взаимодействия, кроме тех редких случаев, когда между деловыми контр-

агентами возникают конфликтные ситуации, требующие судебного разбирательства. В единственном случае респондент, представляющий Российский микрофинансовый центр, рассказал о том, что его организация активно участвовала во всех этапах подготовки закона о микрофинансировании и его прохождения в Государственной Думе.

Кроме того, ни в одном интервью не были выделены такие потенциальные контрагенты взаимодействия, как средства массовой информации, политические партии или общественные организации. Это косвенно может свидетельствовать как о слабости институциональной среды, благоприятствующей развитию организационных форм гражданского общества, так и об отсутствии интереса со стороны рыночных организаций к возможности подключения к сети деловых связей общественных организаций. В некоторых интервью высказывалась мысль о том, что выстраивание дополнительных отношений с какими-либо другими субъектами, кроме тех, кто непосредственно образует цепочку ценностей, не приносит никакой пользы и связано с высокими издержками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее сложная структура сетей деловых отношений создается, как правило, крупными предприятиями, имеющими определенные связи с государственными органами власти. Подобные предприятия имеют достаточно устойчивое положение на рынке, часто занимая лидерские позиции, играют заметную роль в структуре национальной, региональной или местной экономики.

Среди возможных способов решения различных проблем, возникающих в процессе взаимодействия между предприятиями и различными контрагентами, респонденты выделяли следующие.

1. С поставщиками, партнерами, торговыми посредниками наиболее предпочтительный способ – подготовка детально прописанных контрактов. Однако в тех случаях, когда поставщики или дистрибьюторы являются крупными компаниями, способными

установить отношения зависимости и диктовать свои условия другим, респонденты в качестве наиболее предпочтительных способов решения возникающих проблем называли неформальные личные договоренности. Вообще по отношению к различным контрагентам респонденты демонстрировали дифференцированное отношение. Отсутствие универсального подхода к выстраиванию отношений также свидетельствует о высоком уровне неопределенности отношений.

2. С государственными органами, осуществляющими контроль над хозяйствующими субъектами, – соблюдение требований законов, формальных правил и предписаний.

3. С конкурентами – попытка найти компромисс, установить на неформальной основе некоторые «рамочные» правила ведения конкурентной борьбы. Если конкурент занимает монопольное положение на рынке, то у менее сильных предприятий возникает стимул лоббировать свои интересы в законодательных органах и органах исполнительной власти с целью ограничения монополизма. В отдельных случаях конкуренты даже могут рассматриваться как партнер взаимодействия.

4. С потребителями, клиентами способы решения тех или иных проблем зависят от того, осуществляется ли покупка на потребительском рынке или на рынке промежуточных продавцов. Так, если речь идет об оптовых покупателях, то предпочтение отдается формальным контрактам. Взаимодействие с розничными покупателями может осуществляться не только с помощью традиционных методов маркетинговых исследований, но и посредством вовлечения покупателей в реализационную деятельность фирмы.

В качестве возможного способа решения возникающих в ходе различных взаимодействий с другими субъектами проблем называлось создание отраслевой ассоциации, которая могла бы отстаивать интересы организаций. В то же время преобладающая часть респондентов, представлявших промышленные предприятия, достаточно скептически отнеслась к идее формирования отраслевых

ассоциаций как к способу решения проблем, возникающих в рамках отрасли. Преобладающая установка состоит в минимизации связей до уровня необходимой достаточности, в закрытии границ от неблагоприятных воздействий со стороны внешней среды.

Одна из задач проекта состояла в том, чтобы выявить предпочтения неформальных или формальных отношений при выстраивании сети деловых связей предприятий. Часть респондентов полагает, что все отношения необходимо выстраивать исключительно на формальной основе, объясняя это тем, что личные отношения и услуги неизбежно ведут к коррупционным отношениям, ставят организацию в зависимость от другого контрагента. По мнению отдельных респондентов, представляющих промышленные предприятия, занимающие достаточно скромные позиции на рынке и в отрасли и борющиеся за выживание, неформальные отношения используются только крупными предприятиями, что и гарантирует им относительную защищенность, возможность получения информации, выгодных заказов. Примерно равная часть респондентов полагает, что формальные отношения обязательно должны подкрепляться неформальными, личными отношениями, взаимными услугами. При этом делалась отсылка к некоторой культурной традиции установления межличностных доверительных отношений между партнерами.

Итак, можно сделать следующий вывод: в современной России начал складываться спрос на формальные практики и институты, регламентирующие различные взаимоотношения между хозяйствующими субъектами. В то же время следует отметить определенное расхождение между нормативной установкой и реальной практикой. Так, значительная часть респондентов негативно оценивает саму норму выстраивания сети деловых отношений на основе неформальных связей. Однако в то же время при осуществлении хозяйственной деятельности большая часть предприятий вынуждена вступать в неформальные контакты.

Практически все респонденты в случае возникновения конфликтных ситуаций между предприятием и другими контрагентами отдадут предпочтение компромиссу на неформальной основе. Судебные процедуры рассматриваются респондентами как дорогостоящие и требующие значительных затрат времени мероприятия. Кроме того, судебные разбирательства могут привести к разрыву отношений со стратегически значимым контрагентом и нанести урон репутации предприятия.

Одна из важнейших задач проекта состояла в определении степени доверия тем или иным контрагентам по взаимодействию. Ответы респондентов на вопрос о доверии тем или иным контрагентам позволяют сделать вывод о том, что предпочтение отдается личным доверительным отношениям. Среди возможных контрагентов наибольшим доверием пользуются деловые партнеры и поставщики. Конкуренты обычно не рассматриваются как субъекты, достойные доверия. Государственные органы власти как на федеральном, так и на местном уровне не пользуются у большинства респондентов доверием. Недостаточный уровень доверия по отношению к государству объясняется респондентами следующими обстоятельствами:

- медлительность в принятии решений и их реализации;
- несовпадение интересов бизнеса и государственных органов;
- сложные бюрократические процедуры согласования, коррупция.

Отношение преобладающей части респондентов к государству можно определить как смирение перед вынужденной необходимостью. Доминирует стратегия уклонения каких-либо контактов с государством.

Общественные организации, СМИ и другие институты гражданского общества вообще не назывались в качестве объектов доверия.

Доверие рассматривается большинством респондентов как редкий ресурс, который имеет некоторые уникальные свойства, но не как свойство внешней институциональ-

ной среды в целом. Респонденты называли прежде всего такие основания доверия, как опыт взаимодействия с данным конкретным субъектом, репутация, рекомендации надежных контрагентов. Очень часто респонденты указывали на такое основание доверия, как личные связи, благодаря которым можно собрать наиболее полную информацию о потенциальном контрагенте.

В то же время доверие не обязательно соотносится с семейно-родственными отношениями, но в большей степени – с личным знанием того или другого субъекта. Важным основанием для возникновения доверительных отношений между контрагентами может быть осознание наличия взаимовыгодного интереса. Репутация контрагента также не является общепризнанным основанием для возникновения доверительных отношений, поскольку нередко репутация создается искусственно благодаря различным кампаниям по связям с общественностью. Важными основаниями для возникновения доверия выступают также позиции компании на рынке, возможность контактов с человеком, способным выступить гарантом, поручителем за другого контрагента.

Таким образом, можно говорить о весьма ограниченном «радиусе доверия» среди респондентов. Поле взаимоотношений воспринимается респондентами как сложное, нестабильное, полное опасностей и угроз, что стимулирует предприятия заниматься сбором информации из всех возможных источников, заручаться гарантиями, детально прописывать контракты.

Итак, «внешний» социальный капитал, как свидетельствуют высказывания респондентов, накапливается в достаточно ограниченных размерах. Взаимодействие осуществляется только с теми, кто в силу производственной необходимости непосредственно входит в производственную цепочку. Субъекты, образующие макроокружение предприятия, не рассматриваются как контрагенты, которые могут быть потенциально включены в сети взаимоотношений и на которые можно

распространить доверие. Напротив, факторы макроокружения воспринимаются скорее как источник неопределенности, который невозможно контролировать и на который никак невозможно влиять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ интервью с руководителями различных предприятий по проблеме накопления и использования социального капитала организации позволяет сделать ряд выводов.

Институциональный контекст в современной России задается этатистско-неформальной моделью, для которой характерно сочетание непосредственного вмешательства государства в экономические отношения с преобладанием неформальных механизмов регулирования. Неформальные механизмы регулирования приводят к преобладанию в сфере экономических взаимодействий дифференцированных отношений в зависимости от лояльности, личных связей, участия в тех или иных неформальных коалициях интересов. Данная модель приводит к высокой неопределенности среды принятия решений и ограничению радиуса доверия только теми контрагентами, надежность которых может быть подтверждена личными гарантиями, опытом взаимодействия в прошлом или взаимностью интересов.

При этатистско-неформальной модели организации, накапливая социальный капитал, могут использовать различные стратегии взаимодействия с государством: 1) активное взаимодействие в сетях неформальных отношений с представителями различных властных структур; 2) демонстрация лояльности по отношению к государству в сочетании с уходом от навязываемых государством альянсов; 3) избегание вступления в неформальные связи с государством.

Была подтверждена гипотеза о том, что положение организации в отраслевой струк-

туре экономики страны или региона связано с определенными стратегиями взаимодействия с государством. Как правило, те предприятия, которые являются значимыми для экономики региона, проявляют относительную независимость от местных органов власти. Организации, не имеющие решающего значения в плане содействия социально-экономическому развитию региона, стремятся, как правило, уйти из сферы внимания местной власти или оказываются вынужденными предоставлять власти те или иные услуги на неформальной основе.

Гипотеза о том, что позиции лидера или претендента на лидерство могут создать серьезные проблемы для организации вследствие возможных притязаний властных органов установить отношения зависимости и навязать свое покровительство предприятию, эмпирического подтверждения не получила ввиду незначительности выборки.

Гипотеза, согласно которой организации, ориентированные на выстраивание деловых отношений с государственными органами власти, будут отдавать предпочтение стратегии вхождения в неформальные отношения с государством, также получила подтверждение в ходе интервью.

При проведении исследования получила подтверждение гипотеза о том, что те предприятия, которые используют современные технологии для разработки и производства новой продукции, с большей вероятностью будут стремиться использовать стратегию уклонения от неформальных отношений с государственными органами.

Результаты интервью позволяют в целом подтвердить гипотезу о связи между историей создания предприятия и его стремлением заручиться поддержкой со стороны государственных органов власти на федеральном или региональном уровне. Действительно те немногие предприятия, которые были созданы еще в советский период истории, обычно проявляют большую заинтересованность в покровительстве со стороны государства по сравнению образованными в постсоветский период.

Стратегия поведения предприятия во внешней среде влияет на подходы к накоплению внешнего социального капитала. Те немногие предприятия, которые ориентированы на стратегию активной адаптации, стремятся наращивать внешний социальный капитал, используя при этом формальные и неформальные связи. В то же время преобладающая часть предприятий, ориентированных на стратегию пассивной адаптации, стремится ограничить сеть деловых контактов только теми контрагентами, которые непосредственно участвуют в операционной деятельности.

Литература

- Вандышев М.Н. Некоторые аспекты экономической мотивации благотворительной деятельности (на примере предприятий Екатеринбурга) // Экономическая социология. Электронный журнал. 2004. Т. 5. № 2. Март (www.ecsoc.msses.ru).
- Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие. М.: Новый учебник, 2004.
- Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Дело, 1999.
- Петрова Л.Е. Объединения работодателей: потенциал в социальном партнерстве // Экономическая социология. Электронный журнал. 2003. Т. 4. № 1. Январь (www.ecsoc.msses.ru).
- Сидорина Т.Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3. С. 319–334.
- Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 129–149.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004.

-
- Шухарев П.Н.* Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2.
- Evans P.* Government Actions, Social Capitals and Development: Reviewing the Evidence on Synergy // *World Development*. 1996. Vol. 24. P. 1119–1132.
- Gabbay S.M.* Leenders CSC: The Structure of Advantage and Disadvantage // *Corporate Social Capital and Liability* / Ed. by R.Th.A.J. Leenders, S.M. Gabbay. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 1999.
- Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. N.Y.: McGraw Hill, 1997. P. 28.
- Hofstede G.* Organization culture // *The IEBM Handbook of Organizational Behavior*. L.: Thomson Learning, 2001. P. 193–210.
- Hall E.T., Hall R.M.* Hidden Differences Doing Business with the Japanese. N.Y.: Anchor Press-Doubleday, 1987.
- Lesser E.L., Prusak L.* Communities of Practice, Social Capital and Organizational Knowledge // *Knowledge and Communities* / Ed. by Lesser E.L., Fontane M.A., Slusher J.A. Boston: Butterworth Heinemann, 2000. P. 123–131.
- Penning J.M., Lee K., van Witteloostuijn A.* Human Capital, Social Capital and Firm Dissolution // *Academy of Management Journal*. 1998. Vol. 41. P. 425–440.
- Putnam R.* The Prosperous Community. Social Capital and Public Life // *The American Prospect*. 1993. Vol. 4. № 13. P. 1–8.
- Putnam R.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.
- Trompenaars F., Hampden Turner C.* Riding the Waves of Culture. L.: Brealey, 1997.

Рукопись поступила в редакцию 04.10.2011 г.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ¹

И.Н. Буздалов

В статье рассматриваются узловые аспекты извечного «земельного вопроса»: прежде всего собственность на землю, условия и общественные формы ее эффективного использования. Анализируются замыслы и последствия современной аграрной реформы в России, просчеты и злоупотребления в землевладении и землепользовании, пути их преодоления. Особое внимание уделяется формированию развитого рыночного оборота земли, организационным и правовым вопросам становления проверенной мировым опытом цивилизованной системы земельных отношений.

Ключевые слова: земля, земельные отношения, земельная собственность, рынок земли, формы землевладения, земельное законодательство.

Вековые российские преобразования в землевладении и землепользовании в их научной трактовке принято рассматривать как деятельность государства в решении «земельного вопроса». Но в реальной действительности это решение неизменно воплощалось в противоречивое нагромождение теоретических построений, практических полумер, откатов назад, неожиданных поворотов и явных странностей, иначе говоря, парадоксов. Последние неизбежно вели к «закреплению» или углублению почти перманентного аграрного кризиса со всеми его негативными последствиями для всего процесса жизнедея-

© Буздалов И.Н., 2012 г.

¹ Статья подготовлена по результатам разработки проектов Российского гуманитарного научного фонда № 12-02-00108а и № 12-02-00145а.

-
- Шухарев П.Н.* Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2.
- Evans P.* Government Actions, Social Capitals and Development: Reviewing the Evidence on Synergy // *World Development*. 1996. Vol. 24. P. 1119–1132.
- Gabbay S.M.* Leenders CSC: The Structure of Advantage and Disadvantage // *Corporate Social Capital and Liability* / Ed. by R.Th.A.J. Leenders, S.M. Gabbay. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 1999.
- Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. N.Y.: McGraw Hill, 1997. P. 28.
- Hofstede G.* Organization culture // *The IEBM Handbook of Organizational Behavior*. L.: Thomson Learning, 2001. P. 193–210.
- Hall E.T., Hall R.M.* Hidden Differences Doing Business with the Japanese. N.Y.: Anchor Press-Doubleday, 1987.
- Lesser E.L., Prusak L.* Communities of Practice, Social Capital and Organizational Knowledge // *Knowledge and Communities* / Ed. by Lesser E.L., Fontane M.A., Slusher J.A. Boston: Butterworth Heinemann, 2000. P. 123–131.
- Penning J.M., Lee K., van Witteloostuijn A.* Human Capital, Social Capital and Firm Dissolution // *Academy of Management Journal*. 1998. Vol. 41. P. 425–440.
- Putnam R.* The Prosperous Community. Social Capital and Public Life // *The American Prospect*. 1993. Vol. 4. № 13. P. 1–8.
- Putnam R.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.
- Trompenaars F., Hampden Turner C.* Riding the Waves of Culture. L.: Brealey, 1997.

Рукопись поступила в редакцию 04.10.2011 г.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ¹

И.Н. Буздалов

В статье рассматриваются узловые аспекты извечного «земельного вопроса»: прежде всего собственность на землю, условия и общественные формы ее эффективного использования. Анализируются замыслы и последствия современной аграрной реформы в России, просчеты и злоупотребления в землевладении и землепользовании, пути их преодоления. Особое внимание уделяется формированию развитого рыночного оборота земли, организационным и правовым вопросам становления проверенной мировым опытом цивилизованной системы земельных отношений.

Ключевые слова: земля, земельные отношения, земельная собственность, рынок земли, формы землевладения, земельное законодательство.

Вековые российские преобразования в землевладении и землепользовании в их научной трактовке принято рассматривать как деятельность государства в решении «земельного вопроса». Но в реальной действительности это решение неизменно воплощалось в противоречивое нагромождение теоретических построений, практических полумер, откатов назад, неожиданных поворотов и явных странностей, иначе говоря, парадоксов. Последние неизбежно вели к «закреплению» или углублению почти перманентного аграрного кризиса со всеми его негативными последствиями для всего процесса жизнедея-

© Буздалов И.Н., 2012 г.

¹ Статья подготовлена по результатам разработки проектов Российского гуманитарного научного фонда № 12-02-00108а и № 12-02-00145а.

тельности на земле. А положение дел в землевладении и землепользовании неизбежно затрагивает фундаментальные проблемы общенационального значения. «Каков характер земледелия, – писал Ф.М. Достоевский, – таков характер нации», иначе говоря, таково реальное морально-нравственное и социально-экономическое состояние всего общества.

С начала ориентированных на рыночные, демократические принципы преобразований земельных отношений, определенных Законом РСФСР от 23 ноября 1990 г., а затем – Земельным кодексом РФ от 25 апреля 1991 г., прошло более 20 лет. Такого срока, судя по аналогичным преобразованиям в мировой практике, для системной реализации стратегии земельной и аграрной реформ в целом вполне достаточно. Однако фактические достижения, особенно в главном – предоставлении реального права собственности на землю непосредственно тем, кто ее обрабатывает, явно не отвечают этим принципам и целям реформирования.

Крестьяне в основной массе не стали подлинными хозяевами на земле. Многие нормы указанных и последующих правовых актов о более рациональном использовании и охране земли повисли в воздухе. Десятки миллионов гектаров прежде посевных площадей вообще выпали из оборота, а оставшаяся «в обработке» земля интенсивно теряет плодородие. Севообороты нарушены почти на всей площади пашни, резко сократились площади орошаемых земель. В то же время активно развиваются процессы эрозии и деградации земель, опустынивания и зарастания прежней пашни кустарником, мелколесьем, обычным чертополохом. Вместо предполагавшегося роста производства продукции сельского хозяйства произошло его масштабное сокращение, а объемы импорта продовольствия за последние годы перешагнули все разумные границы и превышают объем товарной продукции отрасли. Что же привело к таким неутешительным результатам новые попытки решить «земельный вопрос», представляющий собой исходную методологическую основу рацио-

нального построения современной системы аграрных отношений, формирования и профессионального осуществления социально ориентированной аграрной политики?

КОНЦЕПЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ: ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ...

Ведущий замысел преобразования земельных отношений, которым руководствовались реформаторы, исходил из проверенных мировым опытом основополагающих принципов: личной свободы, экономической дееспособности, социальной справедливости, составляющих суть современной концепции социального рыночного хозяйства. По существу, на этих же принципах базировались реформаторские идеи государственных деятелей второй половины XIX в., направленные на освобождение крестьянства от помещичьего и общинного крепостного права, наделение его фундаментальным гражданским правом частного владения землей и свободной предпринимательской реализацией этого права.

Отвечая блюстителям традиций и старинны, защитникам общинной формы закрепощения земледельца, объявлявших себя «патриотами России», С.Ю. Витте, анализируя ход крестьянской реформы 1861 г. и констатируя лежащие «на поверхности» факты, подтверждающие, что «община всегда и всюду проявляла себя как примитивная форма владения», характеризовал этот патриотизм исключительно с позиций «административно-полицейского удобства». Указывая на порочность земельных переделов и других общинных порядков, он отвечал «старьевщикам», что «чувство патриотизма и любви к старине похвально, но нужен еще разум... Разум же всякому, кто таковым обладает, говорит, что люди, народы, как все на свете, двигаются, только мертвое, отжившее стоит, да и то недолго, ибо начинает идти назад, гнить». И происходит это прежде всего по причине лишения челове-

ка права частной собственности, принципа индивидуальности – принципа, «на котором держится весь мир». Вследствие половинчатой и непоследовательной реализации этого принципа крестьянство хотя и освобождалось от «рабовладельцев, но оставалось в рабстве произвола, беззаконности и невежества, а при таком положении крестьянства государство не может мощно идти вперед, не может иметь то мировое значение, которое предуказано ему природой вещей» или, говоря языком экономической науки, объективными закономерностями общественного развития.

На более последовательное осуществление указанного принципа, на последовательное освобождение крестьян от общинной крепостной зависимости была направлена Столыпинская реформа земельных отношений, а следовательно, и всей системы аграрных отношений. Несмотря на сопротивление тех же старьевщиков, краткость срока практического осуществления реформы не только радикально меняла социальный климат и производственные показатели в самом сельском хозяйстве, но и содействовала общим прогрессивным сдвигам в развитии экономики страны. Этому способствовали устремления осуществить системный подход к проведению земельной реформы, когда в тесной взаимосвязи с преобразованием землевладения и землепользования реформировались другие стороны аграрных и всей системы экономических отношений. При этом государство, опираясь на соответствующую такому подходу научную концепцию, активно поддерживало и целенаправленно регулировало укрепление и развитие проверенных мировым опытом демократических, рыночных основ этих отношений.

Важное значение в достижении позитивных результатов реформы земельных и всей системы аграрных отношений имеет последовательность, этапность их проведения, отказ от соблазна поспешных, непродуманных решений для их осуществления в обход мнения самих «реформируемых». Аграрные преобразования, писал С.Ю. Витте, – рабо-

та «бесконечной сложности», и недопустимо проводить ее «спешно и огульно». При этом «в таком важном деле, как сельское хозяйство, – отмечал он, – едва ли целесообразно предпринимать какие-либо меры, не спросив тех, кто близко стоит к земледелию и кому лично известны его слабые стороны и насущные требования».

Но если общий стратегический курс осуществления нынешней аграрной реформы был направлен на отмену советского крепостного права в деревне, монополии государственной собственности на землю и ориентировался на использование тех же базовых принципов социального рыночного хозяйства, то в тактике преобразований возобладало устремление осуществить их ускоренно, разом демонтировать огосударвленную колхозно-совхозную систему. По сути, отсутствовал системный, народнохозяйственный подход к реформированию, а государство во многом устранилось от его активного и целенаправленного регулирования. Процессы аграрных преобразований стали сопровождаться стихийными, деструктивными проявлениями. Этому способствовало запутанное и противоречивое правовое обеспечение реформы, открывшее простор произволу на рынке земли, злоупотреблениям, коррупции.

Общий лейтмотив реформы «землю – крестьянам» в основном был реализован формально. Земли бывших колхозов и совхозов были распределены в частное владение, но не в «натуре», а в виде условных долей, т.е. на бумаге. Многие виртуальные земельные участки оказались невостребованными (на 1 января 2012 г. – около 23% общего числа), что привело к обвалу сельскохозяйственного производства и создало реальную угрозу продовольственной, а следовательно, общей национальной безопасности страны.

Сейчас, оперируя цифрами экспорта зерна, власти пытаются представить чуть ли не радужную картину использования земли и вместе с тем – общего положения дел в сельском хозяйстве, не замечая масштабных диспропорций и деформаций в развитии от-

расли. Зерно экспортировалось и в годы «социалистических» преобразований в деревне, сопровождавшихся подрывом кормовой базы и общим плачевным состоянием животноводства, недоеданием, а то и голодом самого крестьянства, т.е. признаками острейшего аграрного кризиса. И нынешний экспорт зерна (из доходов от которого самому селу ничего не достается) осуществляется на фоне подрыва базовых условий развития животноводства (падение уровня производства к 1990 г. составляло почти 40%) и беспрецедентного импорта замороженной и часто залежалой животноводческой продукции (в 2011 г. – на сумму свыше 600 млрд р.). Поэтому о благополучии в сельском хозяйстве можно будет говорить лишь тогда, когда при технической и социальной обустроенности и структурной сбалансированности земледелия страна станет экспортером, в том числе и продукции животноводства, особенно мясного. Пока же отрасль далеко не вышла из глубокого системного кризиса во многом вследствие отсутствия упорядоченности земельных отношений, что и привело, в частности, к резкому сокращению посевов кормовых культур (за 1990–2011 гг. в 2,4 раза), а также производства комбикормов.

В результате применения шоковых методов, формального раздела обобществленных земель в частную собственность многие реальные земельные угодья стали выпадать из активного оборота. То же самое подтвердил венгерский и болгарский опыт поспешной земельной приватизации, вызвавший небывалое падение сельскохозяйственного производства и его продуктивности. В российских же условиях, во-первых, большая часть крестьян не были готовыми стать «культурными» хозяевами на собственной земле и не хотели рисковать. Во-вторых, происходило не системное преобразование, а односторонняя реорганизация коллективных хозяйств в ожидании более взвешенных решений по земельному вопросу. Пока же право частной собственности на землю бывших членов колхозов и работников совхозов стало реализовываться путем закрепления за ними их условной земельной доли

в общем фонде земли, а не путем выделения соответствующего участка в натуре.

Такая реорганизация хотя позволила сохранить многие крупные хозяйства, но сопровождалась дезорганизацией внутрихозяйственных отношений, а часто – и прямым расхищением имущества. Правда, желающие завести свое фермерское хозяйство стали получать реальные земельные наделы из прежних обобществленных угодий. Сейчас их около 260 тыс. человек, т.е. немногим более 2% из почти 12 млн земельных дольщиков. К(Ф)Х являются собственниками 21% посевных площадей, на которых в 2011 г. производилось 22,1% зерновых, около 30% технических культур (всего около 8,7% общего объема сельскохозяйственной продукции). Несмотря на все невзгоды стихийно-шокового реформирования, некоторые из них, как правило, находящиеся в благоприятных условиях производства и реализации продукции, получающие высокие рентные доходы, оказались устойчивыми и жизнеспособными, хотя и работающими в несовершенной и нездоровой рыночной среде. Однако в целом рыночное реформирование земельных и всей системы аграрных отношений осуществлялось бессистемно – не по проверенному в мире концептуальному замыслу, а по сценарию, подобному ваучерной приватизации.

Страсть наживы, быстрого обогащения путем обретения права собственности на землю, особенно плодородную и выгодно расположенную близко к городам или транспортным путям, охватила не столько самих земледельцев, сколько предприимчивых дельцов-спекулянтов и чиновников, не имеющих часто прямого отношения к земле и сельскому хозяйству. Кроме того, отсутствие уверенности в успешном развитии фермерских хозяйств в условиях деформированных, криминализованных рыночных отношений склоняло многих сельских тружеников к продолжению работы в крупных товариществах, кооперативах или акционерных обществах.

В основной своей массе и работники «реорганизованных» СХО вскоре столкнулись

с ущемлением своих имущественных прав. Начали происходить массовые спекулятивные сделки и другие злоупотребления в отношениях между собственниками земельных участков на бумаге и их партнерами по земельному обороту на региональном и местном уровнях. В процессе такого «оборота» под разными предлогами, вплоть до прямого обмана, формальные владельцы земли – физические лица лишались реального права собственности на нее. Соответственно ослабевали мотивация к производительному труду и заинтересованность в улучшении состояния и использования земли. Вместо беспристрастного закона о земле с едиными, четкими и однозначными нормами действительно рыночного ее оборота, земельными делами в основном стало заправлять и сейчас продолжает заправлять разросшееся бюрократическое, во многом коррумпированное «землеустроительное» и прочее чиновничество. Выручаемые миллиарды долларов от продажи сельскохозяйственных земель, особенно в пригородных зонах, идут в карман кому угодно, только не труженикам самого сельского хозяйства. Давно ли объявлена «дачная амнистия», а бедные садоводы по-прежнему страдают от хождения по кабинетам чиновников и поборов.

Сейчас, например, в Московской области ⁴/₅ всех земельных долей под указанными предлогами практически вместе с крестьянами закупили всего 25 физических лиц – владельцев гигантских холдингов. Приобретенные, часто за бесценок, земельные доли превратились в огромные имения-латифундии земельных олигархов. Рыночная цена за 1 га земли в Подмоскovie доходит до 180–230 тыс. долл. И хотя по закону сельскохозяйственные земли должны использоваться по прямому назначению, при «посредничестве» того же чиновничества часть их (до 100 тыс. га в год за последнее время) открыто переводилась в другие категории и предоставлялась под коттеджи, виллы, охотничьи домики и другие нужды земельных и прочих олигархов. На 20 млн человек населения Москвы и Подмоскovie не осталось ни одной птицефабрики.

На продовольственных прилавках в основном импортная продукция или завезенная из других регионов. В этом же направлении процессы преобразования земельных отношений развиваются и в других субъектах РФ.

В то же время в социальном статусе крестьянина как бывшего наемного работника по сравнению с советской системой аграрных отношений мало что изменилось, если, конечно, не считать его возросшего бесправия и незащищенности. Причина этого в том, что монополия государственная сменилась монополией земельных магнатов, посредников, чиновников, а всякая монополия, как известно, ведет к загниванию, подавлению конкуренции и предпринимательской деятельности, разгулу коррупции. Масштабы взяточничества нередко просто «захватывают дух». В начале 2011 г. при получении взятки в 1 млн 300 тыс. долл. был задержан советник главы Солнечногорского района Московской области В. Третьяк за незаконное предоставление московскому олигарху под коттеджное строительство в аренду 3 га земли. В 2010 г. были арестованы три сотрудника администрации Пушкинской администрации, включая замглаву Д. Соломатина, за присвоение земельных участков, оцениваемых в 500 млн р. Только в первом полугодии 2011 г. органы прокуратуры Московской области выявили более 1500 махинаций с землей (а сколько не выявлено?). Но и по этим махинациям возбуждено всего семь уголовных дел. Одним словом, хотели как лучше, а получилось не только как всегда, а во многих случаях еще хуже.

О СОСТОЯНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЕМЛИ

По состоянию на 1 января 2011 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения в стране составила 393,4 млн га. Площадь сельскохозяйственных угодий – около 196 млн, из них пашня – 115 млн га, посевные

площади – 76 млн га (в 1990 г. – 117,7 млн га, т.е. сокращение составило почти 42 млн).

За 1990–2010 гг. площадь сельскохозяйственных угодий уменьшилась на 18 млн га, или 9%, валовая продукция сельского хозяйства – на 28,2%, в том числе растениеводства на 15,2%, животноводства – почти на 40%. Урожайность зерновых в 1990 г. находилась на уровне 19,5 ц/га (в 2010 г. – 18,3 ц/га), сахарной свеклы соответственно – 240 и 241 ц/га, семян подсолнечника – 13,7 и 9,6 ц/га, картофеля – 104 и 104 ц/га, овощей – 167 и 180 ц/га.

Обследования свидетельствуют о явном снижении экономического плодородия земли, а нынешний уровень ее продуктивности поддерживается за счет дальнейшего истощения естественных запасов питательных веществ почвы. Ежегодный их вынос сейчас почти в 3 раза превышает возврат, что связано с резким сокращением количества удобрений на 1 га посева. За 1990–2010 гг. это сокращение составило по минеральным удобрениям в 2,3 раза, по органическим – в 3,2 раза. Правда, производство минеральных удобрений в стране за этот период возросло с 14,6 млн до 18 млн т, но более 80% этого объема экспортируется и используется для удобрения и повышения плодородия земли бразильских и прочих зарубежных фермеров.

Отсутствие должного хозяйского отношения к земле объясняется прежде всего расстройством всего механизма реализации права частной собственности на землю, фактическим бесправием миллионов владельцев бумажных земельных долей, общим произволом и злоупотреблением в земельных отношениях. Лишь в секторе приусадебных и фермерских семейных хозяйств, где право частной собственности получило более осязаемое выражение (располагая 26% посевных площадей, они производят 55% валовой продукции сельского хозяйства), положение с состоянием и использованием земли, ее продуктивностью относительно благоприятное. Наоборот, в акционерных обществах, ООО, СПК, госхозах, гигантских агрохолдингах, где

непосредственные производители являются формальными собственниками-дольщиками, вся система земельных отношений остается деформированной, создающей «благоприятную» почву для произвола и злоупотреблений, разного рода махинаций с землей. Располагая 74% посевных площадей, эти СХО производят 45% продукции отрасли.

В статистической отчетности о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения приводятся сведения, что из всех земель, находящихся в частной собственности, якобы 96,8% (129 млн га) приходится на эти земли. Но по данным Росреестра на 1 января 2011 г. 76% из них (101,4 млн га) – виртуальные участки владельцев «бумажных» долей. Более половины этих долей (51,7%) их владельцы передали (или их вынудили передать) в аренду крупным СХО, агрохолдингам, земельным магнатам, 11,2% – в уставный капитал СПК, товариществ, другим СХО. Только 7,2% «долевладельцев» получили взамен «бумажных» свидетельств реальные земельные участки.

Сейчас 23,7% сельскохозяйственных земель (24 млн га) в виде «бумажных» земельных долей, принадлежащих 2,42 млн га (или 25,7%) их владельцев оказались невостребованными. Эти земли или незаконно, по «усмотрению» используются теми же крупными СХО, или находятся под надзором «недремлющего ока» муниципального чиновничества. Тем более закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (принят 27.01.2003) позволяет в судебном порядке принудительно изымать эти земельные доли в собственность муниципалитетов, т.е. в распоряжение местного чиновничества. Опыт такого «распоряжения» уже реальными участками, судя по приведенным выше примерам, известен. Сельское хозяйство, как правило, вообще теряет эти земли.

Элементы явной анархии в земельных отношениях являются непосредственной причиной или необоснованного перевода земель сельскохозяйственного назначения в другие категории, или деградации находящихся в

обороте участков. Так, за 1995–2010 гг. почти 2 млн земельных участков (17,2% площади перераспределенных земель) изменили категорию использования и выбыли из сельскохозяйственного оборота. Сейчас более 10 млн граждан не могут реализовать свои права земельных собственников и получить кредиты для улучшения состояния сельскохозяйственных земель из-за отсутствия регистрационных свидетельств и землеустроительной документации.

Все это привело к тому, что за время проводимых таким образом «преобразований» земельных отношений на 70,5 млн га посевной площади полностью нарушены севообороты, а на площади 11,5 млн га прежде осушенных и орошаемых земель прекратилось осуществление необходимых агротехнических и мелиоративных мероприятий. На огромных сельскохозяйственных территориях РФ площадью 24 млн га интенсивно развиваются процессы эрозии и других видов деградации почв, усиливаются опустынивание этих территорий (в Республике Калмыкия возникла первая в Европе пустыня). За время осуществления земельной реформы более 3 млн га пашни вообще заросло кустарником и мелколесьем.

Бессистемный характер проведения земельной реформы путем проб и ошибок сопровождается запущенностью необходимых землеустроительных работ, хотя с 2001 г. действует Федеральный закон «О землеустройстве», определивший порядок и неотложные меры по выполнению этих работ. До сих пор не проведена инвентаризация земель сельскохозяйственного назначения, не осуществлено разграничение земельных участков, используемых индивидуальными собственниками и СХО на различном праве. Соответственно эти участки не зарегистрированы и не поставлены на кадастровый учет, а земли фонда перераспределения, равно как земельные доли, не выделены в натуре.

Все это приводит к тому, что в целом отсутствуют необходимые организационно-территориальные условия и для развития

цивилизованного земельного рынка, купли-продажи, особенно ипотеки земельных участков. По сути, нет достоверной информации о количественном и качественном состоянии сельскохозяйственных земель, необходимой для построения действенного механизма регулирования рыночного оборота земли, обоснования размеров платежей за землю, земельного налога, контроля использования земель.

Крайняя неупорядоченность системы землеустройства ведет к нарушению его устойчивости и компактности, порождает парцелляризацию земельных участков, чересполосицу, волокиту в оформлении землеустроительной документации. Затрудняется привлечение инвестиций в сельское хозяйство, отработка действенного механизма целенаправленного регулирования землепользования, а, следовательно, – и всей системы земельных отношений.

ЗЕМЛЯ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Поистине плачевное состояние и неэффективное, часто явно бесхозяйственное использование земель сельскохозяйственного назначения – во многом результат отсутствия действенной правовой защиты земли и ее владельца, прежде всего индивидуального, частного земельного собственника. По форме земельное законодательство, представленное уже сотнями правовых и нормативных актов, является избыточным. Но именно эта избыточность в условиях крайне медленного продвижения нашего государства к независимой судебной системе, жесткости и волевых действий «вертикали» власти, вседозволенности «административного» ресурса и порождает так называемый правовой нигилизм, явный произвол в земельных и всей системе аграрных отношений. Следование пословице «закон, что дышло – куда повернул, то и вышло» в этих условиях открыло широкий простор.

Иное положение было бы с правовым регулированием земельных отношений и иным было бы состояние, качество, продуктивность земли, если бы в рамках преодоления правового нигилизма это регулирование осуществлялось четко прописанными нормами единого, детально проработанного Закона о земле или Земельного кодекса с основным его разделом сельскохозяйственного землевладения и землепользования. Необходимость единого государственного правового акта о земле прямого действия с включением в него норм ответственности за использование земли и ее экономической защиты государством вытекает из особых функций и особого значения земли как общенационального достояния, базовой основы всей жизнедеятельности человека, и прежде всего производства продуктов питания – этого, по словам классика, «самого первого условия жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще».

Ныне действующий с 2001 г. Земельный кодекс РФ к сожалению, имеет общий, декларативный характер, он «оброс» обилием противоречивых положений и норм других правовых и нормативных актов и не способствует становлению развитой, цивилизованной рыночной системы земельных отношений. Заранее соглашаясь с декларативностью основных норм кодекса, его разработчики «предусмотрительно» сделали отсылки к предполагавшемуся и принятому в 2003 г. Закону об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Параллельно действовали и продолжают действовать относящиеся к теме землевладения и землепользования нормы Гражданского, Семейного и Лесного кодексов, законов о сельскохозяйственной кооперации, личном подсобном хозяйстве, крестьянском (фермерском) хозяйстве, ипотеке, переводе земель из одной категории в другую и т.д. Получился, говоря словами М.Е. Салтыкова-Щедрина, своеобразный «сумрак законов» с нестыкующимися, нередко надуманными положениями и нормами, которые стали удобными для чиновничества, земельных магнатов,

руководителей СХО, правовой «крышей», позволяющей решать земельные дела «по усмотрению» и, естественно, для своей выгоды.

Многие считают, что закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в какой-то мере устраняет недостатки, неожиданности и странности записей в других актах земельного законодательства. Но эти акты продолжают действовать и предлагают свои правовые решения важных аспектов «земельного вопроса». На практике каждый земельный чиновник, административно назначенный судья, земельный магнат и т.д. выбирает более «удобные» нормы из разных, более «подходящих» правовых актов.

Еще немало людей, которым удобны и выгодны прежние колхозные порядки землевладения и землепользования. Понятие «колхоз» уже исключено из официальной статистической отчетности, его нет в действующем государственном реестре категорий хозяйств в аграрном секторе. Однако в принятом и действующем законе «О сельскохозяйственной кооперации» – это «приоритетная» форма якобы сельхозкооператива. (Другой, явно надуманной формой кооперации в сельском хозяйстве, в этом «дремучем», по некоторым оценкам, законе, объявлен «колхоз», о существовании которого даже в сельском хозяйстве ничего не знают.) Указанный закон устанавливает норму, согласно которой, колхоз (если это не настоящий кооператив), как и прежде, создается гражданами путем объединения их имущественных паевых взносов, денежных средств, земельных участков, земельных и имущественных долей и другого имущества, поступающего в паевой, а по сути, тот же «неделимый» фонд хозяйства. Тем самым частная собственность крестьян, в том числе на землю, вновь «обобществляется» и становится той же общественной, т.е. коллективной, иначе говоря, «совместно-ничьей» собственностью.

Правда, формально право частной собственности члена колхоза на земельную долю, даже на земельный участок, в законе признается. Но решение о форме (денежной или на-

туральной) и размерах возвращения члену этого якобы кооператива принадлежавшего ему ранее имущества в виде внесенного пая, включая земельный, с целью осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности при выходе из колхоза, по существу, принимает общее собрание. Советская и продолжающая ее современная, несколько модернизированная практика создания этих псевдокооперативов со всей очевидностью показала, как такие собрания проводятся и какие на них могут быть приняты решения, тем более если собрание будем правомочным при условии присутствия на нем всего 25% членов, с принятием решений простым большинством голосов.

Вряд ли нужно комментировать, что это будет означать (и наблюдается на практике), в частности, для развития фермерских хозяйств в России. Злоупотребления и решения, лишённые здравого смысла, сплошь и рядом объясняются у нас тем, что многие законодательные акты по сельскому хозяйству, принятые Государственной Думой, во многом являющихся компромиссом противоположных позиций депутатских фракций и групп, конгломератом противоречивых норм, в частности данный закон, не выполняется. Но возникает вопрос, а нужно ли такой «неудобоваримый», вводящий в заблуждение, рождающий кооперативных мутантов закон выполнять? Но раз закон есть, приходится им руководствоваться, однако часто – вопреки возрождению действительной кооперации.

Немало подобного рода вопросов и к «основному» для аграрного сектора земельному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», который в силу своего несовершенства и невнятности отдельных норм уже неоднократно подвергался изменениям и «корректировался». И хотя его последние корректировки определены Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения» (2010 г.), данный правовой акт так и не достиг

желаемого совершенства. Правда, например, преимущественное право собственника земельной доли в распоряжении этой доли (или выделенного в счет ее земельного участка) без согласия прочих собственников этот «исправленный» закон утверждает, но тот же закон о сельскохозяйственной кооперации, по сути, этого права не признает.

Сомнение вызывает правомерность, адекватность праву частной собственности, ее неприкосновенности, норме закона, предоставляющей приоритет муниципалитетов в приобретении пока не востребованных земельных долей (ранее этот вопрос решался путем соглашений между собственниками этих долей или между ними и сельскохозяйственной организацией). Здесь – широкое поле для формально «законного» произвола. Ведь невостребованность земельных долей часто объясняется объективными обстоятельствами: ожиданием более благоприятной конъюнктуры на рынке земли, более высокой цены на нее, незавершенностью землеустроительных и учетно-кадастровых процедур и т.д., а также общей запутанностью и сумбурностью земельного законодательства, заставляющей «подождать» с распоряжением своей земельной долей. Игнорировать эти объективные причины – значит встать на путь фактической вседозволенности в отношении миллионов собственников земельных долей, соответствующих площади 24 млн га (средний размер доли по стране около 9,9 га). Махинаторы с землей такого «правового» решения только и ждали.

Так что в целом оценить рассматриваемый «улучшенный» закон положительно с позиции концепции и механизма рыночных отношений, включая рынок земли с его основными сегментами купли-продажи, аренды и особенно залога, не представляется возможным уже потому, что принципиальные его нормы отдают приоритет не экономическому, рыночному, а больше административно-чиновничьему регулированию, волевым решениям, прямым злоупотреблениям, ущемляющим права земельных собственников, прежде всего физи-

ческих лиц, – владельцев земли на бумаге – в форме ее аморфных долей, этих, по словам пословицы, «журавлей в небе».

В представленном федеральным агентством «Роснедвижимость» на заседании проведенного 27 февраля 2007 г. в Совете Федерации круглого стола по земельно-ипотечному кредитованию информационно-аналитическом материале под благовидным предлогом концентрация земли у крупных эффективных собственников признается оправданной вообще сократить число собственников земельных долей до 3 млн. Высказывается предложение, в том числе некоторых представителей аграрной экономической науки, о «передаче земли народу», т.е. ее новой национализации с предоставлением сельхозпроизводителям участков только в аренду. А поскольку национализация означает на деле передачу земли не народу, а в распоряжение тех же чиновников, то нетрудно предположить последствия такой массовой передачи, апробированной в советское время. Аренда же земли по разрешениям и запретам чиновников – это необъятное поле для злоупотреблений и коррупционных сделок с землей, которые исключаются при частном владении и нормальном ее рыночном обороте.

В целом подведена противоречивая, а в существенных моментах по сути *антиконституционная юридическая база* для разного рода чиновничьих и монополистических манипуляций на рынке земли. Она дает свободу волевым действиям руководителей гигантских земельных конгломератов, включающих в производственный каркас сверхкрупные, трудно управляемые объединения предприятий различного несельскохозяйственного направления, а также сельскохозяйственные организации. При этом земельные доли владельцев фактически складываются монополистами за символические вознаграждения или заманчивые обещания. В последние годы такие конгломераты получили развитие в разных регионах страны, особенно в Белгородской области, о чем часто с восторгом сообщают местные руководители, некоторые

средства массовой информации и экономисты-аграрники, путающие гигантоманию с оптимально крупным производством, полагая, что именно такие объединения выведут на путь возрождения деревни и подъема сельского хозяйства. В социально-экономическом плане эти восторги представляются больше эмоциональными, а прогнозы с точки зрения рациональной социальной структуры аграрного сектора России – по меньшей мере сомнительными.

Пока на деле получается, что страна в который раз пытается удивить мир, увлекаясь гигантоманией, видимостью реформ, полумерами или контрреформами. Мировая практика уходит от латифундий, развивая товарное фермерское хозяйство с его нормальной «вертикальной» кооперацией. Кооперативные образования фермерских хозяйств увеличиваются в своих размерах до оптимально крупных, используют постоянных или временных наемных работников, включают кооперированных земледельцев в процессы рыночного предпринимательства. У нас же в соответствии с поэтической притчей об особой российской «статии» – не стремление шагать в ногу с мировой практикой, а направить движение в прямо противоположном или явно ложном направлении. И в том, и в другом случае подавляется извечный, определяющий саму сущность жизнедеятельности земледельца принцип – «землю – тем, кто ее обрабатывает» или, иначе говоря, кто является собственником земли и улучшает ее своим трудом.

При нынешнем отсутствии на селе, особенно в глубинке, альтернативных источников заработка, крайне низкой осведомленности «владельцев» земельных долей о своих правах, продолжающемся старении жителей села и невозможности пожилых селян сменить местожительство и привычный образ жизни массовую сдачу этих долей во многих случаях, по существу, «за шапку сухарей» в аренду или за такую же «цену» их продажу земельным монополистам можно рассматривать как кабальную сделку или грубое извращение указанного принципа. Дело, однако, не

только в низком уровне арендной платы или цены земельного участка, в частности закладываемого под ипотечный кредит, а в том, что на наших глазах происходит окончательное раскрестьянивание деревни и искусственное «насаждение» олигархических собственников земли на основе использования чрезвычайно «благоприятной» для них, однако далеко не предпринимательской конъюнктуры на деформированном аграрном, в том числе земельном, рынке.

До сих пор отсутствуют необходимые законодательные ограничения на предельные размеры концентрации земли в руках отдельных собственников и должного (и иногда всякого) контроля над нормальным рыночным оборотом земли. Все это имеет и будет далее иметь необратимые отрицательные последствия не только для нынешних селян, но и для их грядущих поколений, которых земельные олигархи с помощью разросшейся рати регионального, районного и сельского муниципального чиновничества навсегда оторвут от земли. О каком государственном регулировании, равно как и о местном самоуправлении, о демократизации жизни на селе вообще, о повороте к человеку в проведении земельной, а следовательно, общей аграрной реформы может идти речь, когда в монополистско-чиновничьем «земельном обороте» голос отдельного человека, даже если он формально объявлен или стал собственником земли, часто совсем не слышен.

Существенным концептуальным недостатком «рамочного», т.е. содержащего общие нормы Земельного кодекса, как и Закона об обороте сельскохозяйственных земель, является то, что в этих и других правовых «земельных» актах не устанавливается предельных, отвечающих критериям экономического оптимума размеров земельных участков в собственности физических и юридических лиц. Если речь идет о действительно экономически и социально ориентированном на крестьянские ценности и критерий эффективности земельном законодательстве, то оно объективно предполагает предельные нормы

максимальных размеров концентрации земли в индивидуальном или корпоративном владении. Пока таких предельных норм в нынешнем российском земельном законодательстве нет, а на мировой опыт оптимизации землеустройства творцы этого законодательства о земле мало обращают внимания или ссылаются на ту же российскую «особую статью», удобную для оправдания бесхозяйственности.

Между тем ограничению, точнее, оптимизации размеров участков земли сельскохозяйственного назначения в собственности фермера в правовом регулировании земельных отношений многих европейских стран, в частности Дании, Германии, Франции, Испании, Швейцарии, Норвегии, Италии и т.д., уделяется особое внимание. В Германии, например, максимальная концентрация земли на одно хозяйство законодательно определена в 400–500 га (без восточных земель), в Дании – в 150 га (в собственности и аренде). С такими, даже меньшими, площадями широко практикуются залоговые сделки, в то время как у нас якобы рациональными являются подобные сделки с земельными участками в 1–1,5 тыс. га и более.

Следует отметить, что в ряде стран, наряду с предельными максимальными размерами сельскохозяйственного землепользования, установлены и минимальные ее размеры как условие препятствования чрезмерному дроблению земли, затрудняющему ее рациональное использование и нормальный рыночный оборот. В то же время земельное законодательство многих западных стран отказывает в возможности юридическим лицам приобретать землю, а банки, получившие в залог фермерскую землю, не могут стать ее собственниками. У нас в этом вопросе, по меньшей мере, нет ясности. И уже наблюдаются случаи, когда сельхозпредприятия, передав землю коммерческим банкам под залог, даже при хорошем урожае, но, как правило, при отсутствии возможности погасить задолженность кредитным организациям в условиях диспаритета цен в АПК просто теряют землю.

Правда, есть страны, где предельные размеры землевладения и землепользования не установлены. Но там нет таких, как у нас, «благоприятных» в смысле стихийной конъюнктуры и прямого произвола на земельном рынке условий для концентрации земли в одних руках и действуют другие, косвенные экономические (прежде всего налоговые) ограничители этих размеров. В этих странах в основном или исключительно за счет государственных бюджетных источников создана эффективная система землеустройства, а у нас, как показано выше, пока ее только пытаются создать, хотя закон о землеустройстве действует уже более 10 лет. Во-первых, межевание как важнейшее звено землеустройства предполагает наличие у каждого собственника реального земельного участка, и у миллионов собственников имеются пока лишь повисшие в воздухе земельные доли. Во-вторых, утверждается, что это никак нельзя выделить на цели землеустройства средства федерального бюджета примерно на те же десять лет, хотя речь идет о ежегодной сумме в 3,0–3,5 млрд р. Власти пытаются переложить эти мизерные для федерального бюджета суммы, а тем более – для золотовалютных резервов страны – на сомнительные с точки зрения источников бюджеты муниципалитетов и тем более – на еще более сомнительные внебюджетные средства.

При сложившемся положении дел и совершенно разлаженном экономическом и правовом механизме, часто волевых методах решения обострившегося до пределов «земельного вопроса» следует не только учитывать экономическую сторону проблемы, связанную с правом собственников земли, размерами землевладения и т.д., но и упорядочить, оптимизировать социальную структуру аграрного сектора, которая в до сих пор остается предметом научных дискуссий. Как известно, в странах Европы основу социальной структуры сельского хозяйства, и что особенно важно – стратегии всего сельского развития, составляют малые семейные формы. В Италии, например, три четверти всех

земельных собственников владеют наделами (включая лесные угодья), не превышающими 5 га. Только 1,6% землевладельцев в этой стране располагают земельными площадями свыше 50 га. У них сосредоточено около 35% всех сельскохозяйственных угодий, но они производят только около четверти стоимости конечного продукта сельского хозяйства. А это значит, что основную массу продукции в Италии и ряде других стран и сейчас с наибольшим эффектом на преобладающей по размерам земельной площади производят мелкие фермы, функционирующие в рамках оптимально крупных вертикальных кооперативных объединений. У нас при отсутствии эффективно функционирующей кооперативной системы, общем преобладании крупных СХО последние занимают $\frac{2}{3}$ посевных площадей и производят лишь 45% общего объема продукции сельского хозяйства. Этот явный структурный перекос негативно сказывается на общем состоянии и эффективности использовании земли.

В тех странах ЕС, где средние размеры ферм относительно больше, основу их тем не менее составляют семейные фермы. Так, в Дании насчитывается около 70 тыс. крестьянских хозяйств со средней площадью в 36 га, функционирующих в развитой кооперативной системе. Здесь, как и во многих других странах Сообщества, в отношении преобладающего в аграрной структуре сектора семейных хозяйств проводится активная политика аграрного протекционизма, четко прописанная в аграрном законодательстве. В соответствии с ним посредством прямой бюджетной поддержки государством мелких хозяйств, развития соответствующей сельской дорожной сети, всей социальной инфраструктуры сдерживается отток населения из сельской местности, обезлюдение обширных регионов с неблагоприятными условиями, в частности отдаленных от цивилизации высокогорных сел. В Греции, например, благодаря такой целевой поддержке 62% занятых в сельскохозяйственном секторе успешно ведут хозяйство на отдаленных или неблагоприятных с точки

зрения качества земельных угодий сельскохозяйственных территориях. В российской действительности на таких территориях, в сельской глубинке, земля опустела, на ней некому работать и некому ее осваивать.

ЗАЩИТА ЗЕМЛИ – ГЛАВНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Глубокий исследователь земельного вопроса Д.И. Менделеев конкретизировал эту функцию государства в том смысле, что защита земли, а следовательно, и самого земледельца «равносильна защите самого государства». Земля, кто бы ни был ее конкретным собственником, – ничем не заменимое *общенациональное* достояние, по известному классическому определению – «мать богатства», и соответственно оплодотворяющей ее труд является «отцом», источником увеличения этого богатства, – в данном случае богатства ничем не заменимой жизненной важности. Отсюда первостепенная задача государственных институтов, прежде всего правительства, других ветвей власти, политического руководства, целенаправленно и системно реализовать эту функцию, обеспечив тем самым прочность и мощь всего государства, его устойчивое развитие. Для цивилизованных стран современного мира, поднявших свое сельское хозяйство на уровень социального благополучия, прогресса, действительно инновационного развития, решение этой задачи является важнейшим народнохозяйственным приоритетом.

В совокупности взаимосвязанных направлений и мер защиты земли государством особая роль в этих странах отводится государственной правовой защите, качеству, четкости, целенаправленности, предметности и однозначности земельного законодательства. Земельное и в целом аграрное законодательство, обеспечивающее прочную правовую защиту земли и обрабатывающего ее земельного собственника, строится в тесной взаимосвязи

с активной экономической защитой, которая неизменно базируется на принципах аграрного протекционизма и является важнейшим базовым элементом всей аграрной политики. В реализации этих принципов правительства таких стран – нынешних членов ВТО – с успехом «перешагивают» через правила этой организации, обеспечивая массивную поддержку своих сельских товаропроизводителей, вкладывая на единицу земельных угодий в 5–10 и более раз больше, чем в России. Тем самым обеспечивается действительный, а не преимущественно декларативный, как это наблюдается у нас, приоритет развития сельского хозяйства, следовательно, создаются реальные экономические возможности повышения качества и плодородия земли.

Из современной мировой практики стран, активно осуществляющих политику аграрного протекционизма, можно указать Норвегию, Южную Корею, США, страны ЕС. Действительная общенациональная забота государства о крестьянском сословии как «корневой системе» нации, каждой конкретной крестьянской семье, условиях труда и качестве жизни в деревне приносит свои неоценимые плоды для общего экономического развития и поддержания социальной гармонии в стране. Так, в Норвегии объем среднегодовой поддержки аграрного сектора страны составляет почти $\frac{2}{3}$ стоимости валовой сельскохозяйственной продукции, а в расчете на сельского жителя – более 30 тыс. долл., на 1 гектар сельхозугодий – около 3 тыс. долл. против соответственно – 120 и 10 долл. в России.

Масштабное государственное субсидирование аграрного сектора осуществляется во многих других странах (причем не имеющих серьезных запасов нефти и газа, например в бывшей отсталой российской окраине Финляндии, ныне экспортирующей нам в обмен на сырье мирового класса станки, оборудование, электронику и т.д., да и качественные продовольственные товары), что обеспечивает их экономический и социальный прогресс в сельском хозяйстве, а следовательно, и фактическое «преодоление существенных различий

между городом и деревней». В Финляндии бедная от природы, экономически и законодательно защищенная, социально обустроенная земля обеспечивает прочную продовольственную безопасность страны. В России с ее десятками миллионов гектаров уникальных черноземов сохраняется серьезная угроза этой безопасности.

Российское государство, бесспорно, ослабило масштабы пресловутой перекачки (фискальных изъятий через департамент цен, налоги и т.д.) созданного крестьянским трудом национального дохода, но не обеспечивает прочной и активной экономической защиты земли и самого земледельца. Селу возвращается часть изымаемых у него через механизм этой перекачки доходов, но суммы этого возврата не отвечают принципам аграрного протекционизма и социальной справедливости в отношении крестьянства и задачам повышения экономического плодородия земли. В 2009 г. только по расчетам на товарную продукцию СХО государство и субъекты монопольного окружения села «выкачали» из сельского хозяйства около 1,3 трлн р. вновь созданной стоимости отрасли. Селу же было возвращено через бюджетные назначения $\frac{1}{10}$ этой суммы, причем работающие на земле непосредственные производители получили менее $\frac{1}{4}$ этих назначений. В 2010 г. аграрный бюджет вообще был сокращен до 104 млрд р. (9% суммы перекачки), т.е. до 3,5 млрд долл. Но и на 2012 г. он определен в сумме около 140 млрд р. против минимально необходимых 500 млрд р. и даже «разрешенных» правилами ВТО 260 млрд р.

Серьезно улучшить качество земли при такой поддержке, даже сохранить его на нынешнем уровне невозможно. А декларативная «установка» Доктрины продовольственной безопасности вовлечь в оборот миллионы гектаров заброшенных земель – не что иное, как благое пожелание.

Формирование развитой, эффективной рыночной системы земельных отношений в сельском хозяйстве, которое бы обеспечило его высокую конкурентоспособность, пред-

полагает усиление регулирующей роли государства в ликвидации существующих диспропорций и деформаций в экономическом механизме АПК, прежде всего в его основной ценовой подсистеме. В ложном направлении ориентируют некоторые предложения, согласно которым земельно-ипотечное кредитование якобы может «выручить» сельхозпроизводителей в условиях отсутствия у них средств на долгосрочные инвестиции, связанного с указанными выше деформациями. На самом деле земельный рынок может успешно развиваться, в том числе в направлении залога земель, при устойчивом финансовом состоянии различных форм хозяйства и обеспечения на этой основе высоких стимулов сельскохозяйственного труда.

Экономические расчеты показывают, что достижение такого состояния прежде всего через протекционистскую бюджетную поддержку аграрных цен предполагает обеспечение сельхозпроизводителям при реализации их продукции рентабельности в пределах 20–25% при оплате труда работников сельского хозяйства на данном этапе его развития не ниже 70% к среднему по народному хозяйству уровню (с учетом фактического уровня оплаты на протяжении последних 10–12 лет отрасль в целом является убыточной). Только при этом условии можно повысить инвестиционную привлекательность вложений в землю.

Источниками пополнения аграрного бюджета могут стать: прогрессивный подоходный налог, природная рента, основная часть выручки от продажи земель сельскохозяйственного назначения, от экспорта зерна, сверхдоходы посредников и т.д. При этом в качестве первоочередной меры в этом направлении было бы социально справедливо списать всю кредиторскую задолженность сельского хозяйства – как возникшую не по его вине, а вследствие диспаритета цен и непрофессионализма в проведении фискальной, антипротекционистской направленности общей макроэкономической политики государства по отношению к селу. Одновременно следует освободить от подоходного налога и

СХО, оплата труда в которых ниже указанного выше критического уровня (70% к среднему по экономике), а рентабельность – ниже 15%.

Даже если привлечь половину названных источников, что экономически оправдано и социально справедливо, а главное – вполне реально и в условиях нынешнего финансово-экономического положения в стране, то полученные суммы заведомо превысят указанную минимально необходимую величину аграрной части федерального бюджета. Государственная программа на 2008–2012 гг. за счет средств федерального бюджета, однако, предусматривает выделить треть этой величины, причем в общей сумме поддержки села она составляет всего 39%. Остальное финансирование программы перекладывается на ограниченные региональные бюджеты и внебюджетные источники (соответственно – 38,7 и 22,1%, а в абсолютном выражении на 5 лет – 544,3 млрд и 311,0 млрд р.).

Что касается распределения аграрного бюджета, то здесь необходимо обеспечить как строго дифференцированный подход в зависимости от эффективности производства, так и общую масштабную модернизацию всей сельской социальной и инженерной инфраструктуры, дорожной сети, системы связи независимо от финансового состояния СХО. При нынешнем состоянии социальной сферы села закрепить уже подготовленных и способных организовать более рациональное использование земли миллионы выпускников специальных учебных заведений аграрного профиля практически невозможно. Из-за отсутствия необходимых условий жизни и деятельности в деревне до 80% оканчивающих вузы предпочитают уходить в другие отрасли экономики, часто – на высокооплачиваемые рабочие профессии в городах, чем работать в селе. Но чтобы радикально изменить эти условия, необходимо, во-первых, не обирать и без того бедного земледельца, а наоборот, учитывая зарубежный опыт, поддержать его необходимыми для такой модернизации ресурсами, на деле реализуя провозглашенный

и неоднократно подтверждающийся нынешним руководством страны приоритет развития сельского хозяйства.

В определенной мере этот приоритет отражен также в национальном проекте «Развитие АПК» (2005 г.), Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг., аналогичных программных разработках на 2013–2020 гг., но больше в плане общих замыслов, а не адекватного обеспечения ресурсами. Сам инициатор указанного проекта – Президент РФ В.В. Путин – отмечал «недопустимо малую» его финансовую поддержку. Иллюстрация такой же недопустимости показана выше в отношении упомянутой государственной программы. Она присутствует и в новых программных разработках по сельскому хозяйству на 2013–2020 гг.

Правда, в статье В.В. Путина в газете «Ведомости» от 18 марта 2012 г. о современных и предстоящих задачах экономического развития страны вновь проводится мысль о том, что Россия не может быть исключением в активной государственной поддержке сельского хозяйства – по опыту «всех развитых стран». Однако эта мысль по-прежнему не конкретизируется с точки зрения бюджетной политики, размеров поддержки села. Приведенные выше конкретные данные свидетельствуют о том, что пока не видно серьезных сдвигов в этой области, а значит – и в действительной экономической защите государством земли и земледельца, как это делается во всех этих странах мира.

Проще всего объяснить мизерность государственной поддержки села нехваткой бюджетных средств, которые уже «расписаны» по отраслям и сферам народного хозяйства. Но возникает вопрос, а учтен ли в этой «росписи» (с заведомыми «откатами» и «распилами» миллиардов этих средств) принцип приоритетности, нет ли в некоторых приоритетах явных просчетов, субъективных, «любительских» подходов со стороны «расписывающих»? Почему интересы и амбиции

оборонных отраслей, полиции, спортивных фанатов и т.п. оказываются выше интересов и нужд крестьянства, разве дефицит продовольствия меньше угрожает национальной безопасности, чем, например недостаток танков? Почему приоритет затрат на Олимпиаду–2014», «Роскосмос» и т.д. выше затрат на сельское хозяйство? Ведь доля аграрного сектора в бюджете страны и так спустилась до 1,2%, и это – на 27% сельского населения. А не в том ли дело, что якобы нехватка средств для государственной поддержки села есть прямое следствие явного пренебрежения власти ответственным выбором приоритетов и мнением широкой общественности?

Ответ на эти вопросы, если на деле учитывать опыт «всех развитых стран», очевиден, и он совершенно не подтверждает умозаключений о недостатке средств для государственной поддержки сельского хозяйства, тем более что для этого имеются указанные выше реальные дополнительные источники. Явные перекосы в расстановке приоритетов, сопровождающиеся пресловутой «перекачкой» средств, свидетельствуют об очевидных признаках просчетов в аграрной и общей экономической политике государства.

Представители финансового и экономического блока правительства считают, что размеры государственной поддержки сельского хозяйства следует рассматривать с учетом выделяемых на льготных условиях кредитов. Но кредиты – это не «добавочные» вложения, ведь субсидированные кредиты предстоит полностью возвращать. А между тем уже сейчас (данные за 2011 г.) кредиторская задолженность СХО достигла колоссальной суммы – свыше 1,5 трлн р. Это значительно превышает их выручку от реализации продукции и многократно получаемую ими прибыль. При фактической убыточности сельского хозяйства в условиях сложившегося диспаритета цен финансовых возможностей для такого возврата, если даже и далее «экономить» на заниженной оплате труда селян более чем на 50% (тем самым стимулируя снижение трудовой активности и отток квалифицированных

и перспективных работников из села), подавляющее большинство хозяйств не имеет. Совершенно иными были бы экономические условия воспроизводства в сельском хозяйстве при соблюдении и поддержании ценового паритета, что изменило бы и сами функции, и результативность кредитной политики. Зачем СХО залезать в кредитную («ростовщическую» по нынешним процентным ставкам) долговую яму, если при поддержке аграрных цен (достигающих в тех же развитых странах до 80% общей суммы государственной поддержки) они будут иметь собственные денежные источники, в том числе для покрытия сезонных затрат?

Разумеется, наряду с государственной поддержкой необходимы усилия самих СХО в направлении повышения эффективности использования земли и других ресурсов. Пока это удастся ограниченному числу хозяйств, прежде всего представленных клубом «Агро-300»), куда входят 1,3% общего числа крупных СХО. В этом очевидна роль качества человеческого фактора, профессионализма руководителей таких хозяйств, но и, как правило, более благоприятных условий производства и реализации продукции, а следовательно, и получения «добавочных» вложений в землю, и в целом – более высокого уровня технического оснащения производства. Одновременно именно эти же хозяйства пользуются приоритетным порядком получения бюджетных и кредитных ресурсов, т.е. прямой протекционистской защиты земли и земледельца со стороны государства. К сожалению, перераспределение этих ресурсов, как и в советские годы для создания «маяков» и престижа местных властей, осуществляется «выборочно», в пользу ограниченного числа, как правило, крупных предприятий и агрохолдингов. Основные землепользователи и производители сельскохозяйственной продукции – масса других крупных и средних хозяйств, малых семейных форм, тем более в глубинке, в большинстве своем лишена такой поддержки.

* * *

Таким образом, земля вместе с работающим на ней российским земледельцем в целом не имеет необходимой для осуществления модернизационной стратегии развития сельского хозяйства правовой и экономической защиты. Обеспечение такой защиты с опорой на проверенный опыт всех развитых стран требует существенного пересмотра аграрной политики и переориентации общей государственной экономической стратегии на действительный приоритет сельского развития. Пока в обеспечении этого приоритета преобладают благие намерения, полумеры и недостаток политической мудрости, профессионализма в государственном управлении и экономическом регулировании воспроизводственного процесса в народном хозяйстве.

Чтобы, опираясь на указанный опыт, воплотить эти намерения в жизнь, требуется осуществить комплекс мер правового и экономического характера, который прежде всего устранил бы сложившиеся структурные деформации и перекосы в экономике, тормозящие и дезорганизующие весь процесс возрождения сельского хозяйства. Эти меры необходимо проводить в рамках следующих основных направлений, которые включают экономическую и правовую защиту земли и крестьянства:

1) полное финансовое обеспечение приоритета сельского развития на ближайшую перспективу в указанных выше объективно необходимых и последовательно наращиваемых размерах, прежде всего за счет использования названных источников и возвращения селу основной части социально несправедливых и экономически необоснованных изъятий государством и субъектами монопольного окружения отрасли созданного в ней национального дохода;

2) разработка и последовательное системное применение действенного механизма реализации этого приоритета и более рационального использования бюджетных и собственных ресурсов СХО и

3) создание адекватного этим направлениям радикально обновленного земельного и общего аграрного законодательства.

Действующий экономический механизм АПК характеризует крайне низкая эффективность, вследствие чего и те скудные ресурсы государственной поддержки села не дают должной отдачи и в значительных размерах не доходят до непосредственного производителя. Ценовой, кредитно-финансовый, налоговый и другие рычаги и инструменты этого механизма противоречивы, не согласованы между собой, т.е. не образуют единой системы. Они не выверены с точки зрения внутриотраслевых приоритетов, эффективности, необходимого ресурсного обеспечения, его дополнительных источников. Отсутствует жесткая адресная ответственность за результаты использования этих инструментов. В итоге ослабляются или сводятся на нет как регулирующие, так и стимулирующие функции всей системы государственного управления сельским хозяйством.

Что же касается действующего земельного и общего аграрного законодательства, то, как отмечено выше, в принципе и особенно с точки зрения действительно приоритетной, активной протекционистской поддержки сельское хозяйство нуждается в основательной «ревизии», всестороннем обновлении и систематизации.

Если всерьез на общегосударственном уровне заняться созданием действительно современного, высокоэффективного сельского хозяйства и фундаментальным законодательным обеспечением его устойчивого развития, то необходимо разработать и принять *полноценный* Федеральный закон «О землях сельскохозяйственного назначения» или ввести соответствующий раздел в единый Закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации», причем прямого действия. Такой закон прежде всего должен *определить и детализировать основные направления земельной и в целом аграрной политики с соответствующими государственными целевыми программами и проектами. Следует придать четкость, ясность и предметность формам, методам,*

а главное – размерам и механизмам активной государственной поддержки сельского хозяйства, лоббирования интересов села. Такой же четкостью и предметностью в законе следует отмечать меры ответственности и другие условия, обеспечивающие динамичное развитие непосредственно аграрного производства и действительно радикальные изменения в качестве и продуктивности земли, условиях труда и жизни современного российского земледельца.

Литература

- Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. 2009. № 9.
- Буздалов И.Н. Сельское хозяйство под прессом межотраслевых и макроэкономических деформаций // Аграрная наука современной России. 2009. № 9.
- Буздалов И.Н. Условия и направления экономической модернизации сельского хозяйства России // АПК: экономика управление. 2010. № 5.
- Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Мысль, 1991.
- Волков С.Н. Землеустроительное обеспечение и использование земель сельскохозяйственного назначения // Агропродовольственная политика России. 2012. № 1.
- Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения / Министерство сельского хозяйства. М.: ФГНУ «Росинформ-агротех», 2010.
- Земельный кодекс Российской Федерации от 21 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ 2001. № 44. С. 4147.
- История земельных отношений и землеустройства / Под ред. А.А. Варламова. М.: Колос, 2001.
- Менделеев Д.И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Кондратьев Н.Д. Аграрный вопрос: О земле и земельных порядках. Как нам обустроить крестьянскую жизнь. Пенза, 1997.
- Назаренко В.И., Шмелев Г.И. Земельные отношения и рынок земли. М.: Памятники исторической мысли, 2005.
- Рыбаков А. Кто остановит махинации с землей? // Российский фермер. 2012. Январь.
- Узун В.Я. Аграрная реформа в России: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2008. № 10.
- Шагайда Н.И. Особенности оборота сельскохозяйственных земель в России: институциональный анализ. М.: ЭРД, 2006.
- Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Российская газета. 2002. 27 июля.
- Федеральный закон от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” и Федеральный закон “О землеустройстве”» // Российская газета. 2005. 20 июля.
- Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 435-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения» // Российская газета. 2010. 31 дек.

Рукопись поступила в редакцию 23.04.2012 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ПЛАТЕЖЕЙ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.Ю. Ховавко

В статье рассматривается механизм платежей за загрязнение окружающей среды, занимающий центральное место в системе экологического регулирования в Российской Федерации. Существующая система платежей обеспечивает низкий уровень интернализации экологических экстерналий. Показано, что подходы к реформированию системы платежей надо искать как выход из институциональной ловушки.

Ключевые слова: экологическое регулирование, интернализация внешних эффектов, плата за загрязнение.

ВВЕДЕНИЕ

Государственное экологическое регулирование можно рассматривать как систему формальных правил, ограничивающих воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду, и санкций за их несоблюдение. Необходимость регулирования вызвана тем, что при использовании общественных благ и появлении внешних эффектов обнаруживается несостоятельность рынка, который не дает достоверных оценок общественной ценности благ, не формирует мотивацию производства общественных благ и устранения негативных внешних эффектов субъектами рынка. Наличие неторгуемых и неоцениваемых благ/антиблаг ведет к расхождению оценок реального распределения ресурсов с эффективным распределением, которое сложилось бы на

© Ховавко И.Ю., 2012 г.

идеальном конкурентном рынке. Поскольку внешние эффекты существуют тогда, когда действия субъектов рынка не имеют обратной связи, то ключом к повышению эффективности управления в рыночной экономике является искусственное создание недостающей обратной связи путем интернализации внешних эффектов (включения внешних издержек во внутренние). Важным выводом экономической теории является вывод о необходимости вмешательства государства в регулирование внешних эффектов.

Загрязнение окружающей среды – классический негативный внешний эффект, свидетельствующий о том, что общество перешагнуло предел, определяемый ассимиляционным потенциалом (потенциалом ассимилирования) природы. Поэтому настала необходимость создать механизмы, регулирующие доступ к этому ограниченному ресурсу. Задача системы экологического регулирования – обеспечить интернализацию внешних эффектов от загрязнения окружающей среды, а эффективность регулирования можно оценивать на основе полноты интернализации внешних экологических эффектов.

СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Система экологического регулирования производственной деятельности в Российской Федерации представляет собой разрешительную систему, имеющую обязательный характер. Основными инструментами, регулирующими воздействие производственной деятельности на окружающую среду в России, выступают производственно-хозяйственные нормативы (в западной терминологии – непередаваемые разрешения на выбросы, или лицензии на выбросы без права передачи),

которые предприятия обязаны за свой счет разработать, согласовать и утвердить. Разрешительная документация включает разрешения на выбросы вредных веществ в атмосферный воздух (предельно-допустимые выбросы, ПДВ); на сброс загрязняющих веществ в составе сточных и (или) дренажных вод (нормативно-допустимые стоки, НДС); нормативы образования отходов и лимиты на их размещение (НООЛР); разрешения на временно согласованные выбросы/сбросы (ВСВ/лимиты и др.). Формой реализации рыночных методов интернализации экологического ущерба от загрязнения окружающей среды выступает плата за негативное воздействие, которая в России тесно увязана с производственно-хозяйственным нормированием. Действует трехставочный тариф платы за выбросы: а) в пределах ПДВ/НДС; б) в пределах установленных лимитов; в) за сверхлимитное загрязнение.

Механизм платежей был спроектирован еще при плановой экономике. Эффект заключался уже в самом факте введения платежей, принципиально изменившем систему налогообложения и в целом отношение общества к состоянию окружающей среды. По мнению некоторых экспертов (Экономические проблемы..., 2003, с. 357), платежи реально осуществляли координационную функцию лишь до февраля 1992 г.

Негативные процессы, связанные с изменениями условий хозяйствования (спад производства, гиперинфляция, неплатежи, развитие теневой экономики, коррупция и др.), не могли не сказаться на механизме платежей. Ослабление государства как гаранта выполнения правила привело к снижению координационного эффекта платежей за загрязнение (массовому уклонению от уплаты налогов/платежей) и возникновению ситуации, когда предприятиям стало выгоднее нарушать правило, чем его выполнять. Только к 1998 г. государству удалось восстановить собираемость планового (расчетного) объема платежей за загрязнение. Корректировки ставок платы за загрязнение оказались несопо-

ставимы с уровнем инфляции. В результате нынешние нормативы платы за загрязнение в нашей стране несопоставимо малы по отношению к 1) наносимому ущербу, 2) затратам на снижение загрязнения и 3) нормативам платежей в других странах. В частности, по оценкам Е.В. Рюминой, ущерб от загрязнения водных объектов и атмосферного воздуха составил в 2006 г. 997,16 млрд р., что в 72 раза превышает платежи, поступившие в том же году (Рюмина, 2008). Действующие базовые ставки за 1 т выбросов SO₂ существенно ниже предельной стоимости сокращения выбросов SO₂ на 1 т (самая дешевая технология стоит приблизительно 100 евро/т) и ниже ставок платы даже в восточноевропейских странах (в Польше 85 евро/т) (Реформа платежей..., 2005, с. 14).

Начисление небольшой платы за большое число веществ (378 веществ) увеличивает нагрузку на бизнес, отвлекая средства на разработку соответствующих нормативов, и препятствует созданию эффективной системы инструментального контроля поступления вредных веществ в окружающую среду. Учитывая, что 90% платы собирается за 70 веществ, представляется целесообразным сократить перечень загрязняющих веществ, за которые взимается плата. Опасные загрязнители вообще должны быть исключены из системы платежей, поскольку в этом случае неправильно в принципе давать загрязнителю возможность выбора (снижать выбросы или загрязнять).

Важно обратить внимание на то, что механизм платежей разрабатывали в условиях социалистической экономики. Тогда доминировала идеология планового хозяйствования: если продукция нужна обществу (предполагалось, что план отражает общественные потребности), то предприятию необходимо дать время на доведение выбросов до нормативного уровня. Плановый срок в правовых документах точно не устанавливался. Однако для получения разрешения на временные выбросы/сбросы было необходимо представить годовой план мероприятий достижения

нормативных уровней выбросов. В рыночной экономике предприятия ориентированы прежде всего на извлечение прибыли, поэтому предусмотренные законодательством сверхнормативные выбросы/сбросы можно рассматривать как узаконенные правонарушения, дающие неоправданные преимущества доступа к потенциалу ассимиляции отдельным экономическим агентам.

АНАЛИЗ КООРДИНАЦИОННОЙ И РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СИСТЕМЫ ПЛАТЕЖЕЙ В РОССИИ

Любая система регулирования должна *координировать* поведение экономических агентов в нужном для общества направлении. Это положение в полной мере относится и к системе экологического регулирования. *Распределительный* эффект этой системы выражается в *прямом* (установление и распределение обязательных платежей) и *косвенном* (ущерб от загрязнения и выгоды от доступа к потенциалу ассимиляции) переложении издержек и выгод.

Существующая в РФ система производственно-хозяйственного нормирования, лежащая в основе российской системы платежей за загрязнение, переродилось в *административный барьер*, т.е. превратилась в набор правил, возлагающих на субъектов хозяйственной деятельности непроизводительные издержки, которые стали явно превышать позитивные воздействия координирующей и ограничительной функций правила. Для идентификации административного барьера необходимо сравнить частные издержки и выгоды, а также общественные издержки и выгоды, связанные с действием данного правила.

Правила, для которых не только частные издержки превышают соответствующие выгоды, но и социальные издержки оказываются выше социальных выгод, относятся к *классическим качественным административным барьерам*.

В случае введения платы за загрязнение окружающей среды частные издержки становятся выше частных выгод, что характерно для всех способов интернализации внешних эффектов. Принципиальным является соотношение общественных выгод и издержек. По оценкам автора, ежегодные издержки на получение разрешений составляют около 30 млрд р. (нижняя граница оценки). Потратив средства на получение разрешений, предприятия мало обеспокоены проблемами фактического снижения загрязнения. Реального вложения средств в природоохранную деятельность и, как следствие, снижения выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду не происходит. Общество не получает выгоды от улучшения качества окружающей среды и снижения экономического ущерба от загрязнения. Об этом свидетельствует динамика показателей удельных затрат на охрану природы в стоимости продукции и рост доли платежей за сверхлимитные выбросы. В литературе (Рюмина, 2008) приводится следующая оценка: удельные затраты на охрану водных ресурсов в стоимости продукции в 2006 г. по отраслям промышленности остались практически на уровне аналогичных затрат 1972 г. (!). Доля платежей за сверхлимитные выбросы выросла с 19 (в 2003 г.) до 42% (в 2008 г.). Это означает, что предприятиям оказывается выгоднее нарушать установленные правила, чем вкладывать средства в природоохранную деятельность.

Низкий координационный эффект платы в современных условиях выражается в том, что предприятия предпочитают платить, а не снижать выбросы. Иными словами, сформировалась система экологического регулирования, которая не способна сохранять благоприятное состояние окружающей среды.

Распределительная функция механизма платежей выражается в прямом и косвенном перераспределении ресурсов в обществе. Оценить прямой распределительный эффект механизма платежей за загрязнение помогает рисунок. Доходы консолидированного бюджета от платежей за загрязнение составляют

Рисунок. Система экологического регулирования в Российской Федерации

менее 0,2% и при этом имеют тенденцию снижаться. Несмотря на то что в структуре инвестиций в природоохранную деятельность доля собственных средств предприятий значительная, около 25–30% составляют расходы бюджетов разных уровней, значительно превосходящие поступающие платежи за загрязнение (табл. 1). В 2006–2008 гг. превышение составляло от 38 до 61%. В 2009 г. в связи с кризисом бюджетные расходы были значительно сокращены.

Иными словами, чтобы сохранить приемлемый уровень загрязнения окружающей среды, общество оплачивает доступ к потенциалу ассимиляции загрязнителей за счет общих налогов. Координационное действие со стороны регулятора важнее распределительного, однако в существующей системе прямой отрицательный распределительный эффект совмещается с низким координационным.

Существуют очевидные способы совершенствования механизма платежей, которые

известны руководству Министерства природных ресурсов и экологии (МПР). В частности, еще в 2008 г. министр МПР Ю. Трутнев говорил, во-первых, о необходимости «ликвидации института временно согласованных сбросов и лимитов как субъективного и коррупционно-емкого», что позволит «лишить чиновника возможности разрешить предприятию сбрасывать стоки, объемы которых установлены по его собственному разумению», и, во-вторых, об увеличении ставок платы за сброс загрязненных стоков в водные объекты в 2 раза с 2009 г. и в 10 раз – с 2014 г. (Доклад министра..., 2008). Этого мало в сравнении с необходимым повышением. Например, по рекомендациям ТАСИС 1999 г. предлагалось увеличить плату за загрязнение в России в 100 раз (Экономические проблемы..., 2003, с. 137). Однако даже предложенного министром увеличения не произошло.

Неприятие реформ института платежей делает насущным исследование *косвенных*

Таблица 1
Инвестиции в природоохранную деятельность
в Российской Федерации

	Годы			
	2006	2007	2008	2009
Платежи за загрязнение, млрд р.	13,8	16,9	19,1	18,7
Инвестиции в природоохранную деятельность, млрд р.	68,2	76,9	102,4	81,9
Доля собственных средств предприятий, %	70	63,6	68	76
Доля средств федерального бюджета, %	10	14	9	11
Доля средств региональных и местных бюджетов, %	18	20	21	12
Объем всех видов бюджетного финансирования, млрд р.	19,1	26,2	30,7	18,8
Превышение объема бюджетного финансирования над платежами, млрд р.	5,3	9,3	11,6	0,1
Доля превышения по отношению к величине платы, %	38	55	61	1

И с т о ч н и к: рассчитано по: Охрана окружающей среды в России: Стат. сборник. М.: Росстат, 2010.

распределительных эффектов (выявление групп стейкхолдеров, получающих выгоды и несущих издержки при сохранении существующей системы платежей, оценку выгод и издержек, а также оценку распределительных эффектов от предлагаемых изменений). В качестве групп стейкхолдеров рассмотрены: а) предприятия – источники экстерналий; б) реципиенты загрязнения (коммунальное хозяйство, лесное хозяйство и население); в) органы государственной власти всех уровней, г) контролирующие организации; д) консалтинговый бизнес.

Крупный бизнес

В сохранении существующей системы заинтересован прежде всего крупный бизнес. В процессе приватизации в России крупный бизнес пришел в отрасли, позволяющие при-

сваивать природную ренту (в нефтяной, черной и цветной металлургии). Данные отрасли характеризуются высокой концентрацией производства и высоким уровнем воздействия на окружающую среду. Это приводит к высокой концентрации выбросов загрязняющих веществ в атмосферу: 20 «самых грязных» предприятий Российской Федерации выбрасывают четверть всех выбросов в атмосферу в нашей стране (одно предприятие – «Норильский никель» дает 9,6% всех выбросов, а 90 предприятий – более 37% всех выбросов в атмосферу).

На наш взгляд, попытка отмены платежей за загрязнение в 2002 г. под надуманным предлогом была своего рода прошупыванием крупным бизнесом своих возможностей во взаимоотношениях с государством. Не добившись отмены платежей, крупные компании пытаются сохранить действующую систему платежей по двум причинам. Первое – низкие ставки платы выгодны в финансовом плане. Однако не это главное в приоритетах российского крупного бизнеса. С середины 2000-х гг. отечественный бизнес стал активно выходить на международный рынок (выход на мировые биржи через IPO, приобретение активов в других странах, появление иностранных инвесторов в российских компаниях). Это заставило его в большей степени вести себя по правилам цивилизованного рынка. Игра по этим правилам требует от компании определенной открытости (например, публикации экологической и социальной отчетности). Прогресс в этом вопросе налицо, хотя российские компании заметно отстают по уровню прозрачности от компаний развитых стран. В табл. 2 сведены данные о предприятиях – ведущих загрязнителях воздуха.

Не российская система экологического регулирования, а требования мирового финансового рынка заставили российские компании обратить внимание на экологические аспекты своей деятельности. Например, с 2004 г. на Череповецком металлургическом комбинате «Северсталь» ежегодно вкладывают порядка 1 млрд р. в экологические программы. Пла-

Таблица 2
Крупнейшие предприятия, загрязняющие атмосферу в Российской Федерации

Предприятие	Материнская компания	Экологический рейтинг	Год IPO
<i>Цветная металлургия</i>			
Заполярный филиал ОАО «ГМК “Норильский никель”»	Интеррос	300	2007
ОАО «Кольская ГМК», Мурманская обл.	Интеррос	55	2008
ОАО «Южуралникель», г. Орск, Оренбургская обл.	Мечел	2442	2004
ООО «Медногорский медно-серный комбинат»	УргМК	–	–
АООТ «Высокогорский ГОК», Свердловская обл.	Евраз	–	2005
ОАО «Красноярский алюминиевый завод»	Русал	580	2009
ОАО «Братский алюминиевый завод», г. Братск	Русал	1606	2009
<i>Черная металлургия</i>			
ОАО «Северсталь», г. Череповец, Вологодская обл.	Северсталь-Групп	–	2006
ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат»	НЛМК	482	–
ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат»	Группа ММК	3222	–
ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат»	Евраз	2026	2005
ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат»	Евраз	561	2005
АО «Качканарский ГОК», г. Качканар, Свердловская обл.	Евраз	414	2005
ОАО «Челябинский металлургический комбинат»	Мечел	1323	2004
ООО «Уральская сталь» (ОАО «НОСТА»), Оренбургская область	Мечел	1787	2004
<i>Газовая</i>			
ООО «Астраханьгазпром», пос. Аксарайский	Газпром	–	–
<i>Нефтедобывающая</i>			
АООТ «Варьеганнефтегаз», ХМАО	ТНК-ВР	1010	2008
<i>Энергетика</i>			
Рефтинская ГРЭС, г. Асбест, Свердловская обл.	ОГК-5	2619	2005
Троицкая ГРЭС, г. Троицк-5, Челябинская обл.	ОГК-2	1550	2007
ОАО «Новочеркасская ГРЭС», г. Новочеркасс	ОГК-6	–	2007

Комментарий. Рейтинги приведены по данным Независимого экологического рейтингового агентства (НЭРА) из 2913 обследованных объектов в Российской Федерации (<http://www nera.ru>).

тежи за загрязнение составляют от 50 млн до 65 млн р. в год. Главный стимул инвестиций, по признанию технического директора комбината Андрея Луценко, – это не требования закона, политическая конъюнктура или повышенный уровень социальной ответственности, а рынок. В сложившейся мировой практике ведения бизнеса система экологического менеджмента – одна из составляющих устойчивого конкурентного преимущества. При реализации экологических программ, добавляет он, на заводе никогда не стояла цель снизить

платежи за загрязнения. «Это нонсенс, так как эти суммы не превышают 3–13% затрат на реализацию экологических программ. Тратить, условно говоря, 100 млн р., чтобы снизить платежи с 10 до 9 млн р., – не цель экологической политики» (Металл в обмен..., 2008).

Следствием интернационализации российского бизнеса стало снижение показателей природоемкости (выбросов, отнесенных на единицу продукта и на единицу выручки) на отдельных крупных предприятиях. Например, удельные выбросы в атмосферу на Нижнета-

гильском металлургическом комбинате снизились с 1990 до 2006 г. с 35 до 16,6 кг на тонну выплавленной стали (Сайт Евраз групп. Нижнетагильский металлургический). Удельные выбросы в атмосферу на «Норильском никеле» сократились с 65,3 кг на 1 долл. выручки в 2002 г. до 12,5 кг на 1 долл. выручки в 2007 г. (хотя в 2009 г. этот показатель снова возрос до 23,2 кг за счет резкого падения выручки в кризисные годы). Аналогичным образом на Новолипецком металлургическом комбинате удельные выбросы в атмосферу снизились с 73 кг на 1 долл. выручки в 2005 г. до 24 кг в 2008 г. (при росте в 2009 г. до 47,1 кг). Снижение показателей природоемкости крупного бизнеса повлияло и на показатели по экономике в целом (табл. 3).

Таким образом, под влиянием требований мирового финансового рынка крупные российские компании стали обращать больше внимания на экологические аспекты своей деятельности. Однако достигнутый уровень природоохранной деятельности еще не позволяет им отказаться от временных нормативов.

Мелкий и средний бизнес

Несмотря на то что относительная доля издержек на оформление разрешений на сбросы/выбросы у мелкого и среднего бизнеса выше, чем у крупных компаний, нет оснований полагать, что они хоть в какой-либо степени заинтересованы в реформировании существующей системы нормирования, поскольку и возможности модернизации производства у них скромнее.

Исходя из того, что важнейшим требованием финансовых рынков к бизнесу является соблюдение национального законодательства, одномоментная отмена лимитов поставит российские компании в трудные условия и лишит их единственного стимула совершенствоваться в экологической сфере.

Таблица 3
Природоемкость производственной деятельности в Российской Федерации

	Годы				
	2005	2006	2007	2008	2009
<i>Выбросы в воздух</i> Природоемкость ВВП (кг/тыс. р.)	0,95	0,76	0,62	0,49	0,49
<i>Сбросы в водоемы</i> Природоемкость ВВП (м ³ /тыс. р.)	0,82	0,6	0,5	0,3	0,3
<i>Образование отходов</i> Природоемкость ВВП (кг/тыс. р.)	0,14	0,13	0,12	0,09	0,09

Примечание. Рассчитано по: государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2008 году». М.: МПР РФ, 2009; государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2009 году». М.: МПР РФ, 2010; Россия в цифрах. М.: Росстат, 2010.

Население

Больше всего от загрязнения страдает население. Под воздействием высокого загрязнения атмосферного воздуха в Российской Федерации находится более 50 млн человек (Государственный доклад..., 2006, с. 119). По оценкам экспертов, ущерб здоровью населения от загрязнения вод и атмосферного воздуха в нашей стране оценивается в диапазоне 2,3–3,4% ВВП (Ревич, Сидоренко, 2006, с. 4).

Большинство городов, где расположены крупнейшие предприятия нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, попадают в Приоритетный список городов Российской Федерации с наибольшим уровнем загрязнения атмосферы и в Список городов с максимальной концентрацией загрязняющих веществ в 10 ПДК и более (Братск, Красноярск, Магнитогорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Радужный, Челябинск, Череповец и др.).

Особенностью развития российской промышленности является высокая доля градообразующих предприятий. В настоящее время в нашей стране их функционирует бо-

лее 900. На базе этих предприятий существует 467 моноструктурных города и 332 поселка городского типа. Однако результаты деятельности крупных предприятий определяют не только экологическую ситуацию, но и экономику и социальную стабильность в регионах. Население больше опасается закрытия производства и сокращения числа рабочих мест. Качество окружающей среды – предмет роскоши, спрос на который начинается только с определенного уровня достатка.

Коммунальное хозяйство

Реципиентом загрязнения выступает в том числе и коммунальное хозяйство. В загрязненной среде издержки коммунального хозяйства увеличиваются. На конкурентном рынке коммунальная отрасль заинтересована в снижении уровня загрязнения окружающей среды. В нашей стране коммунальное хозяйство выступает монополистом, имеющим возможность многократно повышать тарифы на свои услуги, что вполне объясняет его индифферентность в отношении состояния окружающей среды.

Лесное хозяйство

Согласно Лесному кодексу РФ полномочия предоставлять лесные участки из земель лесного фонда в пользование переданы субъектам РФ. Передача в аренду лесных участков на срок от 1 до 49 лет приводит к тому, что арендаторы отдадут приоритет краткосрочным выгодам в сравнении с долгосрочными выгодами сохранения лесного фонда.

Органы государственной власти

Выше указывалось, что из консолидированного бюджета на природоохранную деятельность тратится больше, чем поступает в виде платы за загрязнение. Казалось бы, орга-

ны власти кровно заинтересованы в увеличении нормативов платы. Однако внимательное изучение источников бюджетных поступлений показывает, что основным источником формирования региональных бюджетов является налог на прибыль, а увеличение доходов от платы за загрязнения может вызвать непропорциональное уменьшение этого вида налоговых поступлений.

Контролирующие органы

Многочисленные согласования/разрешения расширяют поле деятельности контролирующих органов. Последние заинтересованы в сохранении нынешней разрешительной системы, поскольку механизм, основанный на хождении многочисленных «бумаг», приносит им прямые выгоды. Оценка деятельности контролирующих органов основана на проверке «бумаг», а не реального положения дел – состояния окружающей среды. К тому же сложился рынок фирм, занятых расчетами производственно-хозяйственных нормативов, получением согласований/разрешений и имеющих прямые, а иногда и коррупционные выгоды.

В табл. 4 представлены оценки выгод и издержек, которые несут отдельные группы стейкхолдеров при существующей системе экологического регулирования, и их изменение в случае ее реформирования (отмены лимитов, повышения нормативов платы и перехода к нормированию на основе наилучших доступных технологий). Из данных таблицы следует, что в российском обществе есть группы, заинтересованные в сохранении существующей системы экологического регулирования (крупный бизнес, в значительной степени также и средний, контролирующие органы), для которых переход к другим системам регулирования будет связан с утратой части выгод (дополнительными издержками), и нет движущих сил модернизации системы – групп, заинтересованных в реформировании системы и готовых тратить ресурсы на отстаивание своей позиции.

Таблица 4

Группы, получающие выгоды и несущие издержки при различных вариантах экологического регулирования внешних эффектов

	Существующий механизм		Снижение (-) / увеличение (+) выгод при реализации следующих мероприятий		
	Выгоды	Издержки	Отмена лимитов	Повышение нормативов платы	Переход к НДТ
1. Источники ВЭ					
1.1. Крупный бизнес	3	1	-3	-2, -3	-3
1.2. Мелкий и средний бизнес	2	1, 2	-1	-2	-2, -3
2. Реципиенты ВЭ					
2.1. Отрасли хозяйства (коммунальное хозяйство)	0	2, 3, но их можно переложить на потребителя	Зависит от способа формирования тарифов на услуги коммунального хозяйства		
2.2. Лесное хозяйство	0	1, 2	Существующая система индифферентна к долгосрочным целям сохранения лесов		
2.3. Население	0	2, 3	В зависимости от воздействия мероприятий на состояние основного производства		
3. Органы государственной власти					
3.1. Органы власти разных уровней	2	2	В зависимости от воздействия мероприятий на состояние основного производства		
3.2. Контролирующие организации	3	0	-3	-1	-2
4. Консалтинговый бизнес	3	0	-2	-1	-2

Примечание. 3 – значительные, 2 – умеренные, 1 – небольшие.

Российская система платежей за загрязнение (с низкими ставками, основанная на производственно-хозяйственном нормировании с временными лимитами) превратилась в институциональную ловушку – неэффективную устойчивую норму, имеющую самоподдерживающий характер. Институциональные ловушки называют «эффектом блокировки» (lock-in effect). Это понятие относится к ситуациям, когда позитивные изменения не реализуются на практике, поскольку блокируются группами интересов, получающими распределительные выгоды от использования действующих правил. Возникает институциональное равновесие, когда при данном соотношении сил игроков никто не считает для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений. Это объясняет трудности модернизации системы платежей за загрязнение, несмотря на то, что сохранение существующей

системы экологического регулирования консервирует устаревшую структуру экономики и препятствует экономическому росту. Возможности и ограничения модернизации системы платежей за загрязнение в России определяются тем, что реформы, направленные на повышение уровня интернализации внешних эффектов производственной деятельности, должны ориентироваться на стратегии выхода из институциональной ловушки.

Эволюционный путь выхода из институциональной ловушки малоперспективен, поскольку связан с существенным уровнем деградации окружающей среды (высокий уровень максимума кривой С. Кузнецца). Второй путь (внешнее воздействие, шок) предполагает наличие некоего внешнего источника (государства), способного осуществить в интересах общества реформу, затрагивающую интересы различных групп. Успех выхода из

ловушки определяется переговорной силой сторон. Реформирование института платежей возможно только в том случае, если у власти окажутся силы, нацеленные на реальную модернизацию российской экономики. Слабое и (или) приватизированное государство не может решить данную задачу.

Выход из институциональной ловушки определяют следующие подходы к реформированию российской системы экологического регулирования.

1. Не следует одномоментно отменять временные нормативы выбросов, поскольку это подорвет позиции российского бизнеса на международном рынке и лишит его единственного стимула совершенствования в экологической сфере. Необходима разработка реалистичных планов поэтапного перехода на нормативы ПДВ/ПДС, выполнение которых должно жестко контролироваться.

2. Выстраивание эффективных обратных связей в системе, регулирующей доступ к ассимиляционному потенциалу, требует возврата к системе экологических фондов (так называемых окрашенных налогов), позволяющих более последовательно реализовать принцип «платит тот, кто загрязняет».

ВЫВОДЫ

Институциональный подход, примененный к системе экологического регулирования хозяйственной деятельности в Российской Федерации, позволил выявить наличие эффекта блокировки со стороны групп интересов, получающих распределительные выгоды от сохранения существующей системы регулирования. Именно это определяет причины того, почему очевидные способы повышения эффективности системы экологического регулирования (отмена временных лимитов, повышение ставок платы за загрязнение, переход к нормированию на основе наилучших доступных технологий) не реализуются на практике.

Литература

- Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2005 году». М.: МПР РФ, 2006.
- Доклад министра природных ресурсов и экологии Ю. Трутнева на Байкальском экономическом форуме 9 сентября 2008 г.
- Металл в обмен на экологию, 2008 (http://www.rusmet.ru/news.php?act=show_news_item&id=43772).
- Ревич Б.А., Сидоренко В.Н. Ущерб здоровью населения от загрязнения окружающей среды // На пути к устойчивому развитию: Альманах. 2006. № 35.
- Реформа платежей за загрязнение в Российской Федерации: оценка прогресса, возможности и трудности дальнейшего совершенствования, 2005 // OECD, Programme for Central and Eastern Europe, Caucasus and Central Asia, 2005 (<http://www.oecd.org/dataoecd/45/47/37124634.pdf>).
- Рюмина Е.В. Количественные сопоставления природоохранных затрат и ущерба от загрязнения // Экономика природопользования. 2008. № 4. С. 39–46.
- Сайт Евраз групп. Нижнетагильский металлургический комбинат (<http://www.ntmk.ru/ru/about/geography2.php>).
- Экономические проблемы природопользования на рубеже XXI века. М.: Тенс, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 20.03.2012 г.

К.П. Юрченко

20–21 апреля 2012 г. в Екатеринбурге состоялась IX Международная научно-практическая конференция по проблемам экономического развития в современном мире «Устойчивое развитие российских регионов: экономика политических процессов и новая модель пространственного развития Российской Федерации», которая за последние несколько лет приобрела устойчивый статус одного из ведущих региональных ежегодных экономических форумов в России. Данная конференция является продолжением серии ежегодных мероприятий, инициированных в 2004 г. экономическим факультетом УрГУ, выступающим сегодня ядром Высшей школы экономики и менеджмента УрФУ, и собирает очень представительный состав участников. Организаторами конференции, традиционно проходящей во второй половине апреля, в этом году выступили ВШЭМ УрФУ, НИУ ВШЭ, ВШМ СПбГУ, РЭШ, ЦЭМИ РАН, ИМЭМО РАН, Институт экономики УрО РАН, Деловой журнал «Эксперт-Урал». Конференция проводилась при ставшей уже традиционной поддержке Министерства экономического развития РФ и правительства Свердловской области. Немаловажно и то, что отдельные мероприятия конференции прошли под эгидой Higher Education Support Program и European Association for Comparative Economic Studies,

© Юрченко К.П., 2012 г.

что подчеркивает международный статус мероприятия.

Ключевой темой конференции в этом году стал вопрос адаптации российской экономики не только к непростым условиям глобальной экономической нестабильности, а и к тем политическим тенденциям, которые были этой нестабильностью порождены и затрагивают многие страны мира, особенно развивающиеся рынки, к каковым Россия по-прежнему продолжает относиться. В тематике докладов конференции содержится и указание на траекторию выхода из усугубляющейся экономико-политической ситуации: грамотное пространственное планирование и сбалансированный подход к экономическому развитию в целом.

С приветственным словом к участникам конференции, все заседания которой прошли в стенах Уральского федерального университета, выступили В.А. Кокшаров – ректор УрФУ, С.М. Кадочников – директор ВШЭМ УрФУ, Д.Е. Толмачев – генеральный директор Делового журнала «Эксперт-Урал».

На первом пленарном заседании «Устойчивое развитие российских регионов: от методологии к практике» выступили академик РАН В.М. Полтерович, зам. директора ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Л.М. Григорьев, директор Института демографии НИУ ВШЭ А.Г. Вишневский, проректор СПбГУ В.С. Катькало, зам. директора ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер.

По мнению участников дискуссии, Россия, не преодолев тяжелого экономического кризиса, сходу влетела в кризис политической системы, что ставит под вопрос успешность антикризисной политики и соответственно устойчивость экономического развития страны в целом. Однако нет худа без добра, решили ученые и практики: ведь случившаяся встряска активизирует действия институтов, долгое время находившихся едва ли не в анабиозе. Таким образом, помимо очевидных трудностей сложившаяся ситуация предполагает некоторые возможности, шанс реализовать которые и открылись у экономики страны.

На втором пленарном заседании «Промышленная политика для устойчивого развития» выступили зам. генерального директора МАЦ Ю.В. Симачев, министр международных и внешнеэкономических связей Свердловской области А.В. Харлов, председатель Уральского банка Сбербанка России В.А. Черкашин, депутат Государственной Думы РФ А.В. Петров. Обсуждение практиков было посвящено попыткам найти пути успешного встраивания промышленной политики в турбулентную экономико-политическую среду, сложившуюся в стране. На фоне ретроспективного анализа метаний разработчиков промышленной политики в 2000-е гг. был сделан вывод о том, что таковая явно должна формироваться на уровне регионов, которым и должна быть предоставлена возможность проявлять инициативу без нажима со стороны федерального центра.

При значительном стечении заинтересованных участников прошла целая серия круглых столов.

Один из них – круглый стол Российского журнала менеджмента «Подготовка и продвижение научных исследований», прошедший под руководством главного редактора РЖМ В.С. Катькало и собравший практически всю редколлегию этого журнала. Красной нитью сквозь обсуждение открытых вопросов проходила тема того, что недопустимо создавать на базе так называемых ваковских журналов самостоятельный институт, формирующий порой необоснованные барьеры для молодых исследователей и мешающий реализовывать миссию научных журналов – продвижение научных исследований.

На круглом столе «Человеческий капитал в новой экономике российских регионов: рынок труда, квалификации, университеты» завязалось очень конструктивное обсуждение между экспертами (проректор НИУ ВШЭ С.Ю. Роцин, директор Института демографии НИУ ВШЭ А.Г. Вишневский), исследователями и аналитиками (ЦРЭИ ВШЭМ УрФУ, АЦ «Эксперт-Урал») и представителями бизнеса и власти. Жесткие и хлесткие характеристики,

данные экспертами по поводу регионального рынка труда Свердловской области, заставили представителей региональной исполнительной власти в лице министра экономики *Е.А. Софрыгина*, выступившего в роли модератора круглого стола, серьезно задуматься и спешно делать обширные записи.

Ряд круглых столов был посвящен более узким темам: «Формирование региональной энергетики: инновационные и экологические приоритеты» (модератор – профессор УрФУ *Л.Д. Гительман*); «Оценка предпринимательского потенциала и предпринимательской активности в России» (модераторы – профессор УрФУ *Л.С. Ружанская* и руководитель международного проекта GEM от ВШМ СПбГУ *О.Р. Верховская*); «Методология и история экономической науки» (модератор – профессор УрФУ *Е.П. Дятел*); «Современное содержание академических программ подготовки бакалавров и магистров экономики» (модераторы – директор ВШЭМ УрФУ *С.М. Кадочников* и декан факультета экономики НИУ ВШЭ *О.А. Замулин*). Собрав немалое количество заинтересованных слушателей, многие из этих круглых столов переросли в оживленные дискуссии, не уложившись в выделенные лимиты времени, что только подчеркивает актуальность вопросов, вынесенных на обсуждение организаторами конференции.

Серия тематических сессий, прошедших во второй день конференции, охватывала довольно широкий спектр вопросов: «Международная экономика» (модератор – ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН *С.А. Афонцев*); «Пространственная экономика» (сессия прошла под эгидой Лаборатории теории рынков и пространственной экономики НИУ ВШЭ, модераторы – профессор РЭШ *А.В. Савватеев* и руководитель лаборатории *В.Д. Матвеев*); «Информационно-аналитические методы устойчивого развития» (модератор – профессор УрФУ *О.И. Никонов*); «Финансовые рынки и финансовые институты» (модератор – профессор УрФУ *А.Ю. Казак*); «Человеческий капитал и образовательные рынки» (модератор – проректор НИУ

ВШЭ *С.Ю. Роцин*); «Экономический рост и устойчивое развитие» (модератор – профессор НИУ ВШЭ *А.А. Яковлев*); «Фирмы и рынки» (модератор – профессор НИУ ВШЭ *С.Б. Авдашева*). Также некоторое количество сессий собрали представителей отдельных отраслей экономики: строителей, представителей логистических компаний, энергетиков.

Наиболее бурное обсуждение развернулось вокруг докладов академика *В.М. Полтеровича* «Институты интерактивной модернизации: региональный уровень», *А.Г. Вишневого* «Двадцать лет демографического развития постсоветской России», чл.-корр. РАН *Г.Б. Клейнера* «Пространство и время как фундаментальные ресурсы развития экономических систем», *Л.И. Полищука* «Качество институтов и распределение талантов», *А.А. Яковлева* «From Competition to Dominance: Political Determinants of Federal Transfers in the Russian Federation», *С.Б. Авдашевой* «Международный антитраст: потребности, ограничения и уроки для Таможенного Союза».

Интересное обсуждение поднятых организаторами конференции проблем показало, что конференция, проходящая в УрФУ, действительно является научно-практической: ведь количество докладчиков-практиков не уступало количеству научных работников.

Проведение конференции было обеспечено изданием аналитических материалов, подготовленных Центром региональных экономических исследований ВШЭМ УрФУ, а также отдельными кафедрами университета.

Актуальность поднятых проблем, научный уровень приглашенных участников и насыщенность научной программы предопределили положительные отзывы участников и гостей конференции, большая часть из которых высказали неподдельное желание выступить на юбилейной X конференции в апреле 2013 г.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ

*А.Д. Некипелов, А.И. Татаркин,
Е.В. Попов*

На базе Института экономики УрО РАН 26–29 июня 2012 г. в Екатеринбурге прошел уже ставший традиционным V Всероссийский симпозиум по экономической теории.

В связи с мировым экономическим кризисом 2008 г. в адрес экономистов, не сумевших обеспечить надежный прогноз кризисных явлений, не стихает критика. В недавно опубликованной статье академика РАН *О.Т. Богомолова* (Богомолов, 2012) приводится обзор зарубежных публикаций, где авторы указывают на необходимость *пересмотра постулатов современной экономической теории*. Критика и перспективы развития современной экономической теории отражены и в публикации члена-корреспондента РАН *Г.Б. Клейнера* (Клейнер, 2012).

Ответом на указанный вызов является обзор современных направлений развития экономической теории России на основе анализа основных докладов V Всероссийского симпозиума по экономической теории. В симпозиуме приняли участие 209 ученых из 34 городов Российской Федерации, а также ученые из Азербайджана, Германии, Казахстана и Украины. Среди докладчиков – 62 доктора и 76 кандидатов наук. В качестве докладчиков симпозиума выступили 3 академика, 2 члена-корреспондента Российской академии наук и 1 член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук.

© Некипелов А.Д., Татаркин А.И., Попов Е.В., 2012 г.

В совместном докладе академика *П.А. Минакира* и д.г.н. *А.М. Демьяненко* (Хабаровск) обсуждалась проблема соотношения экономической теории и пространственной экономики (Минакир, Демьяненко, 2012). Отмечено, что отделение региональных исследований от пространственной экономики и экономической теории в целом невозможно, поскольку региональные исследования не только используют факты и инструменты анализа, имеющиеся в распоряжении экономической теории, но и вносят свой вклад в развитие экономической теории в целом и пространственной экономики в первую очередь. Доклад академика *А.И. Татаркина* (Екатеринбург) был посвящен проблеме развития политической экономии в современной России. Отмечено, что недостаточный уровень преподавания политической экономии приводит к отсутствию корректного понятийного аппарата и взвешенного подхода к формированию грамотных экономических взглядов. Таким образом, усиление политэкономической подготовки может обеспечить более высокий уровень развития экономической культуры. В докладе академика *В.В. Окрепилова* (Санкт-Петербург) рассмотрена задача повышения качества государственных услуг посредством внедрения систем менеджмента качества (Окрепилов, 2012). Предложен проект национального стандарта «Системы менеджмента качества», который включает не только показатели результативности и достижения непосредственных результатов для граждан и общества, но и ключевые показатели возможностей государственных органов, их готовность и восприимчивость к преобразованиям.

В сообщении члена-корреспондента РАН *Х.Н. Гизатуллина* и к.э.н. *З.Ф. Гариповой* (Уфа) представлена методика определения вклада знаний в экономический рост (Гизатуллин, Гарипова, 2012). Предложенная авторами методика позволяет определить относительную степень влияния таких факторов, как численность занятых в экономике и затраты на образование, на динамику валового регионального продукта. Доклад члена-корреспондента

РАН *Е.В. Попова* (Екатеринбург) был посвящен разработке представления о взаимосвязи транзакций, транзакционных издержек и экономических институтов (Попов, 2012). Показано, что стоимостной оценкой экономического института следует считать транзакционные издержки на формирование и поддержание данной устоявшейся нормы взаимодействия между экономическими агентами.

В докладе члена-корреспондента РАСХН *А.М. Гатаулина* (Москва) дан системный анализ критериев эффективности в иерархических структурах управления (Гатаулин, 2012). Отмечено, что для конкретного товаропроизводителя локальная эффективность научно-технического прогресса при переходе к новым технологиям является положительной при условии соблюдения неравенства: отношение количества высвобождаемого живого труда к количеству дополнительно вкладываемого овеществленного труда больше, чем отношение денежной оценки овеществленного труда к оплате живого труда.

Приятно отметить большой «десант» ученых из Москвы, приехавших на симпозиум. Сообщение д.э.н. *Р.М. Нижегородцева* (Москва, ИПУ РАН) было посвящено механизмам развертывания экономического кризиса (Нижегородцев, 2012). Кризисные явления в современном мировом хозяйстве, по мнению автора, обусловлены технологическими причинами, невозможностью строить производственные процессы на стареющих технологиях, приблизившись к своим технологическим пределам, что в свою очередь вносит свой вклад в углубление диспропорций в развитии составных частей мирового хозяйства.

Доклад д.э.н. *Н.М. Светлова* (Москва, РГАУ–МСХА) назывался «Исследование возникновения ренты методом балансовых систем» (Светлов, 2012). Цель докладчика состояла в уточнении представлений о механизме формирования ренты с учетом межотраслевого взаимодействия. Полученные результаты рассмотрены с точки зрения их соответствия рентным категориям классической политической экономии.

В докладе д.э.н. *О.С. Сухарева* (Москва, ИЭ РАН) проанализирована системная трактовка теории эффективности экономики (Сухарев, 2012). Набор функциональных состояний экономических систем, по мнению автора, представляет собой организацию всей хозяйственной жизни. Если эти функции не выполняются или же исполняются не на должном уровне, то налицо имманентная дисфункциональность, которая связана с проявлением заведомо более низкой эффективности и системного качества.

Проблема регулирования риска деформации институциональных инноваций на мезоуровне проанализирована в сообщении д.э.н. *Р.М. Качалова* (Москва, ЦЭМИ РАН) и д.э.н. *Н.В. Яковлевой* (Миасс) (Качалов, Яковлева, 2012). Под риском деформации институциональной инновации авторы понимают характеристику возможности и последствий нежелательного изменения или практики применения проектируемой институциональной нормы. В процессе внедрения институциональных инноваций желательно понять, приживется ли новая норма, будет ли ее введение способствовать позитивному развитию хозяйственной практики. Предложены системные меры предотвращения подобного риска деформации.

Доклад д.э.н. *И.В. Денисова* (Москва, РЭУ) был посвящен экономико-технологической теории фирмы (Денисов, 2012). Автор отстаивал три тезиса: существующие теории фирмы исходят из ложных посылок и не решают задачи, которые должна решать теория фирмы; представляемая экономико-технологическая теория фирмы объясняет исторический процесс возникновения развития фирм; существуют объективные, фундаментальные законы развития фирм. Перспективы России в свете концепций долгосрочного социально-экономического развития рассмотрены в сообщении д.э.н. *Р.М. Нуреева* (Москва, НИУ ВШЭ) (Нуреев, 2012). Проведена оценка перспектив развития России согласно исследованиям Национального совета по разведке США (National Intelligence Council, NIC),

Института стратегии и конкурентоспособности Гарвардской школы бизнеса, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2025 г. Автор демонстрирует, насколько указанные прогнозы реальны и в какой мере они использованы в программе социально-экономического развития России президента В.В. Путина.

В докладе д.э.н. *М.Р. Пинской* и *Г.В. Фомина* (Москва, Финансовый университет) проанализирована проблема справедливости в налоговых отношениях (Пинская, Фомин, 2012). Если исходить из того, что налоги – это цена за услуги государства, то применительно к налоговым отношениям речь должна идти о конкуренции качества предоставляемых общественных благ. Тогда налоговая конкурентоспособность представителя одного уровня власти означает предоставление им общественных благ более высокого качества с меньшими затратами и более эффективно, чем представителями другого уровня власти. Сообщение д.э.н. *В.Н. Юсима* (Москва, РЭУ) было посвящено выходу из кризиса экономической теории (Юсим, 2012). Докладчик указала на возможность представить существование фундаментальных законов. Первые два закона – рационалистического и эвристического развития – говорят о характере и возможностях изменения производительности технологических процессов. Закон чередования экономико-технологической структуры говорит о характере изменения фирмы. Закон роста экономически обоснованных объемов выпуска подтверждает необходимость роста объемов производства.

Санкт-Петербургская научная школа была представлена на симпозиуме докладом д.т.н. *Е.Д. Соложенцева* (Санкт-Петербург, ИПмаш РАН) на тему «Логико-вероятностная модель развития России» (Соложенцев, 2012). Предложена модель успешного развития России, включающая в качестве ядра логическое объединение сценариев повышения рождаемости и увеличения спроса на недвижимость.

Дальнейший анализ направлений развития экономической теории по докладам

можно провести на географической основе: с запада на восток и с юга на север.

Д.э.н. *Л.С. Шеховцева* (Калининград) представила доклад о макроэкономическом моделировании стратегических целей регионального роста (Шеховцева, 2012). Решать проблемы стратегического целеполагания автор предлагает в дуалистической концепции и средствами системной методологии, основанной на принципах объединения управленческого и коалиционного подходов, многоуровневой системы региональных целей, при сочетании универсальности и специфичности целей, а также другими методами. В сообщении д.э.н. *С.П. Богачева* (Калуга) рассмотрен менеджизм как метод устранения недостатков капитализма (Богачев, 2012). В работе приведены основы разработки менеджерской модели экономики, объединяющей лучшие черты советской и капиталистической экономических моделей – безкризисность, прогрессивность и социальную справедливость.

Обоснованию механизма управления инновационным развитием регионального промышленного комплекса был посвящен доклад д.э.н. *Г.Л. Игольникова* (Ярославль) (Игольников, 2012). Автор поделился своими наблюдениями развития промышленности Ярославской области. Доклад д.э.н. *А.Д. Зарецкого* (Краснодар) был посвящен развитию социально-гуманитарных основ современной экономической теории (Зарецкий, 2012). Экономическая теория, разрабатывая свои теоретические и эмпирические модели, должна исходить из того, что люди хотят получать удовлетворение от самого процесса труда, профессионального занятия. Очевидно, что наибольшее внимание в этих исследованиях должна получать экономика труда, которой необходимо расширить свой предмет исследования путем поиска социально-гуманитарной составляющей счастливой личной жизни для каждого человека.

В докладе д.э.н. *Е.Б. Колбачева* (Новочеркасск) проанализировано развитие производственных систем мини-экономического уровня для преодоления информационного

дефицита (Колбачев, 2012). Использован подход О. Юня к исследованию этапов развития производства, согласно которому уровень развития производства оценивается по степени материализации информации, используемой в производственном процессе и вносимой при этом в предмет труда.

В сообщении д.э.н. *О.В. Губарь* (Ростов-на-Дону) была рассмотрена симулятивная экономика – новый объект политэкономических исследований (Губарь, 2012). Собственность в симулятивной экономике, иными словами, экономике виртуальной сети Интернет, – качественно новое явление в современных экономических отношениях, отражающее тенденции инновационного развития.

Посткозузианской теории транзакционных издержек был посвящен доклад д.э.н. *Д.П. Фролова* (Волгоград) (Фролов, 2012), в котором отмечалось, что современная институциональная теория зиждется на двух фундаментальных категориях – институтах и транзакционных издержках. И хотя их многочисленные определения остаются дискуссионными, конвенциональное закрепление ряда устойчивых стереотипов уже произошло. Преодоление методологических упрощений позволяет сделать новый шаг на пути синтеза институциональной и эволюционной парадигм в экономической науке. В сообщении д.э.н. *Л.С. Шаховской* (Волгоград) проанализировано соотношение понятий «мотивация» и «стимулирование» (Шаховская, 2012). Автором сделан вывод о том, что эти два понятия являются не идентичными, а парными; они характеризуют рынок труда и его сегмент – внутрифирменный рынок труда. Доклад д.э.н. *М.П. Придачука* (Волгоград) назван «Проблемы и перспективы реформирования пенсионной системы России» (Придачук, 2012). В Российской Федерации значительные пенсионные резервы отсутствуют в силу недолгой истории накопительной пенсионной системы и присутствия ей структурных проблем. Решению проблемы формирования пенсионных резервов могло бы способствовать дальнейшее реформирование пенсионной системы России.

Доклад д.э.н. *С.Г. Землянухиной* (Саратов) был посвящен проблеме адекватности отражения экономической теорией функционирования и развития российской экономической системы (Землянухина, 2012). В советской политической экономии присутствовали несомненные достоинства, состоящие в высокой методологической культуре. Следовательно, новое специфическое состояние российской экономической теории должно сохранить те категории и законы, которые давали характеристику базисной структуры экономической системы.

В своем докладе д.э.н. *И.В. Ефимчук* (Нижний Новгород) исследовал поиск ресурсов развития через капитализацию активов (Ефимчук, 2012). Встречаются предложения сделать капитализируемым активом будущего патенты, лицензии, ноу-хау. Механизм подобной капитализации уже создан в специфической форме венчурного капитала. Формированию новых подходов к исследованию феномена современной эксплуатации было посвящено сообщение д.э.н. *М.Ю. Малкиной* (Нижний Новгород) (Малкина, 2012). Эксплуатация связана с неэквивалентностью в распределении доходов. Неэквивалентность проявляется через ценовой механизм и возможна в плоскостях распределения доходов. Современная эксплуатация имеет во многом институциональный характер. Оценка производственных рисков на основе метода нелинейной оптимизации дана в докладе *Д.С. Колобова* и д.э.н. *Г.Е. Брикача* (Нижний Новгород) (Колобов, Брикач, 2012). В работе представлена разработка количественной оценки рисков сельскохозяйственного производства по графическим разрезам целевого функционала.

Доклад д.ф.-м.н. *В.К. Горбунова* (Ульяновск) озаглавлен «Существование и единственность экономического равновесия с обобщенным рыночным спросом» (Горбунов, 2012). Преодоление парадоксов теорий спроса и равновесия автор достигает на основе концепции ансамбля потребителей исследуемого рынка как исходного объекта моделирования. В докладе д.т.н. *Б.Л. Кузнецова*

цова (Набережные Челны) проанализированы новые смыслы и содержания метаэкономики (Кузнецов, 2012). Под метаэкономикой подразумевается очерченная область новых проблем, связанных с актуальными проблемами глобального, национального, отраслевого и других уровней экономических исследований. Сообщение д.э.н. Ю.В. Темного (Набережные Челны) было посвящено технопаркам туристского профиля как основе инновационного развития регионов (Темный, 2012). Ядром каждого элемента технопарка может выступать определенное направление туристско-рекреационной деятельности, как, например, оздоровление, экстремальный и этнический туризм и др. Проблеме расширения представлений об устойчивости и эффективности развивающихся экономических систем посвятил свой доклад д.э.н. С.В. Чупров (Иркутск) (Чупров, 2012). Автор ставит вопрос об эффективности самой системы управления устойчивостью предприятия.

В докладе д.э.н. И.В. Дегтяревой и к.э.н. Т.Н. Яковлевой (Уфа) рассмотрена проблема трудового потенциала как стратегического фактора экономического роста (Дегтярева, Яковлева, 2012). Обращаясь к внешним источникам формирования трудового потенциала, авторы сосредотачивают внимание на миграции трудовых ресурсов, привлечение которых извне по количеству и качеству должно быть обосновано согласно потребностям страны и обеспечено гибкой миграционной политикой. Доклад д.э.н. Р.Р. Яруллина (Уфа) был посвящен необходимости и тенденциям модернизации финансовой системы России (Яруллин, 2012). Основными направлениями модернизации российской финансовой системы должны стать увеличение бюджетных доходов, направляемых на устранение инфраструктурных и институциональных ограничений инновационного развития экономики, совершенствование системы государственного и муниципального стимулирования хозяйствующих субъектов и др. Синтез институционального и иерархического подходов при гармонизации интересов субъектов экономи-

ки обсуждался в докладе д.э.н. Ю.К. Перского и к.э.н. Ю.В. Дубровской (Пермь) (Перский, Дубровская, 2012). В докладе д.э.н. Т.Г. Шешуковой (Пермь) рассмотрено понятие экономического потенциала предприятия (Шешукова, 2012).

В симпозиуме приняла участие большая научная делегация из Челябинска. Были представлены доклады докторов экономических наук В.И. Бархатова, А.В. Горшкова, В.В. Седова, М.А. Пестунова, А.Ю. Даванкова, В.А. Белкина. Хозяева симпозиума – экономисты, работающие в Екатеринбурге, представили значительное число докладов по различным направлениям. Выступили доктора экономических наук И.А. Майбуров, В.В. Семененко, В.В. Ильяшенко, Г.П. Селиванова, Е.Г. Анимица, В.В. Попков. От Института экономики УрО РАН с научными сообщениями выступили доктор экономических наук В.В. Акбердина, В.С. Бочко, И.С. Важенина, Т.И. Волкова, И.М. Голова, Ю.Г. Лаврикова, В.В. Литовский, М.И. Масленников, М.Б. Петров.

В качестве обобщения содержания докладов V Всероссийского симпозиума по экономической теории можно выделить основные направления развития экономической теории в России.

Во-первых, значительную актуальность приобретает проблема углубления преподавания политической экономии в российских университетах. Во-вторых, требует развития сама политическая экономия – важнейшая часть современной экономической теории. В-третьих, теоретические и эмпирические модели экономической теории должны исходить из того, что люди хотят не только максимизировать потребление, но и получать удовлетворение от самого процесса труда, профессиональных занятий. В-четвертых, следует обратить внимание на экономико-теоретическое описание отношений в виртуальном мире. В-пятых, необходимо дальнейшее развитие аппарата институциональной и эволюционной экономических теорий.

В целом проведение V Всероссийского симпозиума по экономической теории проде-

монстрировало желание и готовность российских исследователей развивать и актуализировать современную экономическую теорию.

Литература

- Богачев С.П.* Менеджеризм как устранение недостатков капитализма // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 13–17.
- Богомолов О.Т.* Социально-гуманитарные аспекты модернизации России // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 1. С. 64–69.
- Гатаулин А.М.* Системный анализ критериев эффективности в иерархических системах управления // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 151–153.
- Гизатуллин Х.Н., Гарипова З.Ф.* Методика определения вклада знаний в экономический рост // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 88–93.
- Горбунов В.К.* Существование и единственность экономического равновесия с обобщенным рыночным спросом // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 23–25.
- Губарь О.В.* Симулятивная экономика как новый объект политэкономических исследований // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 29–31.
- Дегтярева И.В., Яковлева Т.Н.* Трудовой потенциал как стратегический фактор экономического роста // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 162–165.
- Денисов И.В.* Экономико-технологическая теория фирмы // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 165–168.
- Ефимчук И.В.* Капитализация активов – поиск ресурсов развития // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 37–39.
- Зарецкий А.Д.* Развитие социально-гуманитарных основ современной экономической теории // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 45–48.
- Землянухина С.Г.* Проблема адекватности отражения экономической теорией функционирования и развития российской экономической системы // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 48–49.
- Игольников Г.Л.* Региональный промышленный комплекс: нужен обоснованный механизм управления инновационным развитием // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 123–125.
- Качалов Р.М., Яковлева Н.В.* Институциональные инновации на мезоуровне: проблема регулирования риска деформации // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 128–131.
- Клейнер Г.Б.* Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью // Экономическая наука современной России. 2012. № 1. С. 3–15.
- Колбачев Е.Б.* Развитие производственных систем микроэкономического уровня как преодоление информационного дефицита // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 30–32.
- Колобов Д.С., Брикач Г.Е.* Оценка производственных рисков на основе метода нелинейной оптимизации // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 136–139.
- Кузнецов Б.Л.* Метаэкономика: новые смыслы и содержания // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 62–64.
- Малкина М.Ю.* К вопросу о формировании новых подходов исследованию феномена современной эксплуатации // Труды V Всероссийского

- симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 73–76.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика и экономическая теория // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 78–81.
- Нижегородцев Р.М.* Механизмы развертывания кризиса: на пороге второй волны // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 81–83.
- Нуреев Р.М.* Перспективы России в свете концепций долгосрочного социально-экономического развития // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 200–203.
- Окрепилов В.В.* Повышение качества государственных услуг посредством внедрения систем менеджмента качества // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 203–206.
- Перский Ю.К., Дубровская Ю.В.* Гармонизация интересов субъектов экономики как фактор и источник саморазвития социально-экономических систем: синтез институционального и иерархического подходов // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 88–91.
- Пинская М.Р., Фомин Г.В.* Проблема справедливости в налоговых отношениях // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 208–211.
- Попов Е.В.* Трансакции и институты // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 49–50.
- Придачук М.П.* Проблемы и перспективы реформирования пенсионной системы России // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 220–223.
- Светлов Н.М.* Исследование возникновения ренты методов балансовых систем // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 99–102.
- Соложенцев Е.Д.* Логико-вероятностная модель развития России // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 228–231.
- Сухарев О.С.* Теория эффективности экономики: системная трактовка // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 115–117.
- Темный Ю.В.* Технопарки туристского профиля как основа инновационного развития регионов // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 234–237.
- Фролов Д.П.* Посткоузианская теория трансакционных издержек // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 117–119.
- Чупров С.В.* Расширение представлений об устойчивости и эффективности развивающихся экономических систем // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 51–54.
- Шаховская Л.С.* Соотношение понятий «мотивация» и «стимулирование»: синонимы или антонимы? // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 119–122.
- Шеховцева Л.С.* Макроэкономическое моделирование стратегических целей регионального роста // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 249–252.
- Шешукова Т.Г.* К понятию экономического потенциала предприятия // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 2. С. 54–56.
- Юсим В.Н.* Выход из кризиса экономической теории // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 239–242.
- Яруллин Р.Р.* Модернизация финансовой системы России: необходимость и тенденции // Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. Т. 1. С. 242–244.

*КОНФЕРЕНЦИИ,
СИМПОЗИУМЫ,
СЕМИНАРЫ,
КОНКУРСЫ*

ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Новая экономическая ассоциация (НЭА) и Секция экономики Отделения общественных наук РАН приглашают Вас принять участие во втором Российском экономическом конгрессе (РЭК–2013), который будет проходить во Владимире с 18 по 22 февраля 2013 г.

В числе запланированных направлений работы РЭК–2013:

1. Методология, история экономической мысли и экономическая история.
2. Новые грани политической экономики.
3. Общее экономическое равновесие и компьютерное моделирование социально-экономических процессов.
4. Теория игр и ее приложения.
5. Прикладная эконометрика.
6. Институциональная экономика.
7. Междисциплинарные исследования социально-экономических процессов.
8. Макроэкономика и экономический рост.
9. Экономика общественного сектора и институты гражданского общества.
10. Демография и рынки труда.
11. Человеческий капитал и социальная политика.
12. Наука и инновации.
13. Отраслевые рынки.
14. Пространственная и региональная экономика.
15. Корпоративное управление и экономика фирмы.
16. Экономическая интеграция.
17. Россия в мировой экономике.
18. Банки и финансовые рынки.
19. Экономика энергетического сектора.

В рамках Конгресса планируется проведение Конференции молодых ученых (студен-

тов и аспирантов), а также Кондратьевских чтений.

Заявки для участия в Конгрессе принимаются с 25 сентября 2012 г. по широкому кругу социально-экономических проблем, в том числе, не вошедших в приведенный выше перечень. Принимаются как индивидуальные заявки, так и заявки на организацию сессий.

Заявки регистрируются на сайте: <http://www.econorus.org/congress.phtml> до 15 ноября 2012 г.

Рефераты докладов рецензируются. Решение по включению в программу Конгресса заявленных докладов и сессий будет объявлено к 15 декабря 2012 г.

Е-mail для справок:
neages_2013@mail.ru.
Дополнительная информация
на сайте НЭА:
<http://www.econorus.org>.

XIV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА»

2–4 апреля 2013 г. в Москве состоится XIV Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: «Мировой экономический кризис и российская экономика» и «Институты и новая социальная политика». Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний в рамках секционных заседаний будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. В рамках конференции будут организованы специальные сессии с презентацией результатов исследований международных научных лабораторий ВШЭ. Секционные заседания и заседания

тов и аспирантов), а также Кондратьевских чтений.

Заявки для участия в Конгрессе принимаются с 25 сентября 2012 г. по широкому кругу социально-экономических проблем, в том числе, не вошедших в приведенный выше перечень. Принимаются как индивидуальные заявки, так и заявки на организацию сессий.

Заявки регистрируются на сайте: <http://www.econorus.org/congress.phtml> до 15 ноября 2012 г.

Рефераты докладов рецензируются. Решение по включению в программу Конгресса заявленных докладов и сессий будет объявлено к 15 декабря 2012 г.

Е-mail для справок:
neages_2013@mail.ru.
Дополнительная информация
на сайте НЭА:
<http://www.econorus.org>.

XIV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА»

2–4 апреля 2013 г. в Москве состоится XIV Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: «Мировой экономический кризис и российская экономика» и «Институты и новая социальная политика». Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний в рамках секционных заседаний будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. В рамках конференции будут организованы специальные сессии с презентацией результатов исследований международных научных лабораторий ВШЭ. Секционные заседания и заседания

круглых столов в рамках конференции будут проходить по следующим направлениям:

- Макроэкономика и экономический рост.
- Региональное развитие.
- Проблемы государственного управления.
- Города и агломерации.
- Финансовые институты и рынки.
- Теоретическая экономика.
- Наука и инновации.
- Экономическая история.
- Фирмы и рынки.
- Социально-культурные процессы.
- Экономика и право.
- Общество и социальная политика.
- Мировая экономика.
- Менеджмент.
- Международные отношения.
- Развитие образования.
- Местное самоуправление и гражданская самоорганизация.
- Развитие здравоохранения.
- Социология.
- Политические процессы.
- Управление общественным сектором.
- Демография и рынки труда.
- Медиа-коммуникации.

Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным выше темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии – 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами. С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» с 10 сентября до 12 ноября 2012 г. Регистрация заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

В заявке должны быть указаны фамилия, имя, отчество докладчика, место работы и должность, контактный адрес, телефон, факс и электронная почта, название предлагаемого доклада. К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1,5 интервала (до 7000 знаков). В аннотации должны быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также изложены основные полученные результаты.

Заявки с аннотациями объемом менее 1 стр. не рассматриваются. Один автор может представить на конференции один личный доклад и не более двух докладов в соавторстве.

Авторы доклада могут сообщить о своем желании участвовать в симпозиумах по специальным темам конференции. Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, до 12 ноября 2012 г. может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено по адресу: interconf@hse.ru и содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Продолжительность сессии 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято *до 21 января 2013 г.* на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны *до 4 марта 2013 г.* представить полный текст доклада (в формате Word, RTF или PDF) для размещения на сайте конференции. Окончательные версии докладов должны быть представлены *до 20 мая 2013 г.* Решение об их публикации в электронном сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования. Доклады, которые не были представлены на конференции, не рассматриваются для публикации.

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика», «ЭКО», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены *до 11 февраля 2013 г.* по адресу: interconf@hse.ru.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line с *13 ноября 2012 г. до 10 марта 2013 г.* по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

Организационный взнос за участие в конференции составляет:

	Для российских участников	Для иностранных участников		Для российских и зарубежных студентов и аспирантов
		Развитые страны	Развивающиеся страны, СНГ и ЦВЕ	
До 1 марта 2013 г.	1000 р.	100 долл.		200 р.
До 1 апреля 2013 г.	1500 р.	150 долл.	70 долл.	300 р.
С 2 апреля 2013 г.	2000 р.	170 долл.		500 р.

Банковские реквизиты счетов, на которые должен быть переведен организационный взнос, с 12 сентября 2012 г. будут доступны по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

От уплаты организационного взноса освобождаются почетные гости конференции, работники федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также лица, специально приглашенные Оргкомитетом конференции.

С программами и материалами I–XIII международных научных конференций (2000–2012 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2012/history>.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ

Москва, 9 - 10 апреля 2013 г.

Уважаемые коллеги!

Отделение общественных наук и Секция экономики Российской академии наук, Центральный экономико-математический институт РАН, Научный совет «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» Отделения общественных наук РАН, Волгоградский государственный университет, Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, журнал «Экономическая наука современной России», Российский гуманитарный научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Международная академия менеджмента, Международный научный фонд экономических исследований академика Н.П. Федоренко и НП «Объединение контролеров» извещают о проведении в Москве

*Четырнадцатого всероссийского симпозиума
«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»*

Симпозиум состоится 9 и 10 апреля 2013 г. в Центральном экономико-математическом институте РАН по адресу: Москва, На-

химовский проспект, 47. Работа симпозиума будет проходить на пленарном заседании и в пяти секциях:

- Секция 1. «Теоретические проблемы стратегического планирования на микроэкономическом уровне».
- Секция 2. «Модели и методы разработки стратегии предприятия».
- Секция 3. «Опыт стратегического планирования на российских и зарубежных предприятиях».
- Секция 4. «Стратегическое планирование на мезоэкономическом (региональном и отраслевом) уровне».
- Секция 5. «Проблемы прогнозирования деятельности предприятий».

Кроме того, научный совет «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» Отделения общественных наук РАН проводит в рамках симпозиума круглый стол по тематике симпозиума.

Заявки на участие и тезисы докладов для публикации в материалах Симпозиума следует направлять в адрес Оргкомитета не позднее 15 февраля 2013 г. по обычной почте (на бумажном носителе и на дискете) или по электронной почте. В заявке для каждого автора указываются: фамилия, имя и отчество; ученая степень; ученое звание; город; организация; адрес для переписки (в том числе электронный) и контактный телефон.

Подробная информация об условиях участия в работе симпозиума размещена на сайте ЦЭМИ РАН: <http://www.cemi.rssi.ru> в разделе «Новости».

Оргкомитет симпозиума, к сожалению, не имеет возможности обеспечить размещение иногородних участников в гостиницах.

Регистрационный взнос: для граждан России и стран СНГ – 2000 р.; для граждан других стран и лиц без гражданства – 200 долл. США (в рублевом эквиваленте). Индивидуальные подписчики журнала «Экономическая наука современной России» освобождаются от уплаты целевого взноса по предъявлении подписной квитанции на 2013 г.

Лица, оплатившие регистрационный взнос и принявшие участие в симпозиуме, по-

лучат сборник материалов симпозиума и комплект информационных материалов. Заочное участие в симпозиуме не предусматривается.

Оплата регистрационного взноса может быть произведена перечислением на расчетный счет Региональной общественной организации содействия развитию институтов Отделения экономики РАН (РОО).

Банковские реквизиты:

Донское ОСБ № 7813/1586, г. Москва
ИНН 7726249569, КПП 772601001
Р/счет 40703810638280100664
в «Сбербанке России ОАО» г. Москва
БИК 044525225
К/счет 30101810400000000225
ОГРН 1027739318970

Получатель платежа: Региональная общественная организация содействия развитию институтов Отделения экономики РАН.

Назначение платежа: «Взнос за участие в симпозиуме».

Оргкомитет симпозиума:

Сопредседатели Оргкомитета: академик *В.Л. Макаров*, директор ЦЭМИ РАН и чл.-корр. РАН *Г.Б. Клейнер*, заместитель директора ЦЭМИ РАН.

Члены Оргкомитета: д.ф.-м.н. *С.А. Айвазян*, зам. директора ЦЭМИ РАН; д.э.н. *К.А. Багриновский*, заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН; д.э.н. *В.Г. Гребенников*, зам. директора ЦЭМИ РАН; к.т.н. *М.Д. Ильменский*, зам. директора ЦЭМИ РАН; академик *В.В. Ивантер*, директор ИНП РАН; д.э.н. *О.В. Иншаков*, ректор ВолГУ; д.э.н. *А.Е. Карлик*, проректор СПбГУ-ЭФ; д.э.н. *В.С. Катькало*, декан Высшей школы менеджмента СПбГУ; к.э.н. *А.В. Кольцов*, начальник отдела ЦИСН; д.э.н. *В.Н. Ливищ*, зав. лабораторией ИСА РАН; д.э.н. *С.А. Масютин*, член Совета директоров Электротехнического концерна «РУСЭЛПРОМ»; академик *В.В. Окрепилов*, генеральный директор ФГУ «Тест-Санкт-Петербург»; д.э.н. *В.Л. Тамбов-*

цев, зав. лабораторией экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; академик *А.И. Татаркин*, директор Института экономики Уральского отделения РАН.

Ученый секретарь симпозиума: д.э.н. *Р.М. Качалов*, зав. лабораторией ЦЭМИ РАН.

Адрес Оргкомитета симпозиума:

117418, Москва, Нахимовский проспект, 47, ЦЭМИ РАН
Телефон: (499) 724-13-06.
Интернет: <http://www.cemi.rssi.ru>
E-mail: symp@cemi.rssi.ru

ЮБИЛЕИ АКАДЕМИКУ ОЛЕГУ
ТИМОФЕЕВИЧУ БОГОМОЛОВУ –
85 ЛЕТ!

Члену редакционного совета нашего журнала, одному из ведущих ученых-экономистов, академику Олегу Тимофеевичу Богомолу исполнилось 85 лет.

Начав свой трудовой путь в 1949 г. после окончания Института внешней торговли МВТ СССР, Олег Тимофеевич получил в дальнейшем признание как крупнейший специалист в области сравнительного анализа экономико-политического устройства стран социалистической системы, впоследствии – стран с переходной экономикой. Трудно переоценить вклад академика О.Т. Богомолова в российскую экономическую и обществоведческую науку. Результаты его научных исследований опубликованы более чем в 700 научных статьях и монографиях, изданных в нашей стране и за рубежом. Среди научных работ последних лет надо отметить его выдающиеся монографии: «Моя летопись переходного периода» (перездана в КНР), «Реформы в зеркале международных сравнений», «Анатомия глобальной экономики», «Раздумья о былом и насущном», «Экономика и общественная среда. Неосознанное взаимовлияние», «Неэкономические грани экономики», «Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи» и др. В настоящее время в фокусе научных интересов академика О.Т. Богомолова оказались проблемы взаимодействия и взаимовлияния экономики и других сфер общественной жизни: идеологии, политики, этики и др.

Академик О.Т. Богомолов широко известен как крупный организатор науки. В течение почти тридцати лет он возглавлял Институт экономики мировой социалистической системы, впоследствии – Институт международных экономических и политических исследований РАН, под его руководством получило

развитие такое новое научное направление, как комплексное сравнительное исследование политических, экономических и внешнеполитических проблем в социалистических и постсоциалистических странах. Как одного из авторитетнейших ученых-экономистов Олега Тимофеевича Богомолова приглашают в качестве эксперта в состав различных правительственных делегаций. Он является членом Президентского консультативного совета, председателем экономического комитета Парламентской ассамблеи ОБСЕ, был депутатом Съезда народных депутатов СССР и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В Государственной Думе он в течение ряда лет являлся заместителем председателя Комитета по международным делам.

Олег Тимофеевич успешно сочетает свою научную и организаторскую деятельность с педагогической работой, в течение многих лет он являлся профессором и заведующим кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова, возглавляет кафедру «Мировой экономики» в Государственном университете управления. Он воспитал целую плеяду исследователей и учеников, обеспечивая приток в науку свежих сил, под его научным руководством подготовлены и защищены многие кандидатские и докторские диссертации.

Высокий профессионализм, талант организатора научных исследований, высокая научная эрудиция, глубокое проникновение в суть стоящих перед отечественной наукой задач позволяют Олегу Тимофеевичу успешно развивать новые научные направления в экономических исследованиях, выявлять и формулировать самые актуальные и важные для нашей страны научные проблемы. Если в 1960–1970-е гг. это были вопросы становления нового для мировой экономики института – системы стран социализма и их, в 1980-е гг. – задачи реформирования зашедшего в тупик догматического социализма и набирающей силу глобализации мировой экономики, в 1990-е гг. – проблемы трансформации старой хозяйственной системы и поиска новых путей

развития, то в настоящее время исследования О.Т. Богомолова сосредоточены на поиске путей устранения тех ошибок, которые привели к деградации нашей страны и могут стать критическими для самого ее существования как целостного экономически развитого государства.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Экономическая наука современной России» от всей души поздравляют Олега Тимофеевича со славным юбилеем и желают ему здоровья, удач и новых замечательных творческих достижений!